

ИСТОРИЯ РОССИИ

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Д.А. Ванюков
И.В. Суслов

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

ББК 63.3
В17

Использование текста, а также его фрагментов,
без разрешения правообладателя запрещается
и преследуется по закону.

**Ванюков Дмитрий Александрович,
Суслов Иван Владимирович**

В17 Годы репрессий. — М.: ООО ТД «Издательство Мир
книги», 2007. — 240 с.: ил.; цв. вкл. 16 с. — (История Рос-
сии).

Грандиозные стройки и трудовой героизм, режим власти одного человека и долгие годы репрессий, уничтоживших научный и культурный потенциал великой страны. Какие последствия имело единоначалие великого вождя всех народов? Как проходила подготовка к Великой Отечественной войне? Каких политических успехов удалось добиться Советскому Союзу в предвоенные годы?

На эти и многие другие вопросы отвечают авторы данной книги.

ББК 63.3

ISBN 978-5-486-01763-6

© Ванюков Д.А., Суслов И.В., текст
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», 2007

Предисловие

Проводимая большевиками в 20-е гг. новая экономическая политика не могла решить весь комплекс стоящих перед страной задач. Лежащая в ее основе система компромиссов — социальных, экономических, частично политических и совсем немного идеологических — была во многом следствием перегибов и перекосов «военного коммунизма» и гигантских потерь Гражданской войны. Стратегических ориентиров и кардинальных ценностей нэп так и не сформировал. Напротив, снизу и сверху росло неприятие новой экономической политики, породившей чувствовавших себя «хозяевами жизни» нэпманов, волну коррупции и хищений, рост массового недовольства, алкоголизм и суицид «красных» участников Гражданской войны (достаточно вспомнить повести А.Н. Толстого «Голубые города» и «Гадюка»).

Нэп был отброшен решительно и бесповоротно. «Наступление социализма по всему фронту» вызвало и новую актуальность «фронтовых» ориентиров, ценностей, психологии. Пятилетки разворачивались как гигантские сражения за выполнение и перевыполнение плановых показателей. Котлованы под массовые стройки — заводы и фабрики — стали своеобразными окопами битвы за форсированную индустриализацию. Тракторы и комбайны формировали ударные колонны коллективизации сельского хозяйства. Ликвидация неграмотности и лучшие социальные программы планировались и осуществлялись как боевые операции. Естественно, и сами основы жизни в этом прекрасном и яростном мире мыслились как специфическая форма классовой борьбы. Появление классовых врагов не заставило себя ждать.

Естественно, в подобных условиях возрастало значение фактора единоначалия. Социально-политические битвы 30-х гг. выдвинули такого командира-вождя. Им оказался И.В. Сталин. Единоначалие обернулось в итоге культом личности. А начинали первые русские революционеры с культа народа.

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?

«Время — вперед!» — это не только название популярной повести В. Катаева о героях первой пятилетки. Это и лозунг, отражающий дух эпохи, где фактор времени становится решающим. Ускоренная индустриализация страны была целью, которая, как считалось (и считается порой сейчас), оправдывала все средства, использовавшиеся большевиками. Споры о сроках, методах и цене преобразований в стране развели в разные стороны в очередной раз руководителей компартии. И привели: кого (в дальнейшем) — к стенке, кого — на трибуну Мавзолея. Но это будет не сразу. Время — вперед!

Команда «Кризис!» дана для всех

Невозможно рассматривать исторические события в СССР на рубеже 20—30-х гг. в отрыве от мировых политических и экономических процессов той бурной эпохи. Представление, что за происшедшее в одной отдельно взятой стране ответственны «злой гений» Сталин, «идеалист» Бухарин, «агенты мировой закулисы» Радек и Зиновьев, довольно наивно. Параноидальные поиски врагов и наиболее простые объяснения, как показал опыт советских 30-х гг., губительны для общества и государства.

Кризис рубежа десятилетий, определивший во многом дальнейшую судьбу страны, был специфической, но неотъемлемой частью глобального системного кризиса мировой капиталистической системы 1929—1933 гг. (получившего название Великого кризиса, или Великой депрессии), когда объем промышленного производства сократился в целом на 38 %, сельского хозяйства — на 1/3, международной торговли — на 2/3.

В полную силу ударить по СССР с его ослабленными экономическими связями с капиталистическим окружением мировой кризис не мог. Но, во-первых, необходимое оборудование для провозглашенного курса на индустриализацию страны СССР получал преимущественно из-за границы и платил за него в основном золотом. Резкое изменение мировой конъюнктуры привело к не менее резкому подорожанию импортного оборудования. Во-вторых, Великий кризис показал слабость традиционных рыночных регуляторов, которые государства во всем мире, исходя из прежних либеральных экономических доктрин, использовали для балансировки своих хозяйственно-финансовых механизмов. СССР «повезло» в том смысле, что рыночные механизмы нэпа не были саморегулирующимися, они находились под жестким государ-

Официальный портрет
И.В. Сталина

ственным контролем. Но по сути советская экономическая модель представляла собой социально ориентированный государственный капитализм, а последнее предполагало неизбежность кризисов, как учил основоположник научного коммунизма Карл Маркс, чьи портреты украшали в праздничные дни улицы и площади советских городов.

Характерно, что мировой капитализм пути выхода из кризиса стал искать в советском направлении. Избранный в 1933 г. в первый раз президентом США Ф. Рузвельт в качестве экономического советника пригласил известного британского эксперта Дж.М. Кейнса (женатого, кстати, на российской эмигрантке), который предложил «лечить» рынок с помощью умелого госпланирования, системы госдотаций и амбициозных программ массового строительства объектов общегосударственного значения: электростанций, сети дорог, предприятий. Рузвельт вытащил страну из кризиса, но был ославлен своими политическими оппонентами как «розовый» («полукрасный») и «почти коммунист».

Те же элементы с еще большей абсолютизацией государственного регулирования и стимулирования отдельных секторов экономики можно найти в фашистской Италии и нацистской Германии. Ошибочно было бы считать, что кризис, вернее, посткризисные явления, послужили катализатором для формирования и укрепления режимов Сталина и Гитлера.

«Тоталитарная теория» в ее классическом виде (Х. Арендт, К. Фридрих, З. Бжезинский) стала складываться в США в период холодной войны не только как академическая теория, рассматривающая динамику и статику политических процессов в Центральной и Восточной Европе 1930—1940-х гг., но и как идеологическое оружие в пропагандистской войне между Западом и Востоком. Уже в 70-е гг. большинство американских советников вынуждены были признать, что термин «тоталитаризм» вряд ли применим к обозначению советского государства и общества после смерти Сталина.

Авторитарные режимы в Европе меж двух мировых войн — это скорее правило, а не исключение. Генеральный секретарь, а позднее — генералиссимус, Сталин отличался от генерала М. Хорти (Венгрия), маршала Й. Антонеску (Румыния), Ю. Пилсудского (Польша), маршала А. Кармоны и доктора

А. Салазара (Португалия), генерала Ф. Франко (Испания) и других менее известных европейских автократов в основном масштабом воздействия на мировую историю и размахом использования террора как одного из главных инструментов политики внутри и за пределами своей страны.

Опасность установления диктатуры (в основном националистического толка) существовала и в странах Западной Европы с уже оформившимися и устоявшимися демократическими традициями — Франции, Голландии, Бельгии. Даже в Великобритании был свой «фюрер» — О.Э. Мосли. Политическая карьера У. Черчилля в 30-е гг. находилась в крайнем упадке, потому что соратники и оппоненты не могли простить ему «диктаторские замашки».

Весь мир переживал кризис, который программировал вмешательство государства в ранее неподвластные ему сферы жизнедеятельности. Народы ждали уже не героев — вождей. Советский Союз и Сталин исполнили свои ведущие темы в партитуре мирового кризиса с уже угадывавшимся крещендо — новой мировой войной.

Три пути

Как далеко можно зайти в развитии хозяйственной системы, тактически ориентированной на рынок, не упуская при этом стратегической перспективы движения к социализму? В течение 1920-х гг. внутри ВКП(б) не прекращалась острая полемика по этому вопросу. Перед советской властью стояла сложная задача — требовалось определить политику в отношении крестьянства, без участия которого осуществление ускоренной индустриализации было невозможно.

С середины 1920-х гг. сторонники Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева (так называемая левая оппозиция) требовали свер-

Г.Е. Зиновьев

Советский агитплакат

нуть нэп (новую экономическую политику, объявленную на X съезде РКП(б) в 1921 г. и давшую простор частной инициативе под контролем государства) и начать ускоренную индустриализацию за счет выкачивания ресурсов из села. Противоположной точки зрения придерживались Н.И. Бухарин и его единомышленники, выступавшие за продолжение (с необходимой корректировкой) нэпа.

Форсированное наступление на капиталистические элементы включало и борьбу с кулачеством, но преимущественно экономико-правовыми методами, например лишением права голоса в земельных обществах. Оппоненты склонялись к приоритету политико-правовых методов решения кулацкой проблемы. Партийные вожди выступали от имени и в защиту беднейших слоев, но фактически речь шла о борьбе за руководящие посты в РКП(б). Так, Г.Е. Зиновьев на XIV съезде партии процитировал письмо из деревни, а в комментарии к нему сказал, что в селах «думают о том, что происходит чуть ли не восстановление монархии, опять кулак поднимает голову» [1]. Далее Зиновьев подчеркивал, что в связи с этим бедняцкие массы недовольны политикой власти и настроены против партии большевиков: «Нельзя не видеть этой основной опасности, десятки миллионов крестьянской бедноты тоже имеют вождей, демобилизованные красноармейцы, связанные с беднотой, поддерживают их настроения. Мы должны дать знать бедноте, что не позволим кулаку раздевать и грабить ее» [1].

Однако Н.И. Бухарин полагал, что переоценка кулацкой опасности приведет к обострению классовой борьбы в деревне с возвратом к комбедам (комитетам бедноты), действовавшим в селе в годы Гражданской войны. И.В. Сталин одно время (1926—1927) придерживался той же позиции. Перспектива войны с крестьянством большевиков не вдохновляла, но

подстраиваться к настроениям армии мелких земельных собственников они желали еще меньше...

Настроения значительной части крестьянства отражают фрагменты письма казака из Азовского района Донского округа, дошедшего до В.М. Молотова 22 февраля 1927 г. (орфография и пунктуация сохранены): «Вы экономию ведете над крестьянином, крестьянин голый и босый, еще и голодный, рабочие едят яйца, масло, мясо и кур, а как бы метр (ткани. — *Ред.*) стоил 20 коп. или аршин 16 коп., так... бы и голод нас не томил, крестьяне знают, что рабочие нас обманывают и обставили... Пусть крестьянин умрет сегодня, а рабочий завтра, но знай — коммунист, что ты для крестьянина ничего хорошего не сделал за 8 лет, но если пойдут капиталисты на Вас войной, то я пойду за тебя воевать...

...При гнете дешевле. Коммунистам роскошь нужна. Рабочий класс отклонился от социализма...

Я Иван Хомич, Красное Приазовье, передай мое письмо в Партийный Комитет самым главным управителям...» [2].

Действительно, в ходе нэпа крестьяне получили землю и обрели некоторую стабильность положения в качестве собственников. Крестьянские хозяйства освободили от арендных платежей и выкупа земли. Однако оптимистичные расчеты на рост сельскохозяйственного производства не оправдались. Оказалось, что село не имело внутренних стимулов для развития. Большинство крестьян не видели смысла в том, чтобы увеличивать производительность труда: полученного урожая вполне хватало на уплату налогов и поддержание достатка в семье. Имело значение и то, что промышленность не удовлетворяла потребностей села в индустриальных товарах, поэтому крестьяне не видели выгоды в том, чтобы увеличивать поставки продовольствия в город. Между тем городское население стремительно росло, что угрожало обострением продовольственной проблемы в стране.

В исследовании В.С. Немчинова (представителя сложившейся в конце XIX — начале XX в. русской экономической школы), значительно повлиявшем на дальнейшую политику И.В. Сталина в отношении крестьянства, указывалось, что до 1917 г. более 70 % товарного хлеба давали крупные хозяйства, использовавшие труд наемных работников (в 1913 г.

На работу, за трудоднями

в российской деревне насчитывалось 4,5 млн батраков). К 1926 г. крестьяне производили на 40 % больше хлеба, чем до революции, но практически полностью потребляли его сами: на продажу шло только 11,2 % собранного зерна.

В 1926 г. при том же урожае зерновых, что и в 1913 г. (около 76,5 млн т), экспорт сократился в 4 раза по сравнению с предвоенными годами. А между тем советская власть рассматривала продажу зерна за границу как основной источник средств для проведения индустриализации. В целом темпы индустриализации напрямую зависели от интенсивного развития сельского хозяйства: иных значительных ресурсов у Советского государства на тот момент не было.

В теории у большевиков существовало не два, а три варианта развития деревни. Первый из них предполагал курс на поощрение и поддержку крепкого товарного сельскохозяйственного производства. Внутрипартийные оппоненты тех лет (как, впрочем, и некоторые современные исследователи) усматривали в этом нечто вроде столыпинских реформ с перспективой перерождения натурального крестьянского хозяйства в хозяйство фермерского типа. Но даже при условии нейтрализации кулачества эта модель объективно привела бы к росту социальной напряженности между середняками и бедняками и смогла бы решить проблему ликвидации товарного голода лишь в среднесрочной перспективе. Вообще, так называемая «американская модель» требует значи-

тельных предварительных капиталовложений, возможности для которых в Советской России не было.

Второй вариант подразумевал рассчитанную на краткосрочную перспективу ликвидацию кулацких капиталистических хозяйств и создание коллективных механизированных хозяйств.

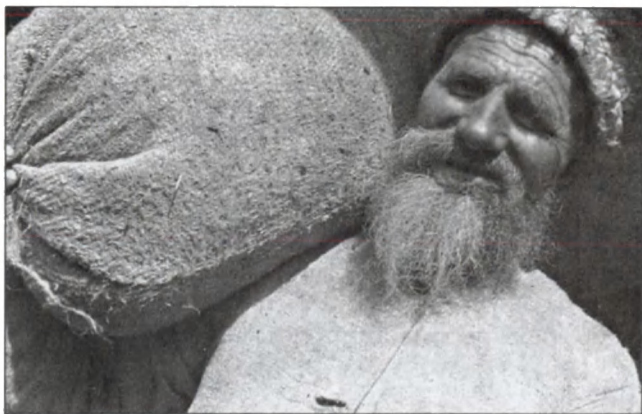
Третий (средний) путь, заключался в развитии единоличных дворов с постепенным переходом к их кооперации. Он был наименее болезненным для села, но слишком медленным для того, чтобы рассчитывать на него в создавшихся условиях. А фактор времени рассматривался как решающий.

Кризис хлебозаготовок

Постепенная трансформация, а затем и свертывание нэпа намечались еще в 1927 г. На XV съезде ВКП(б) была предложена концепция ускорения (но не форсирования) социалистических преобразований. При этом вопрос о необходимости сплошной коллективизации не поднимался. Трансформацию нэпа предполагалось проводить постепенно. Однако намеченные планы разрушил хлебозаготовительный кризис, разразившийся в стране на исходе десятилетия.

В конце 1927 г., в начале заготовительной кампании, государство снизило закупочные цены на хлеб. Кулаки и середняки прекратили продажу зерна, ожидая более выгодной рыночной конъюнктуры. На их позицию по-прежнему влияло то обстоятельство, что на вырученные от реализации хлеба деньги купить в городе было нечего. Бедняки продали хлеб еще осенью. В то же время государство не располагало ни зерновыми, ни валютными резервами (для закупки зерна за границей). Назревала угроза общехозяйственного кризиса.

В 1927 г. из-за неурожая в ряде районов (а также из-за нехватки промышленных товаров для обмена на зерно) хлеба заготовили на 128 млн пудов меньше, чем в 1926 г. Советское правительство возвратилось к опыту Гражданской войны и эпохи «военного коммунизма». В стране ввели чрезвычайные меры: крестьяне, уклонявшиеся от сдачи зерна, подвергались репрессиям, действовали твердые цены на его продажу, розничная торговля хлебом запрещалась.

Мешок с зерном...

В январе 1928 г. Политбюро ВКП(б) сочло возможным «в порядке исключения» применить при выполнении плана хлебозаготовок чрезвычайные меры в отношении крупных кулаков. По всей стране разъехались специальные уполномоченные, которым предписывалось изъять у крестьян «излишки» зерна. По сути, этим шагом партия большевиков продемонстрировала готовность к отказу от продналога, дававшего крестьянству гарантированное право распоряжаться по своему усмотрению сельскохозяйственной продукцией, оставшейся после уплаты налогов. Власть заставляла крестьянина сдавать зерно по твердым государственным ценам. В случае несогласия он объявлялся «кулаком», привлекался к суду по обвинению в спекуляции, а хлеб подлежал конфискации.

Это напоминало продрозверстку времен «военного коммунизма». За уполномоченным шли вооруженные отряды, производившие повальные обыски и реквизиции. Не подчинившихся власти «кулаков» судили по 108-й статье УК РСФСР (обвинение в спекуляции), имущество арестованных, скот, инвентарь изымались в пользу государства.

На «хлебный фронт» мобилизовали около 30 тыс. коммунистов, которые стали ударной силой посланных на село «оперуполномоченных» и «рабочих» отрядов. В числе первых был и сам И.В. Сталин, выехавший в Западную Сибирь. (После утверждения на посту Генерального секретаря

это была первая и последняя его поездка в сельские районы.) В других регионах действовали будущие «верные сталинцы»: на Урале — В.М. Молотов и Н.М. Шверник, на Северном Кавказе — А.А. Андреев. Подобный способ хлебозаготовок получил название «урало-сибирского метода». С января по март 1928 г. таким путем у крестьян «выбили» 4,21 млн т зерна. Можно сказать, что относительный успех этой чрезвычайной кампании обеспечили хорошо скоординированные действия партийной номенклатуры, органов прокуратуры и суда, ОГПУ и милиции на местах. Значительную помощь в изъятии хлеба оказали бедняки, которые получали за донос о спрятанных излишках 25 % зерна, отобранного у «классового врага». Этим врагом в большинстве случаев оказывалось не столько кулачество, сколько середняки. Изъятый хлеб и репрессии не решили, а лишь усугубили хлебозаготовительный кризис. Однако, встав на путь «чрезвычайщины» и силового регулирования экономики, с него уже практически невозможно было сойти.

Некоторые из партийных деятелей рассматривали чрезвычайные меры только как временный выход из трудностей. Они больше рассчитывали на агитацию, убеждение, а не на возвращение к методам «военного коммунизма». На пленуме ЦК, состоявшемся в апреле 1928 г., И.В. Сталин заявил, что кризис хлебозаготовок вызван выступлением кулачества, окрепшего в период нэпа. В деревне обозначилось двоевластие: с одной стороны, Советы, с другой — крестьянский мир, причем Советы нередко лишь регистрировали решения сельских сходов, принятые под влиянием кулаков.

На том же пленуме И.В. Сталин подчеркнул, что СССР имеет не только внешних, но и внутренних врагов. Приближающийся мировой кризис и волна террора против советских дипломатов (убийство посла П.Л. Войкова) убедили и Сталина, и его оппонентов (от Троцкого

Агитплакат в поддержку хлебозаготовительной кампании

до Рыкова) в том, что в ближайшем будущем вооруженное столкновение почти неминуемо и потому нужно нейтрализовать потенциальную «пятую колонну» внутри страны. Директива Совета Народных Комиссаров и ЦК партии предписывала с помощью чрезвычайных методов обеспечить выполнение намеченного годового плана хлебозаготовок. Чрезвычайность цели снимала проблему исключительности мер.

В ответ на жестокую политику хлебозаготовок в 1929 г. по всей стране прокатилась волна бунтов и мятежей. В деревнях зарегистрировали около 3 тыс. террористических актов, жертвами которых стали 10 тыс. уполномоченных, колхозников, селькоров и прочих проводников политики партии на селе. В ряде мест можно было говорить о рецидивах «зеленого» движения времен Гражданской войны. Города полностью перевели на карточную систему распределения хлеба. В этих условиях власть стремилась избежать грубых просчетов в экономической политике. В то же время у нее не осталось времени на маневр. Отсутствовала уверенность и в том, что с введением очередных чрезвычайных мер кулацкие мятежи не вспыхнут с новой силой.

Член Политбюро ВКП(б) и главный редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, Председатель Совнаркома А.И. Рыков, Председатель ВЦСПС М.П. Томский, секретарь ЦК и Московского комитета партии Н.А. Угланов объясняли возникший кризис неверной налоговой и ценовой политикой и предлагали стабилизировать положение в сельском хозяйстве без

Н.А. Угланов

применения чрезвычайных мер с помощью преимущественно рыночных методов (т. е. по-прежнему настаивали на проведении индустриализации при сохранении общих тенденций нэпа). Их проект предусматривал сбалансированный подъем тяжелой и легкой промышленности и постепенное развертывание крупных коллективных зерновых хозяйств, хотя первоначально Бухарин не очень высоко оценивал перспективы подобных хозяйств социалистичес-

кого типа: «Колхоз — это есть могущественная штука, но не это столбовая дорога к социализму» [3].

Однако в условиях дисбаланса экономики незначительная коррекция экономического курса (то, что предлагал Н.И. Бухарин) не могла исправить положения — это лишь загоняло болезнь внутрь. Подъем промышленности при сохранении хозяйственной системы нэпа был невозможен: темп индустриального развития в этом случае зависел бы от единоличного крестьянского хозяйства при постоянной угрозе новых срывов.

Использование властных рычагов во взаимоотношениях с деревней могло принести лишь временный результат — требовалось ликвидировать сами причины хлебозаготовительных кризисов, чтобы не только обеспечить финансовые средства для индустриализации, но и решить продовольственную проблему в городах.

При ввозе хлеба из-за границы советскому правительству пришлось бы тратить валютные средства, предназначенные для закупки промышленного оборудования, что обернулось бы замедлением технического перевооружения страны. В то же время недооцененные Бухариным колхозы, хотя к 1927 г. и объединяли лишь 1% крестьян, показывали устойчивую тенденцию превосходства коллективных хозяйств над индивидуальными (относительные показатели товарного производства первых превышали аналогичные показатели последних в 2—3 раза). Кроме того, десятки тысяч потенциальных колхозов было гораздо легче контролировать с помощью административных методов, чем 25 млн единоличных хозяйств.

Настроения в среде рабочих

Недовольство нэпом нарастало и в среде рабочих. В 1927 г. громкую известность получили «астраханское дело» и так называемый «смоленский гнойник». Оба случая оказались связанными с попытками частнокапиталистического сектора обеспечить свои интересы через коррумпирование госаппарата. Сращивание региональных партийных структур с частным капиталом вызывало острую реакцию неприятия в советском обществе. Представители различных слоев населе-

ния проявляли антинэповские настроения. Вначале нэп улучшил благосостояние рабочих, но в 1927 г. обострились социальные проблемы и возникли продовольственные трудности. Безработица, нищенство, рост проституции и алкоголизма стали восприниматься как прямые следствия нэпа.

На этом фоне руководству страны было легче убедить рабочий класс в необходимости трудовых подвигов под лозунгом «Догнать и перегнать ведущие капиталистические страны в промышленном развитии» во имя будущего Страны Советов. В результате масштабных кампаний по чистке государственного аппарата, партии и профсоюзов в 1928—1929 гг. на предприятиях начал действовать новый режим — «своеобразное сочетание единого командного управления» (единоначалия) и «множественности форм контроля над управлением» (сверху — ОГПУ, снизу — рабочие). В связи с этим открылись возможности для проявления рабочей инициативы, в промышленности возникло движение ударничества, развернулось социалистическое соревнование. Массовый характер эти почину приняли после того, как 20 января 1929 г. «Правда» опубликовала статью В.И. Ленина «Как организовать соревнование?».

В движении ударников участвовали молодые, но достаточно квалифицированные рабочие, занимавшие промежуточное положение между старыми, потомственными пролетариями и новыми рабочими — выходцами из деревни. При нэпе они находились в непривилегированном положении, подвергались определенной дискриминации в оплате труда,

Советский агитплакат в поддержку социалистического соревнования

не имели возможности улучшить свое социальное положение. Именно эти группы рабочих (в основном члены партии и комсомольцы) объединялись в ударные бригады для защиты своих интересов, начинали соревнование, требовали более высоких темпов индустриализации, поддерживали промышленную модернизацию, единоначалие, готовы были терпеть «временные трудности» во имя завтрашнего дня. Однако в рабочей среде существовали и другие взгляды на этот счет.

В сборочном цехе
машиностроительного
завода

Один из видных деятелей ВКП(б) Н.М. Шверник отмечал (в частности, на основании анализа обстановки, сложившейся в трудовом коллективе Южного машиностроительного треста), «что на почве продовольственных затруднений постоянно возникали «нездоровые» настроения. На собрании упомянутого треста, где обсуждался вопрос о рабочем снабжении, присутствовало около 2 тыс. делегатов-трудящихся. Выступления некоторых из них носили категоричный характер: «Скоро с голоду подохнем, работаем много, а купить нечего и не на что», «Соцсоревнования скорее приведут к могиле» [4]. Рабочие жаловались на то, что манифест ЦИКа о семичасовом рабочем дне не проводится в жизнь. Звучали заявления о необходимости увеличения зарплаты в соответствии с ростом рыночных цен. Делегаты говорили, что в первую очередь следует обеспечить рабочих продуктами питания, а уже затем говорить о соцсоревновании.

В 1928—1929 гг. ввели карточную систему распределения. Нормы отпуска и ассортимент товаров постоянно сокращались. Во втором квартале 1932 г. на основании решения ЦК ВКП(б) отменили продажу по карточкам рыбы, кондитерских изделий, яиц, овощей, молока, сыра. Отныне распределению по талонам подлежали лишь хлеб, крупа, мясо, сельдь, сахар, животные и растительные жиры, но и эти продукты выдавались со значительными перебоями.

Курс на ускоренное развитие промышленности привел не только к обострению продовольственных проблем, но и к де-

зрганизации производства, в частности возросло количество технических неполадок. Например, как докладывал Н.М. Шверник, на заводе им. Ворошилова группа трудящихся в количестве 80 человек (из них 8 — члены партии) бросила работу и в течение полутора часов проводила агитацию среди других рабочих костыльного цеха. Этот демарш имел несколько причин.

Во-первых, недостаточное и несвоевременное устранение технических неполадок вызывало частые остановки, простои отдельных агрегатов (горна, прессов), что нервировало рабочих и отражалось на выработке норм.

Во-вторых, по мере постепенного введения в действие новых станков-прессов (нового костыльного цеха) дополнительно принимались рабочие, среди которых было значительное число лиц, не имевших производственного стажа, впервые попавших на производство, трудившихся в сельском хозяйстве и т.п., что отрицательно сказывалось на интенсивности работы и трудовой дисциплине.

В-третьих, из-за недостаточного внимания к настроению рабочих со стороны цехового начальства, партийных и профессиональных ячеек, завкома, заводского управления недоучеты на производстве не были своевременно устранены.

Иностранные специалисты, привлеченные в качестве экспертов (в основном среди них были сочувствующие советскому эксперименту), оставили документальные свидетельства традиционного бардака и неразберихи на стройках первой пятилетки. Токари для скорейшего выполнения плана вместо тонких резцов применяли грубые. Сверла использовались не по инструкциям (которые часто даже не переводились на русский язык), в результате чего дорогие машины ломались. На электrozаводе валялся и ржавел из-за незначительной поломки американский токарный станок стоимостью 25 тыс. долл. Когда первый директор Сталинградского тракторного завода спросил одного из рабочих, каким измерительным инструментом он пользуется, тот показал свой палец.

До 1927 г. официально признавалось, что жизненный уровень российского пролетариата был ниже того, который существовал в царской России. Ухудшившееся положение рабочих объяснялось последствиями империалистической и

Советский производственный агитплакат

Гражданской войн. В 1927 г. в печати по указанию ВКП(б) развернулась кампания пропаганды мнимых и реальных достижений советской власти. В их ряду числилось и повышение жизненного уровня рабочих. Любые попытки проанализировать недостатки социалистического строительства, найти их причины расценивались как проявление меньшевизма и происки контрреволюции. Констатация факта уменьшения реальной заработной платы приравнивалась к кадетско-меньшевистским выпадам.

Для опровержения этого тезиса экономисты включали в категорию средней зарплаты затраты из общественных фондов на общее и профессиональное образование, культурное обслуживание, медпомощь, страхование по старости. Потребление рабочих определялось исходя из цен государственных и кооперативных торговых заведений, которые были ниже рыночных. Зарплата вынужденно удерживалась в границах минимальной стоимости рабочей силы, соответствовавшей только стоимости средств, абсолютно необходимых для поддержания жизни (и не более того).

Начальник Главцветметзолота А.П.Серебровский после инспекции уральских заводов в марте 1932 г. поделился своими впечатлениями с наркомом тяжелой промышленности Г.К.Орджоникидзе. Он отмечал, что на производстве упала дисциплина (как если бы кто-то развалил ее намеренно) и бездельничество не считается пороком. Заводская админист-

рация объясняет свое нежелание навести порядок тем, что нечего, мол, «требовать с людей, которым жалованье не платим, которых даже не кормим» [5].

А.П. Серебровский сделал вывод о том, что необходимо бороться с атмосферой лжи и очковтирательства. Он привел конкретные примеры. На Компанитском руднике благодаря стараниям нескольких инженеров положение было сносным. Но профсоюзная организация лишила их членских билетов и настаивала на снятии всех с должности в связи с тем, что они требовали строгого соблюдения производственной дисциплины. Главные причины неудач заключались не в намеренном вредительстве подчиненных, а в разгильдяйстве, которому начальство сплошь и рядом потакало. Многие руководители хорошо проявляли себя при строительстве заводов, но не справлялись с эксплуатацией новых предприятий.

Основная часть рабочих, приходящая из деревни (около 8 млн человек), была практически неграмотна, не обладала нужной квалификацией и представлениями о трудовой дисциплине. Сносное жилье для них отсутствовало. На Московском электрозаводе «новый пролетариат» поселили в длинном деревянном бараке со скошенными нарами, без подушек и простыней, люди спали и на полу. В Магнитогорске рабочие долгое время жили в палатках, а трудящиеся из башкир и татар — в глиняных мазанках. Производственные помещения возводили в первую очередь, вся инфраструктура до-

страивалась в течение довольно длительного времени. (Характерно, что модернизация капиталистических стран Юго-Восточной Азии 70—80-х гг., так называемых «новых драконов», шла по схожей модели.)

В годы первой пятилетки обострилась жилищная проблема. С 1928 по 1932 г. городское население выросло на 44 % (за 5 лет прирост составил столько же, сколько за предыдущие 30). Между тем жилье почти не строилось. Значительная часть прибывающего населения размещалась в чрезвычайно стесненных ус-

Советский транспортный агитплакат

ловиях. Происходило уплотнение в отношении рабочих, разместившихся в кооперативных домах, а также у индивидуальных застройщиков. Не имея места для ночлега, рабочие заводов нередко ночевали в цехах и на вокзалах. Медленно строились новые общежития, а старые еще более уплотнялись. На новостройках рабочие ночевали в бараках облегченного типа — дощатых, земляных, саманных. Но и эти временные пристанища были перенаселены.

В годы первой пятилетки, когда в городах возник дефицит рабочей силы, открылась возможность использовать женский труд на подсобных немеханизированных работах, где ранее были заняты исключительно мужчины. К концу 1931 г. прирост численности женщин, занятых в несельскохозяйственной сфере, составил 3,5 млн человек. Кампания по увеличению притока женщин в производство проходила под лозунгом «превращения женщины из рабыни домашнего очага в производительного работника социалистического хозяйства» [6].

В издании «Труд в СССР» (1930) указывалось, что санитарно-техническое состояние многих предприятий (особенно в тяжелой промышленности) в 1930 г. все еще продолжало оставаться критическим, что объяснялось изношенностью оборудования, ветхостью построек, теснотой рабочих помещений. Часто происходили аварии, сопровождавшиеся значительным количеством человеческих жертв. Только в 1929 г. случилось несколько таких ЧП: пожар на ростовской мельнице, взрыв на химическом заводе в Одессе, отравление рабочих на кожевенном заводе в Бердичеве, обвалы на шахтах Донбасса.

Неудовлетворенность заработной платой (большинство рабочих относились к категории грубой рабочей силы и получали в 4—8 раз меньше квалифицированных) и условиями

В 30-е гг. советский агитпроп внедрил идею вовлечения женщины в промышленное производство

труда часто приводили к массовым миграциям «нового пролетариата». В 1930 г. на предприятиях угледобывающей и сталелитейной промышленности человек держался на производстве в среднем около 4 месяцев. В борьбе с этими явлениями правительству пришлось принять серьезные и жесткие меры. В декабре 1932 г. были введены внутренние паспорта и прописка. Еще с сентября 1930 г. рабочие стали получать по месту работы «книжку заработной платы», где отмечалось «увольнение по собственному желанию»; в 1938 г. они превратились в трудовые книжки, которые трудящиеся должны были сохранять в течение всей трудовой жизни. Крестьянам в деревнях паспорт не полагался.

Выбор Сталина

Объявленный во второй половине 1920-х гг. курс на ускоренную индустриализацию и сплошную коллективизацию дал повод некоторым современным историкам уличить И.В. Сталина в переходе на позиции троцкизма и поставить ему в вину разгром бухаринцев (недавних союзников Иосифа Виссарионовича) как правых уклонистов. Действительно, на XIV съезде РКП(б) Сталин отмечал, что темпы развития промышленности ввиду недостатка капитала будут снижаться. Однако с 1928 г. любые разговоры о замедлении подъема промышленности объявлялись буржуазными.

И.В. Сталин (рисунок
Н.И. Бухарина)

В упрек вождю ставят и другое несоответствие: еще в 1927 г. И.В. Сталин утверждал, что умиротворение деревни является одним из основных условий для строительства социализма, однако уже в июле 1928 г. он выдвинул теорию обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Таким образом вождь решил круто поменять вектор развития экономики, полагая, что единственный шанс преодолеть со-

циальные и экономические противоречия нэпа заключается в ускоренной модернизации. Кризисы нэпа возникали с определенной цикличностью и с каждым разом усиливались. Возможности контроля над экономикой все более сужались. При всех недостатках курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию имел одно преимущество: он обеспечивал возможность неэквивалентного обмена между городом и деревней, т. е. позволял перекачивать средства из сельского хозяйства в тяжелую промышленность, при этом неизбежный процесс раскрестьянивания должен был решить проблему рабочих рук при возведении и эксплуатации объектов «социалистической индустриализации».

Именно коммунисту Сталину удалось совершить то, на что так и не осмелился помещик и царский бюрократ Столыпин — пауперизацию деревни и создание миллионов рабочих рук, которым нечего было терять и нечего есть. По К. Марксу, это неизбежная и необходимая стадия формирования капиталистической формации. По И.В. Сталину, энтузиазм и творческая активность народных масс замаскировывали добровольно-принудительный характер формирования «социалистического пролетариата». При этом рынок рабочей силы ориентировался не на частные прибыли господ капиталистов, а на государственные интересы. Россия в очередной раз опровергла автора «Капитала», создав модель капитализма без капиталистов. А последнее, как показала историческая практика, дело наживное...

Смягченный вариант накопления средств на развитие промышленности предполагал умеренный (не более 2 % в год) рост производственных фондов. Однако средний прирост населения Советской страны также составлял 2 % в год. Выбрав смягченный вариант, СССР с большим трудом мог бы удовлетворять потребности общества в товарах, а о выживании страны в возможном вооруженном столкновении с западными державами пришлось бы забыть. В качестве основных источников инвестиций в индустриализацию И.В. Сталин выбрал хлебный экспорт, займы у населения и денежную эмиссию.

При недостатке производственных ресурсов и финансовых средств максимальная централизация управления была объективно необходима: имевшиеся поступления распреде-

лялись в основном на приоритетных направлениях. Планирование вскоре стало включать в себя элементы управления каждой отдельной фабрикой или заводом. Самостоятельность предприятий оказалась минимальной, все основные показатели их деятельности (размер штата и оплата труда, определение поставщиков и клиентов) спускались сверху. Государство выступало единственным собственником основных производственных фондов, а политическая система основывалась на директивно-приказных принципах.

Выбор экономической стратегии И.В. Сталиным определялся не в последнюю очередь политическими соображениями. Дискуссия о сроках, характере и источниках индустриализации давала возможность нанести решительный удар по его недавним союзникам в борьбе с «левым» уклоном и утвердиться в партии и государстве в качестве единственного официального наследника и продолжателя дела Ленина. Стоит, наверное, учитывать и особенности сталинского психотипа: этот политик чувствовал себя уверенно и эффективно функционировал лишь в условиях постоянного конфликта внутри партии, страны, на мировой арене. Прогремевшее на всю страну в 1928 г. шахтинское дело показало тот общий фон постоянных поисков вредителей и «наемных саботажников», на котором будут разворачиваться процессы индустриализации и коллективизации. В реальности «кулацкая угроза» и «опасность справа» были такими же полезными Сталину политическими мифами, как и «шахтинские вредители».

Первый пятилетний план

На XV съезде ВКП(б), проходившем в декабре 1927 г., были утверждены директивы первого пятилетнего плана. В ходе пятилетки планировалось создать собственные передовые отрасли индустрии и полностью отказаться от импорта техники и цветных металлов, путем освоения собственной ресурсной базы удовлетворить быстро растущие потребности страны. Безотлагательного решения требовала задача радиодификации страны. Особую актуальность этот проект представлял для отдаленных и труднодоступных районов.

Специалисты Госплана во главе с Г.М. Кржижановским полагали, что экономические мероприятия следует осуществлять поэтапно: вначале расширить добывающую промышленность, а затем приступить к реконструкции транспорта и энергетики, подъему сельского хозяйства. Однако эти предложения не были приняты во внимание: в плановых показателях был заложен невероятно быстрый прогресс, не имевший precedентов в истории.

В противостоянии с Госпланом победили менее экономически обоснованные, но более политически соответствующие заказу сверху (генетический изъян советской экономической «науки») разработки Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) во главе с В. Куйбышевым. Стремительный рост производства (135 % за пять лет) основывался в основном на внеэкономическом факторе — массовом энтузиазме советских людей. Главный экономический идеолог пятилеток и будущий академик С.Г. Струмилин подвел под план ВСНХ изящную теорию, соединяющую повтор сталинского лозунга и знаменитого положения Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Задачей большевиков было перестроить экономику, а не изучать ее. Нет такой крепости, которую большевики не могли бы взять штурмом... Вопрос темпов промышленного роста решается с помощью человеческой воли» [4].

За годы первой пятилетки в СССР возникли новые отрасли машиностроения: авиационная, тракторная, химическая, электроэнергетическая. Было введено в действие 1500 новых промышленных предприятий. Возникла новая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасская (Магнитогорск и Кузнецк). В Сталинграде и Москве построили заводы по выплавке качественных металлов и прокату труб. В Горьком появился крупный автомобильный завод, в Харькове, Челябинске и Сталинграде — тракторные заводы, в Ростове-на-Дону — предприятия сельскохозяйственного машиностроения,

Тема пятилетки активно использовалась в антиимпериалистической пропаганде

в Свердловске — гигант тяжелого машиностроения («Уралмаш»).

В течение нескольких лет были сооружены химический комбинат в Соликамске, ряд крупных тепловых электростанций и крупнейшая гидроэлектростанция на Днестре (Днепрогэс). К 1941 г. на Севере и на Дальнем Востоке возникли новые промышленные центры: Мурманск, Сыктывкар, Воркута, Ханты-Мансийск, Норильск, Якутск, Комсомольск-на-Амуре, Магадан, Петропавловск-Камчатский.

Индустриализация давала возможность успешно решать задачу создания базы военной промышленности, без которой не удалось бы обеспечить обороноспособность страны. Г.К. Жуков вспоминал: «К 1928 году имелось (в СССР. — *Ред.*) лишь 1000 военных самолетов, в основном старой конструкции, всего 200 танков и бронемашин. Армия была очень слабо моторизована... В то же время крупные капиталистические государства наращивали свои вооруженные силы. В случае войны Англия, например, могла бы выпускать 2500 танков в месяц, Франция — 1500...» [7].

Первый советский танк сконструировали в 1927 г., но по боевым характеристикам он получился неудачным. До 1929 г. несколько десятков танков, отбитых у «белых» в период Гражданской войны, оставались единственными образцами такого рода техники в Красной Армии.

Организовать производство собственных танков было затруднительно еще и потому, что до 1929 г. автомобильная и тракторная отрасли советской промышленности находились в зачаточном состоянии, а следовательно, отсутствовали и технические специалисты соответствующего профиля. В 1929–1930 гг. за границей закупили образцы современных танков, после чего началось их внедрение в производство.

1 ноября 1932 г. в составе наркомата тяжелой промышленности образовали трест специального машиностроения, куда вошли Ленинградский завод им. Ворошилова, Харьковский паровозостроительный завод и Московский завод № 37. На этих предприятиях осуществлялось серийное производство танков. Кроме того, на Ленинградском заводе «Красный Октябрь» изготавливались детали для танков и производился

Советский танк образца 1930-х гг.

ремонт моторов. Харьковский автосборочный завод использовался в качестве ремонтной базы.

К 1934 г. в СССР создали три базы по производству танков. На Северной базе (с основными предприятиями в Ленинграде) выпускались танки Т-26 и Т-28. Центральная база (с основными предприятиями в Москве и Горьком) предназначалась для сооружения Т-37 и бронемашин. На Южной базе (с основными предприятиями в Харькове и Сталинграде) производились танки БТ и Т-35.

Станочный парк обновился наполовину, к концу первой пятилетки СССР преодолел импортную зависимость в этой сфере производства. Расширилась сеть технических вузов. Однако не менее впечатляющими оказались и провалы «большого скачка». К 1933 г. темпы индустриального роста снизились с 25 % до 5 %, строительство 600 объектов тяжелой промышленности (более трети от планируемого количества) было заморожено из-за недостаточного финансирования. Из 60 доменных печей, предусмотренных пятилетним планом, в строй ввели только половину.

Итоги и уроки

В начале 1933 г. официально объявили, что первый пятилетний план выполнен через 4 года и 3 месяца после его утверждения. Причем Иосиф Виссарионович Сталин лукаво и мудро оперировал цифрами первоначального варианта

Одна из главных строек первой пятилетки — Днепрогэс

Госплана (апрель–май 1929 г.), а не утвержденного (более смелого) плана ВСНХ (1930). Рост производства оборудования, добычи сырья, полуфабрикатов тяжелой промышленности и производства электроэнергии был впечатляющим, но не достиг запланированных показателей: уголь — 64 млн т вместо 75 млн; чугун — 6,2 млн т вместо 10 млн т по плану 1929 г. или 17 млн т по плану 1930 г.; электроэнергия — 14 млрд кВт/ч вместо 20 млрд. Индустриализация проводилась с огромными финансовыми и социальными издержками. Денежная масса за пять лет увеличилась на 180 %, розничные цены на промтовары выросли на 250–300 %, что привело к снижению на 40 % покупательной способности рабочих. В ущерб уровню жизни народа проводились гигантские капиталовложения в промышленность: их объем по отношению к валовому национальному продукту увеличился за пятилетку в 3,5 раза. Правда, можно сказать, что это укрепило безопасность страны, но масштабы потерь в Великой Отечественной войне ставят под сомнение истинность данного тезиса.

Производительность труда, которая по плану должна была увеличиться на 110 %, в лучшем случае осталась примерно на прежнем уровне. Этот показатель наглядно характеризует трудности и противоречия форсированной модернизации

страны по сталинской модели, которая несколько раз серьезно корректировалась («переломы» апреля–мая 1929 г., января–февраля 1930 г., июля 1931 г.), что еще больше вносило хаос и неразбериху в осуществление лозунга: «План — это закон!». Помимо прочего получалось, что объективная экономическая неразбериха делала абсолютно необходимыми внеэкономические регуляторы субъективного характера. Сталинские пятилетки приводили к неизбежности сталинских методов политического руководства. Сложилась административно-командная, бюрократическо-ведомственная система: управление промышленностью было передано из ВСНХ централизованным отраслевым наркоматам, число которых с 1932 по 1938 г. выросло с трех до восьми. Эта система отменила куцые рыночные рудименты нэпа и заняла все хозяйственно-экономическое пространство страны. Но объявленные побежденными мелкий капитал и рыночные отношения на низовом уровне не исчезли, они ушли в «подполье», создав со временем альтернативную теневую экономику. Шанс на реванш они получили в период горбачевской «перестройки». И воспользовались им...

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ

Основоположники марксизма-ленинизма деревню особо не жаловали. За «идиотизмом деревенской жизни» трудно было разглядеть наличие самобытной и оригинальной аграрной цивилизации. Маркс приговорил ее к исчезновению волею исторического прогресса и во имя торжества пролетарской урбанистической цивилизации. Смертный приговор был приведен в исполнение Сталиным. Естественно, в интересах СССР. И не менее закономерно, что внук одного из «раскулаченных», Б.Н. Ельцин, «раскулачил» СССР...

Подготовка к преобразованиям

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» о сплошной коллективизации сказано, что она являлась революцией сверху (поскольку была произведена по инициативе государственной власти), но происходила при прямой поддержке снизу, со стороны крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы за свободную колхозную жизнь. В официальных формулировках нередко выражено стремление властей представить свою версию событий, что имеет место и в данном случае. Государственная пропаганда настраивала бедняков против зажиточных крестьян. Между тем удельный вес «кулаков» в деревне был невелик, и утверждения о «кулацкой опасности» кажутся ныне сильно преувеличенными. И все же социальное противостояние между зажиточными и бедняцкими хозяйствами в советской деревне существовало в реальности. Но еще большее противостояние было между городом и селом, что в итоге и погубило политику нэпа.

В 1927 г. на XV съезде партии была образована Комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации во главе с Я.А. Яковлевым (Эпштейном). Ей предстояло разработать оптимальную модель колхоза. В окончательном варианте предложенная схема во многом напоминала киббуц — модель кооператива, разработанную Всемирной сионистской организацией для колонистов, переселявшихся в Палестину. Поскольку раньше эти люди были горожанами, для них не предполагалось крестьянского подворья, без которого немислима российская деревня.

Киббуцы характеризовались высокой степенью обобществления: их члены не могли иметь частной собственности. Тем не менее в экономическом отношении такие кооперативы отличались высокой эффективностью. По-видимому, именно

В телятнике киббуца
«Бухарин-дорф»
(Украина, Криворозье)

это обстоятельство сыграло главную роль в том, что, механически перенимая чужой опыт, руководство Наркомзема не приняло во внимание несоответствие выбранной модели укладу русской деревни.

Киббуцы, как известно, исходили из наличия пустынного или полупустынного ландшафта, что требовало сверхусилий по ирригации и мелиорации участков. Стоило ли для успеха коллективизации в СССР представлять изначально крестьянские земли пустыней? Конечно, важен не факт национальности разработчиков проектов коллективизации, а понимание их отчужденности от сути этих проектов как представителей городской цивилизации.

Возможно, основная причина губительных для деревни последствий коллективизации заключалась именно в том, что предложенная модель колхоза была несовместима с крестьянскими представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Очевидно, что ни слишком высокие темпы коллективизации, ни излишнее усердие партийных работников, ни злой умысел Сталина (если допустить существование такого умысла) не могли иметь решающего значения. Так или иначе весной 1928 г. Наркомзем РСФСР составил пятилетний план коллективизации. Предполагалось, что к концу 1933 г. в колхозах будет состоять 20 % от общей численности крестьян. Выступая на XV съезде ВКП(б) в 1927 г., В.М. Молотов утверждал: «Мы знаем, что развитие крестьянского хозяйства по пути к социализму есть путь длительный. Требуется немало лет

для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному хозяйству...» [8].

На этом съезде никаких серьезных разногласий у сталинского центра и будущего «правого» уклона еще не было. Хлебозаготовительный кризис 1927 г. резко поменял и ситуацию на «аграрном фронте», и стратегические взгляды сталинского большинства — больше не было места длительным срокам преобразований на селе. «Кулацкая хлебная стачка» казалась объявлением вой-

И.В. Сталин

ны городу, партии и перспективам индустриализации. А с врагами следовало поступать по законам военного времени. По сути, коллективизация — это последнее крупномасштабное сражение Гражданской войны в России.

Великий перелом

Главной проблемой социалистических преобразований сельского хозяйства был разрыв между ростом числа коллективизированных хозяйств и постоянно отстающим от него развитием материально-технической базы села. Первые машинно-тракторные станции (МТС) появились уже в 1928 г. Использование тракторов требовало ликвидации межей и, следовательно, объединения земель.

Именно появление трактора было одним из самых запоминающихся эпизодов кинокартины А. Довженко «Земля», поднимающей социальные конфликты в украинском селе в период коллективизации до высот греческой трагедии. Правда, ироничный Г. Уэллс назвал трактор главной звездой этой ленты. Названия советских кинофильмов второй половины 20-х гг. вообще очень характерны — «Земля жаждет» или «Земля ждет хозяина».

В 1928 г. в сельском хозяйстве было всего 27 тыс. тракторов, 2 комбайна, 700 грузовиков. В 1929 г. в целом по стране тракторами обрабатывался 1 % общей площади пашни (или 14 % колхозной). Агитировать с помощью техники за вступление в колхозы было в таких условиях невозможно. Оставались проверенные административные меры, подкрепленные силовыми аргументами. Тем временем под прикрытием политики коллективизации Сталин решал свои политические задачи сокрушения последних серьезных оппонентов в партии и правительстве — «правых» уклонистов Бухарина и Рыкова. 1 октября 1929 г. в колхозах состояло 7,5 % крестьянских хозяйств. Это позволило И.В. Сталину утверждать, что началось массовое колхозное движение, произошел коренной перелом в недрах крестьянства в пользу колхозов. Об этом партийный вождь заявил в статье «Год великого перелома», опубликованной в одном из ноябрьских номеров газеты «Прав-

да». Под воздействием статьи на местах появился лозунг, отражавший психологию и настрой именно Гражданской войны: «Кто не идет в колхоз — тот враг Советской власти». В декабре 1929 г. был образован Наркомат земледелия СССР, ответственный за проведение коллективизации. Однако осенью 1929 г. лишь около 15 % крестьянских хозяйств были затронуты переходными производственными отношениями, которые непосредственно предшествовали коллективистским.

Тем не менее число колхозов и совхозов постепенно увеличивалось — не в последнюю очередь за счет не изживших себя традиций крестьянского «мира» (общины). Еще П.А. Столыпин отводил производственной кооперации главную роль в подъеме хозяйств бедных крестьян. Кооперативное движение на селе реализовалось в виде создания многочисленных товариществ и артелей, которые соответствовали традиционному жизнеустройству российской деревни. Совместная обработка земли стала восприниматься как некий возврат к добрым общинным отношениям. В то же время община была консервативным социокультурным институтом, обеспечивающим задачи выживания и сохранения, но не развития.

Насильственное насаждение колхозного строя вызвало у крестьян сопротивление, проявлявшееся в намеренном сокращении пахоты, убое скота, уходе из села. В ряде мест произошли вооруженные восстания. Широкий размах приобрели антиколхозные выступления на Северном Кавказе, на

Советский агитплакат, направленный против антиколхозных настроений

Средней и Нижней Волге, в Центральной Черноземной области, Московской области, республиках Средней Азии. Причина крестьянского протеста заключалась в том, что обобществление коснулось не только обработки земли, но и скота, орудий труда. В районах сплошной коллективизации приступили к реализации директивы от 10 декабря 1929 г. об обобществлении лошадей и крупного рогатого скота на 100 %, свиней — на 80 %, овец — на 60 %. В ответ крестьянство предпочитало скот резать, но не отдавать в колхоз.

Многие середняки перед вступлением в колхозы распродавали скот и инвентарь, не желая передавать свое имущество в общее пользование с теми, кто ничего не имел. У кулаков была еще одна причина освободиться от скота: они стремились «превратиться в середняков», чтобы избежать притеснений со стороны власти. От этой бойни советское животноводство оправилось лишь спустя почти 30 лет. Боролись с массовым убоем «по-убойному»: бедняки и середняки, колхозы и совхозы карались штрафом в размере десятикратной стоимости забитой животины, а кулаков ждала полная конфискация скота с возможным тюремным заключением на срок до двух лет и высылкой. Стараясь предотвратить убой скота, его стремились быстрее обобществить. Но из-за нехватки приспособленных помещений и отсутствия опыта колхозного животноводства падеж усилился. С 1928 по 1934 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в деревне почти вдвое: с 60 до 33 млн голов.

Задуманная партией коллективизация деревни обернулась для народа новым крепостным правом. Только теперь в роли крепостника выступало государство, провозгласившее своей высшей целью построение справедливого общества. Административное давление на крестьян вскоре переросло в репрессии. Около миллиона партийных уполномоченных (значительную их часть составляли рабочие промышленных центров — так называемые «двадцатипятитысячники»), фор-

Советский плакат,
агитирующий за
сохранение поголовья
скота

сируя сроки, загоняли крестьян в колхозы. Намеченные преобразования осуществлялись стихийно. Многие партийные работники в центре и на местах стремились поддерживать высокие темпы коллективизации любой ценой, не считаясь с необходимостью проведения разъяснительной работы среди сельского населения. У организаторов колхозов утрачивалось чувство меры — возникал соблазн осуществить задуманное одним решительным натиском.

В.М. Молотов, полностью пересмотрев свой доклад на XV съезде, предлагал говорить даже уже не о пятилетке, а об одном годе коллективизации. Местные парторганизации устроили соревнование по лучшей отчетности по срокам преобразований, что породило неофициальную, но действующую практику подстегивания и без того «бешеных темпов». Даже в Средней Азии, где не было объективных основ для преобразований (крестьяне-декхане еще в полном объеме не были наделены ни землей, ни водой), предлагалось догонять и перегонять земледельческие регионы центральной и южной частей РСФСР.

Одновременно власть создавала административные структуры для контроля над производством продукции в индивидуальном секторе. Семенная и денежная ссуды выдавались крестьянам-единоличникам при условии, что они сдадут государству произведенную продукцию по фиксированным ценам. Фактически это вынуждало крестьян поставлять государству все товарное зерно. Тем, кого власть считала кулаками, давались «твердые задания» по сдаче хлеба, за невыполнение которых предусматривались штрафные санкции. В это время в газетах развернулась активная агиткампания, призванная сформировать у крестьян мнение о преимуществах колхозов перед единоличным хозяйствованием. Членам сельских партийных ячеек предлагалось вступать в колхозы или выходить из партии.

Между тем обстановка на местах все более накалялась. Отсутствие яс-

Советский агитплакат
в поддержку
хлебозаготовок

ных указаний вызвало всплеск активности со стороны низовых партийных организаций, стремившихся выполнить явно завышенные задания по коллективизации в кратчайшие сроки и любой ценой, в том числе путем насильственных действий. Присланные из городов уполномоченные в большинстве своем не владели искусством убеждения и не разбирались в психологии крестьян, а зачастую не обладали и организаторскими навыками. Имел значение и еще один фактор: с учетом внутрипартийных дискуссий любая критика опрометчивых решений на местах классифицировалась как «правый» уклон, поэтому коммунисты не решались противодействовать перегибам «слева».

Рыночные механизмы в деревне постепенно переставали действовать. Власть оказалась поставленной перед фактом: если в 1930 г. не добиться заметных сдвигов в аграрном секторе, то уже в следующем году индустриальное развитие страны остановится. В этот период (с начала лета по осень 1929 г.) начали поступать сведения о значительных успехах в осуществлении коллективизации, в связи с чем руководство утвердилось в мнении, что курс выбран правильно.

«Головокружение от успехов»

Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. устанавливало окончательные сроки: коллективизация в Нижнем Поволжье, на Дону и Северном Кавказе должна завершиться к осени 1930 г., в крайнем случае — к весне 1931 г., а в остальных районах — на год позже. Должно было развернуться настоящее социалистическое соревнование по созданию колхозов. Если раньше основной формой коллективного хозяйства считалась артель, то теперь брали курс на организацию коммун, где практически все имущество должно находиться в коллективной собственности. Темпы коллективизации после постановления «О темпах», естественно, не могли не увеличиться. Если 1 октября 1929 г. в колхозах состояло 7,3 % крестьянских дворов, то к марту 1930 г. — уже 58 %. Однако большинство созданных колхозов существовали только на бумаге и в официальных рапортах. Кроме

победных реляций в Кремль все в больших объемах поступали и тревожные сигналы о массовом забое скота, нехватке семян для весеннего сева (последствие конфискации зерна), участии в террористических актах на селе против проводников партийной линии не только кулаков, но и значительного числа середняков и даже бедняков. За январь — март 1930 г. только в РСФСР произошло более 1600 крестьянских выступлений.

В это время в «Правде» появилась статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой вождь критиковал перегибы, допущенные при организации колхозов. Однако вся непосредственная ответственность за проведение на селе сталинских ЦУ (ценных указаний) была возложена на исполнителей — местные парторганизации и советских работников. Одновременно в газете опубликовали документ, с которого надо было начинать еще в 1928 г. — примерный Устав колхозов. В соответствии с ним колхозникам позволялось иметь приусадебный участок, допускалось наличие в личном владении коровы, мелкого скота, птицы. Новые сталинские ЦУ воплотились в постановлении ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном строительстве» от 14 марта 1930 г., фактически разрешавшем выход из колхоза тех, кто вступил под принуждением. Началась массовая «деколлективизация» — бегство из колхозов. Настроение нового «исхода» один из крестьян выразил следующим образом: «Ухожу, потому что насилия нет, и желаю обождать» [9]. К 1 июля в колхозах остался лишь 21 % крестьян. Выходившие уже не могли рассчитывать на возврат своих наделов, попавших в общий колхозный массив. Взамен колхозное руководство

Члены коллективного хозяйства
(Криворожская область)

старалось выделить новым единоличникам самые худшие участки земли и обложить податями, превосходящими колхозные. Действительность опровергала один из главных тезисов сталинской статьи и постановления от 14 марта — постулат о необходимости и обратимости коллективизации.

Отступление от генеральной линии сплошной коллективизации было временным. Уже в сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) направил всем крайкомам, обкомам, а также Центральным комитетам компартий республик директивное письмо, в котором резко критиковалось пассивное отношение к увеличению уровня коллективизации со стороны первичных партийных ячеек. В письме подчеркивалась необходимость развернуть политическую и организационную работу в деревне и добиться нового притока крестьян в колхозы.

Добро должно быть без кулаков

Выступая на XVI съезде партии (в июле 1930 г.), И.В. Сталин был категоричен: «Нет больше возврата к старому. Кулачество обречено и будет ликвидировано. Остается лишь один путь, путь колхозов» [10]. Угроза раскулачивания, возможно, была одной из самых действенных и эффективных мер при проведении колхозной политики.

Первый этап коллективизации сопровождался массовыми репрессиями против кулачества, носившими в большинстве случаев внесудебный характер. 30 января 1930 г. Политбюро (а не ЦК, как это обычно бывало) утвердило подготовленный специальной комиссией под председательством В.М. Молотова текст постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации». Сельскохозяйственный инвентарь и имущество кулаков направлялись в неделимые фонды колхозов в качестве взноса за бедняков и батраков (за исключением той части, которая шла на погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации). Конфискованные жилые постройки передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов.

Исключительно благоприятные погодные условия 1930 г. позволили собрать рекордный урожай хлеба в 83,5 млн т.

Хлебозаготовки, осуществляемые по проверенным лекалам последних двух лет, принесли 22 млн т зерна, в 2 раза больше, чем в последние годы нэпа. Эти цифры могли рассматриваться как подтверждение правильности линии Сталина на форсированную коллективизацию в интересах ускоренной модернизации. Вот только колхозные крестьяне, у которых отобрали 50–60 % урожая (на Украине этот показатель достигал 70 %), вряд ли были счастливы.

Примеры так называемой кулацкой частушки:

*Дорогой товарищ Сталин,
Ты без хлеба нас оставил [11].*

Или:

*Сидит Сталин на лугу,
Жрет лошадиную ногу.
Пусть знает эта гадина,
Почем теперь говядина [11].*

Политика колхозного «кнута и пряника» продолжала действовать. «Пряников» было меньше — теперь к колхозам переходили конфискованные кулацкие земли плюс находившиеся ранее в общем пользовании крестьянские пастбища и леса. Приемов и методов острастки — больше: районы, не показавшие особой тяги к коллективизации, отстранялись от промтоварного снабжения и, главное, подвергались новой волне раскулачивания.

Кулачество делилось на три категории: контрреволюционный кулацкий актив, наиболее крупные кулаки и прочие. Первых ждал немедленный арест и отправка в места заключения, а в случае вооруженного сопротивления, расценивающегося как контрреволюционное выступление, — и смертная казнь. Вторые и третьи подлежали выселению: соответственно — в отдаленные места (в основном, Казахстан, Урал, Алтай, Новосибирская область) и за пределы колхозных земель. Грани между этими категориями часто были очень условными и стирались стремлением к главной цели — передать землю и имущество раскулаченных в собственность колхозов.

Списки крестьянских дворов, подлежащих раскулачиванию, составлялись местными властями, принимались сель-

скими сходами и утверждались районными руководителями. Судьбу крестьянской семьи, попавшей в список, решала «тройка» (чрезвычайный орган, появившийся именно в годы коллективизации) в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника районного управления ОГПУ.

Очень часто раскулачивание давало повод для сведения старых счетов. Формально кулаком мог считаться только тот, кто использовал наемный труд, но на практике к кулачеству нередко причисляли «справных мужиков» (которые сегодня именуется «крепкими хозяйственниками») или «чудаков», упорно не желавших идти в колхоз. Для тех, кто по своему имущественному положению никак не мог быть причислен к кулачеству, был изобретен термин «подкулачник» — пособник классового врага. Так что в списки мог попасть любой колхозник, прогневивший всесильную «тройку».

Политика раскулачивания привела к тому, что большинство крепких хозяйств прекратило свое существование. 23 декабря 1930 г. местным советам разрешили самостоятельно устанавливать кулацкие признаки. В центр непрерывно поступали жалобы от крестьян в связи с тем, что к числу кулаков финансовые органы нередко приписывали середняков. Основанием для индивидуального обложения служило наличие ручной молотилки, сепаратора. В расчет принималась даже продажа на рынке продукции, произведенной в личном подсобном хозяйстве.

По оценкам большевиков, общее число кулацких хозяйств составляло 5–6 % от числа крестьянских дворов. В то же время число «раскулаченных» доходило до 15 %, а количество «лишенцев» (незаконно лишенных избирательных прав из-за отказа вступить в колхозы) — до 20 %. По официальной статистике, из 100 млн крестьян в СССР были репрессированы 1,5 млн человек.

Для выявления кулаков организаторы колхозов пользовались весьма простой схемой: Советская власть

Советский антикулацкий плакат

призывает создавать коллективные хозяйства, те, кто сомневаются, возражают и к тому же имеют богатые дворы, выступают против власти и, следовательно, являются кулаками.

В определенной степени за случившуюся драму ответственность несет не только политическое руководство страны. Процесс раскулачивания канонизировал застарелую социальную рознь в деревне на рубеже 20–30-х гг. и низовое чувство обиды и желания расквитаться с ее виновниками.

Партийное руководство получало немало писем со свидетельствами о подобных настроениях. Вот отрывки из характерного письма крестьянина-бедняка И.В. Комарова из Орловского района, адресованное всесоюзному старосте М.И. Калинину: «...я замечаю, что крестьяне себя стали чувствовать, как называется, крепко, а раз он чувствует себя крепко, то от такого крестьянина стремления к социализму не дождешься... Когда у крестьянина есть коровенка и... или куры, то он гоняется за Властью. Как только приобрел лошаденку, ну тогда уже везде и повсюду клеймит позором Власть Советов...

Мои пожелания... согласно постановления толкай же деревню к коллективизации, дорогой тов. М.И. Вот беда, что мне пришлось все время быть на фронтах, а мои соседи набивали карман...» [2].

Положение спецпереселенцев было очень тяжелым. Опекун над ними осуществляли органы ОГПУ. Поселки, определенные в качестве мест проживания для кулаков, мало отличались от концлагерей. Большинство из высланных работало на лесоповале и в горнодобывающей промышленности.

Из-за отсутствия надлежащего питания и медицинского обслуживания многие из спецпереселенцев потеряли трудоспособность. В сибирских леспромхозах на почве недоедания у спецпереселенцев (в особенности у детей) развивалась цинга, возникали вспышки брюшного и сыпного тифа. Снабжение переселенцев практически не обеспечивало их выживания. В Сибири суточная норма на одного человека составляла 200 г муки, 20 г крупы, 6 г сахара, 3 г чая, 75 г рыбы и 7 г соли. Охрана получала гораздо больше: муки — в 3,5 раза, крупы — в 6 раз, сахара — в 5 раз. На Урале нормы были еще ниже. Но даже эти немислимо малые нормы обеспечивались

лишь на 50–70 % (видимо, считалось, что обворовывать «миродов» — вовсе не преступление). Цены же на эти продукты были на 15 % выше, чем в кооперативной торговле. В итоге за 1932–1935 гг. умер каждый шестой спецпереселенец, т. е. более 300 тыс. человек.

По сталинской Конституции 1936 г. спецпереселенцам возвратили гражданские права, но покидать места поселения им не разрешалось. В 1941 г. уже 930,2 тыс. человек проживали в спецпоселках. Во время Великой Отечественной войны 100 тыс. человек из числа спецпереселенцев были призваны в армию, а их семьи вычеркнуты из списка неблагонадежных. Но только после смерти И.В. Сталина, во времена хрущевской оттепели, они снова смогли стать свободными гражданами.

20 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о прекращении массового выселения кулаков. В дополнение к нему 25 июня 1932 г. ЦИК СССР издал указ «О революционной законности».

Раскулачивание выступало экономическим и психологическим стимулом для осуществления программы сплошной коллективизации. Репрессии, экспроприация и депортации становились мерами устрашения для единоличников и основанием для передела собственности: колхозам или даже отдельным бедняцким хозяйствам передавалось имущество раскулаченных.

Новое наступление

К концу 1930 г. власть достигла значительных результатов в насаждении колхозного строя. Несмотря на яростное сопротивление крестьянства, деревня сдавалась большевикам. Начинался новый этап наступления на «мелкособственнические инстинкты». Он закончился в 1932 г. трагическим провалом аграрной политики ВКП(б) и массовым голодом, унесшим жизни миллионов людей.

Создание коллективных хозяйств при отсутствии опыта их управлением, недостатке специалистов и техники только усилило дезорганизацию в деревне. В колхозах установилась уравниловка, урожай свозился на общий заготовительный пункт, у крестьян частично изымался даже семенной хлеб.

Удои в колхозном стаде оставались невысокими

Все это лишало их материального стимула к труду. Многие переставали выходить на работу — отказывались трудиться даром.

Летом 1931 г. партия выдвинула задачу поголовного обобществления скота с применением принудительных методов. В ответ начались массовые выходы крестьян из колхозов с требованиями вернуть им скот, инвентарь, часть посевов. Например, весной 1932 г. в Раненбургском районе ЦЧО (Центральночерноземной

области) заявления о выходе из колхоза подали 14 % крестьян. Они не выходили на работу и требовали от правления вернуть им лошадей, коров и инвентарь. Были выдвинуты лозунги «Долой колхозы!», «Да здравствует единоличник!». Милиция и органы ОГПУ стали выявлять зачинщиков и арестовали сто крестьян.

На окраинах страны шли не менее драматические процессы, во многом обусловленные тем, что присланные сюда «коллективизаторы» — коммунисты и комсомольцы, воодушевленные самыми благими намерениями, — не знали ни местных языков, ни местных обычаев. Это приводило к массовым драмам. Так, желание во что бы то ни стало загнать в гигантские коммуны скотоводов Казахстана обернулось настоящим восстанием, подавлять которое пришлось с помощью регулярной армии. Из подлежащих «коммунизации» и переходу на оседлый образ жизни 556 тыс. семей казахов 183 тыс. предпочли откочевать вместе со скотом на территорию Китая.

Планы, установленные для Узбекистана, предполагали резкое сокращение посевов зерновых культур и гигантский рост хлопковых плантаций. Это закрепило бы за республикой роль сырьевого придатка хлопкоперерабатывающих предприятий за пределами Узбекистана. Подобный план вызвал сопротивление местной партийной верхушки, которая постаралась довести до Кремля свой альтернативный план развития местного хозяйства. Фразу «Вы не можете есть хлопок» [12] Сталин не простил первому секретарю А. Икрамову (отцу из-

вестного советского писателя К. Икрамова). Члены «группы Икрамова—Ходжаева» были обвинены в «буржуазном национализме» и расстреляны.

Глухое сопротивление села заставило ЦК пересмотреть прежние стандарты «сплошной коллективизации»: теперь она считалась осуществленной в тех районах, где в колхозы было вовлечено не 100, а 70 % крестьян. Тактика решительного наступления на село с последующей частичной корректировкой (которую запрещалось внутри партии считать «отступлением») продолжалась и далее. «Классовых врагов» вне колхозов теперь практически не оставалось. Пришлось бороться с ними внутри коммуны.

6 и 10 мая 1932 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместные постановления «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане ското-заготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян». После выполнения государственного плана хлебо- и мясозаготовок и образования необходимых фондов (семенного и др.) для колхозов допускалась торговля оставшейся продукцией по рыночным ценам. При этом план хлебозаготовок и мясозаготовок был сокращен. Отменялись все (как республиканские, так и местные) налоги и сборы с торговли колхозов и крестьян-единоличников. Их доходы от продажи на рынке продукции собственного производства не облагались сельскохозяйственным налогом, а с единоличников взималось не более 30 % доходов от торговли.

Однако даже уменьшенные хлебозаготовительные планы в условиях неурожая в ряде традиционно «хлебных» районов страны оказались невыполнимыми. В июле 1932 г., в первый месяц нового урожая, заготовки были на 55 % ниже уменьшенного плана, утвержденного весной. В этих условиях власть снова начала проводить политику репрессий и административного нажима на деревню. Теперь под удар попали уже сами колхозы, которые часто находились в состоянии хронического полураспада. Сознание того, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое» часто приводило к случаям присвоения обобществленной собственности. «Лекарство», как часто водилось в эту эпоху, оказалось более сильнодействующим, чем того требовала болезнь.

Советские плакаты повсеместно пропагандировали закон об охране социалистической собственности

7 августа 1932 г. в СССР появился закон об охране социалистической собственности, который приравнивал колхозную собственность к государственной. В народе он получил название «закон о пяти колосках». За воровство колхозного имущества в качестве наказания определялась высшая мера — расстрел с конфискацией нажитого, а при смягчающих обстоятельствах — лишение свободы на срок не менее десяти лет.

На очередном пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в январе 1933 г., нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко сообщил, что общее количество лиц, осужденных по закону от 7 августа 1932 г., составляет 54 645 человек. Высшую меру наказания суд назначил в 2110 случаях (она была приведена в исполнение примерно в 1000 случаях).

22 октября 1932 г. Политбюро приняло решение о создании на Украине и Северном Кавказе чрезвычайных комиссий с целью увеличения хлебозаготовок. Комиссию на Украине возглавлял председатель СНК В.М. Молотов, на Северном Кавказе — Л.М. Каганович, с 1932 г. заведовавший сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б).

В конце 1932 г. на Северный Кавказ, Украину и Нижнюю Волгу Сталин направил чрезвычайные комиссии ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам, обладавшие правом применять массовые репрессии. Крестьяне пытались утаить от уполномоченных по хлебозаготовкам часть урожая, что расценивалось как злостный саботаж и вредительство, требующие введения чрезвычайных мер.

С помощью крайкомов и обкомов партии чрезвычайные комиссии провели ряд репрессивных мер по отношению к колхозам и деревням, которые «злобно саботировали» хлебозаготовки. Такие села и хозяйства заносились на «черную доску», к ним применялись методы экономической блокады: прекращение подвоза товаров, полное свертывание торговли, остановка кредитования, досрочное взыскание кредитов

и других финансовых обязательств. Из крестьянских амбаров вывозился весь хлеб («до последнего зерна»). Органы ОГПУ очищали колхозы от «враждебных элементов».

В районы, где сопротивление села было наибольшим, Сталин, как правило, направлял самого жесткого и последовательного «коллективизатора» — Л.М. Кагановича, который наделялся чрезвычайными полномочиями, подкрепленными внушительными силовыми ресурсами. Особенно тяжкими последствия поездки Л.М. Кагановича оказались для крестьянско-казацкого населения Северного Кавказа. Там только за 1932 г. было смещено 36 % председателей колхозов. Под давлением и руководством Кагановича бюро Северо-Кавказского райкома ВКП(б) осенью 1932 г. приняло решение выселить на Север всех жителей трех казачьих станиц — Полтавской, Медведовской, Урупской! 45 тыс. человек были изгнаны. Население 12 крупных станиц подвергли частичному выселению за пределы края. Политическая проблема была решена, зато усугублена экономическая: переселенные сюда крестьяне из малоземельных деревень Нечерноземья не могли обеспечить столь же высоких урожаев, как изгнанные кулаки и подкулачники из черноземных областей.

Одним из символов и героев эпохи был объявлен 14-летний житель уральского села Герасимовка Павел Морозов, превратившийся в официальной советской мифологии в пионера-героя, разоблачившего отца-кулака и за это злодейски убитого вместе со своим 9-летним братом. Реальная история П. Морозова еще не исследована историками тщательно, но факты говорят о том, что это была скорее «бытовуха» в семье спецпереселенцев, чем политическое дело. Отец мальчика был не кулаком, а пьяницей (и в подпитии бил жену и детей) и «моральным разложением» (ушел из семьи к другой женщине). Но Морозова-старшего подвели под политическую статью. Павлик вряд ли мог быть единственным автором «сигнала»: одноклассники вспоминали о его редкой безграмотности. Кстати, в пионеры П. Морозова приняли уже посмертно...

Несмотря на то что в 1931–1932 гг. сократились валовые сборы зерна, хлебозаготовки возросли, поскольку была увеличена доля отчисления государству от собранного урожая. Крестьяне сдавали хлеб по ценам в 8–10 раз ниже рыночных.

Средства, вырученные от экспорта зерна, шли на закупку промышленного оборудования. В 1930 г. (при высоком урожае) за границу было продано 4,8 млн т зерна, в 1931 г. (когда случился недород) — 5,2 млн т, а в 1932 г. (в условиях начавшегося голода) — 1,8 млн т.

Отобранное у крестьян зерно предназначалось в основном для поставок в Германию. В соответствии с советско-германским соглашением 1931 г. в обмен на германские кредиты (более 1 млрд марок, которые фактически шли на оплату поставляемого немецкого оборудования) Советский Союз обязался снабжать Германию сельхозсырьем и золотом, добыча которого интенсифицировалась на Калыме и в Магадане руками все тех же спецпереселенцев и прочих «врагов народа».

Великий голод

В 1929 г. Сталин в пылу политической полемики с «правыми» предрек, что СССР «через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире» [10]. В действительности в указанное время в «самой хлебной стране» разразился величайший голод.

Форсированные темпы коллективизации привели к тому, что в 1931–1932 гг. зерновые сборы по стране снизились до 68,5 млн т (против 83,5 млн т в 1930 г.), а поголовье скота уменьшилось в 2,5 раза. Страшный голод, разразившийся в СССР зимой 1932/33 г., унес до 3 млн жизней. Наиболее жестокие проявления он имел на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье и Казахстане. Историки склонны полагать, что в регионах, пострадавших от бедствия, имел место недоучет смертных случаев.

Сам по себе голод начался не из-за завышенных поставок зерна государству (на тот момент задания по хлебозаготовкам были умеренными), а по другой причине. В 1932 г. был введен новый порядок хранения хлеба: зерно

Советский агитплакат времен массового голода

изымалось у колхозов и ссыпалось в элеваторы. Колхозные закрома оказались пустыми. Когда появились признаки голода, бюрократическая машина дала сбой, возникший хаос (беспомощность крестьян, неразбериха на транспорте) лишь усугубил положение. Первый секретарь партийного комитета Харьковской области, на практике осуществлявший решение о конфискации зерна, заготовленного для сева, прислал в Москву письмо с просьбой об экстренной продовольственной помощи. Сталин «пожурил» его за выдумки «сказок о голоде» [12] и посоветовал стать писателем-фантастом.

Политический анекдот тех лет. Встречаются советский и американский дипломаты:

— Наш Гувер отучил американцев пить.

— Подумаешь! Наш Сталин отучил русских есть.

И реальный случай. Вернувшегося из поездки по СССР Б. Шоу спросили, правда ли, что в Советской России голод? Великий ирландский драматург ответил: «Ложь. Нигде и никогда я так вкусно не ел» [11].

Начало массового голода 1932/33 г. совпало с принятием ЦИК и СНК СССР Постановления от 27 декабря 1932 г. о введении паспортной системы для всех граждан, кроме колхозников, которые оказались прикрепленными к земле фактически пожизненно. В январе 1933 г. крестьяне Украины и Кубани, спасая себя и свои семьи, стали выезжать в Центральнореземную область, на Волгу, в Западные области.

Органы власти и ОГПУ пытались препятствовать миграции. Попытка к бегству от голода рассматривалась как контрреволюционное действие. Работники ОГПУ и милиции при участии местных коммунистов организовывали кордоны и посты на дорогах и железнодорожных станциях. К началу марта 1933 г. было задержано и возвращено в села 219,5 тыс. человек.

Биограф Л.Д. Троцкого И. Дойчер вспомнил о встрече с деморализованным работником ГПУ, который, глотая пьяные слезы, говорил ему: «Я старый большевик. Я боролся в подполье против царя, я воевал в Гражданскую войну. Для того ли я делал все это, чтобы теперь окружать пулеметами деревни и

приказывать моим людям стрелять по толпе крестьян без разбора?» [12]

С помощью жестких репрессивных мер и главным образом в связи с голодом в ряде районов страны (Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан) сопротивление крестьян реквизиционной политике государства было сломлено. Английский историк Р. Конквест в книге «Большой террор» высказал обоснованное мнение, что, «возможно, то был единственный случай чисто искусственного голода» [13]. По разным оценкам, «жатва скорби» стоила стране от 4–6 до 7–8 млн человек, из них около 3 млн — на Украине.

Уроки коллективизации

Начиная сплошную коллективизацию, власть ставила конкретные цели — она стремилась максимально упростить механизм выжимания средств из деревни. Эта задача была решена не путем увеличения урожая, а за счет уменьшения количества зерна, остающегося в распоряжении колхозов.

С вступлением в колхоз крестьянин лишался возможности повысить личное благосостояние, занимаясь привычным для себя трудом. Сколько бы он ни работал, государство изымало все излишки. Такая схема производственных отношений напоминает феодальную эксплуатацию, основанную на внеэкономических методах принуждения. Однако при подобных сравнениях обычно забывается, что модернизация была жизненной необходимостью для страны и средства, выкачанные из деревни, шли на государственные нужды, а не на содержание класса собственников.

Кампания по коллективизации была призвана в минимальный срок создать крупные хозяйства, которые, пусть ценой собственного оскудения, помогли бы обеспечить тот минимум товарной продукции, который можно было бы использовать для распределения по карточкам в городах, а также для экспорта, представлявшего жизненно важную статью доходов в связи с необходимостью индустриализации страны.

Сложные, трагические годы форсированного колхозного строительства сопровождались большими потерями для кре-

стьянства. В ходе коллективизации был в значительной степени распылен и уничтожен в деревне тот (еще очень небольшой) слой «цивилизованных кооператоров», с которым В.И. Ленин связывал будущее сельского хозяйства. Их представители отстаивали принцип хозяйственной самостоятельности колхозов и не могли мириться с практикой огосударствления кооперации. В условиях 1930-х гг. их чаще всего причисляли к социально чуждым элементам, противникам колхозного строя. Несмотря на то что формально проводилось различие между государственной и колхозной собственностью, с осуществлением сплошной коллективизации колхозы надолго утратили свои кооперативные права и фактически подверглись огосударствлению.

Коллективизация была четвертой аграрной реформой за 70 лет после реформы 1861 г., столыпинских преобразований и аграрной революции 1917–1918 гг. Кроме того, в годы нэпа крестьянство, по существу, лишили перспективы: дойдя до определенного уровня доходов, хозяйство попадало под мощный налоговый, идеологический, административный пресс. Коллективизация же давала крестьянину шанс (по крайней мере, так было обещано) подняться к более высокому уровню благосостояния на пути коллективного производства. При всех недостатках колхозной системы ей были свойственны явления, которые заставляют воздерживаться от полного и безоговорочного отрицания колхозного строя.

Однако задуманная партией коллективизация деревни оборачивалась для народа новым крепостным правом. Только теперь в роли крепостника выступало государство, провозгласившее своей высшей целью построение справедливого общества.

Великий русский историк С.М. Соловьев считал, что история России — это история ее колонизации. Коллективизация — яркий и жуткий эпизод истории, когда город фактически превратил село в свою колонию. Правда, эксплуатация эта рассматривалась как священный долг, а позже превратилась в традицию.

«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ...»

«Жить стало лучше, жить стало веселее...» — эта широко известная фраза советского вождя относится к тому недолгому историческому периоду, когда после социальных испытаний, выпавших на долю советского народа в первой пятилетке, страна пережила «три отличных года». Лозунги «бури и натиска» сменились ценностями стабильности и порядка. На Западе этот период российской истории получил название «великого отступления». Оно закончилось с началом действия конвейера террора против плодившихся в геометрической прогрессии «врагов народа». «Веселье» образца 1937 г. страна запомнит надолго...

Отказ от штурмовщины

На январском пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в 1933 г., было признано, что нет особой необходимости искусственно подгонять темпы индустриального развития. Начиная с этого времени рост советской экономики приобрел относительно равномерный характер. Экономическая ситуация заставляла корректировать план в сторону более быстрых темпов развития отраслей группы «Б» для хотя бы частичного насыщения потребительского рынка товарами.

Изменение акцентов индустриализации с количественных на качественные показатели нашло отражение и в новом стержневом лозунге. Вместо девиза первой пятилетки «Техника решает все!» был выдвинут другой — «Кадры решают все!». Было развернуто, хотя и с опозданием, массовое производственное обучение рабочих.

Одновременно восстанавливалась роль Наркомфина в стабилизации денежного обращения. Госплан тесно сотрудничал с Наркомфином, стремясь поддерживать устойчивость бюджета. Политбюро ВКП(б) и Совнарком при поддержке Госплана и Наркомфина стремились уменьшить выделяемые наркоматам ресурсы, но при этом требовали более высоких темпов прироста производства.

Народное хозяйство СССР в 1930-е гг.

Январский пленум 1933 г. знаменовал собой и появление того авторитарного стиля руководства, который впоследствии получил название «культы личности Сталина». Бывшие «правые уклонисты» публично каялись в своих ошибках и прегрешениях. Н.И. Бухарин призвал партию сплотиться вокруг ее «исторически сложившегося руководства» [9] во главе со Сталиным. Последний закрепил свою позицию не только практика, но и теоретика социалистического строительства, фактически подвергнув ревизии взгляды основоположников теории бесклассового общества, предсказывавших постепенное отмирание государства по мере продвижения от социализма к коммунизму. Именно товарищ Сталин был самым большим оппортунистом и ревизионистом своей эпохи (Троцкому и Бухарину до него далеко), когда сделал свое «открытие», больше похожее на подведение идейных основ под будущую авторитарную практику: «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти... а через ее максимальное усиление... Рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов...» [10].

Ревизия Маркса товарищем Сталиным получила высочайшую оценку партии советских «марксистов». В марте 1933 г. газеты откликнулись на 50-летие со дня смерти автора «Капитала» тремя равной величины профилями Маркса, Ленина и Сталина в верхней части первой страницы. Видимо, не зря Карл Маркс остерегался этих непредсказуемых русских.

Стахановское движение

Кадры, освоившие технику, действительно стали главной движущей силой второй пятилетки. Хватало, конечно, и текущей кадры, и проблем с производственной дисциплиной, и все еще высокого процента брака на рабочих местах. Но теперь вместо политики одного «кнута» добавился и фактор «пряника».

В 1935 г. была изменена политика в сфере определения заработной платы: внедрялась прогрессивная сдельная система оплаты труда, что позволило повысить заинтересованность работников в более эффективном труде. Свою благо-

творную роль сыграла и нацеленность партийных организаций на принятие оптимальных управленческих решений, которые помогли и увеличению производительности труда (где фактически потерпела фиаско первая пятилетка), и достижению необходимого пропагандистского эффекта. 2 сентября 1935 г. в «Правде» появилось сообщение об Алексее Стаханове, забойщике шахты «Центральная—Ирмино». За смену он добыл 102 т угля при норме 7 т. Секрет Стаханова был прост: обычно шахтер рубил уголь, а затем крепил забой, сейчас же Стаханов только рубил уголь, а второй операцией занимались двое его помощников. Вскоре этот рекорд был превзойден шахтерами М. Дюкановым, В. Поздняковым, Д. Концедаловым, Н. Изотовым, а затем и самим Стахановым.

*Забойщик-стахановец
Н. Изотов*

В советской печати стали ежедневно появляться сообщения о производственных рекордах во всех отраслях промышленности. В середине ноября в Кремле состоялось Всесоюзное совещание стахановцев. Стахановское движение значительно повлияло на ускорение темпов индустриализации: во второй пятилетке рост производительности труда достиг 82 %. Прирост валовой продукции повысился с 19 % в 1934 г. до 29 % в 1936 г. Национальными героями стали кузнец А. Бусыгин, текстильщицы Евдокия и Мария Виноградовы, машинист А. Кривонос, металлург А. Мазай и многие другие. Стахановцы появились на каждом предприятии. «Стахановское движение представляет будущность нашей индустрии» [14], — сделал вывод товарищ Сталин. Именно на Всесоюзном совещании стахановцев

*Передовая ткачиха
Е. Виноградова*

Сталин произнес свою знаменитую фразу: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится» [14].

Стахановцы становились «рабочей элитой» СССР: их награждали орденами (с 1938 г. стали присваивать звание Героя Социалистического Труда), перед ними открывались возможности карьерного роста. Их заработок заметно превосходил среднестатистический уровень по стране, составлявший 100–170 руб. Их помощники получали по 400 руб., заработная плата самих шахтеров-рекордсменов составляла в среднем 550–600 руб. В сентябре 1935 г. М.Дюканов заработал 1338 руб., но лишь потому, что ему пришлось подменить в забое самого Стаханова, которого от производства отвлекли его новые общественные нагрузки и представительские функции. Кроме того, передовики-шахтеры получали бесплатные квартиры, автомашины, различные привилегии.

История стахановского движения опровергает мнение о том, что советская экономика основывалась исключительно на принудительном труде, хотя следует признать, что многие рекорды сопровождались приписками. Создаваемый в официальной печати культ стахановцев, предоставление им бытовых привилегий и благоприятных условий труда вызывали негативную реакцию в рабочей среде.

С другой стороны, это движение было в значительной степени политизировано. Возглавлявший московских коммунистов Н.С. Хрущев заявил, что «бдительность, твердость, беспощадность к врагу, кулакам, контрреволюционным троцкистам, зиновьевцам, к оппортунистам, которым, конечно, не по душе стахановские методы борьбы за социализм, — эти качества нужно воспитывать стахановцам в себе и во всех рабочих» [15].

Более сдержанные оценки прозвучали на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б), где численно преобладали хозяйственники. Пленум расценил движение шахтеров-передовиков как новую форму организации труда, основанную на

Н.С. Хрущев
и И.В. Сталин

рационализации технологических процессов с разделением труда, введением сдельной заработной платы и т.д. Чрезвычайно высокие заработки Стаханова были названы абсурдными. Отвергалась односторонняя направленность движения на массовость, говорилось о необходимости научно обосновать подобные методы труда, материально стимулировать и труд инженеров; в целом придать движению передовиков управляемость, ввести в него элемент подотчетности, поставив все достижения под контроль предприятий.

По решению пленума ЦК ВКП(б) нормы выработки на производстве были изменены в сторону повышения: произошел переход на «прогрессивную сдельщину» в оплате труда. На 1936 г. были повышены плановые задания по выпуску промышленных товаров. Пересмотр норм привел к автоматическому снижению уровня оплаты труда, что вызвало недовольство в рабочей среде.

Стахановское движение охватило широкие массы рабочих. От пролетариата не отставали представители других социальных слоев. «Стахановизм» порой принимал абсурдные формы: врач-стоматологи брали обязательство утроить нормы по удалению зубов, балерины крутили фуэте, взяв на себя повышенные обязательства, в театрах вместо двух премьер за год выпускали двенадцать. Есть свидетельства, что партия пыталась противодействовать этим «перегибам», но это удавалось не всегда. Рвущиеся к рекордам передовики сопротивлялись регламентации «сверху».

Рекорды, разумеется, были непрочными и не могли создать основы для массового повышения производительности труда (хотя она в годы второй пятилетки и выросла вдвое), и все же считалось бы ошибкой характеризовать это движение как некий политико-экономический блеф. На 1 января 1938 г. четверть всех рабочих считались стахановцами.

Однако в целом попытки форсировать экономическое развитие при помощи движения передовиков-рекордсменов привели к росту незавершенного производства, падению качества продукции, дестабилизации бюджета. То, что могло принести успех в угольной и других отраслях тяжелой промышленности, не работало эффективно в экономике в целом.

Попытки использовать элементы хозрасчета в качестве рычага промышленной политики были предприняты и на отраслевом уровне. В конце 1933 г. по инициативе Макеевского металлургического завода началась кампания по усилению рентабельности предприятий тяжелой индустрии. Директору завода Г.В. Гвахарии, взятому под покровительство наркомом Г.К. Орджоникидзе, пришлось исправлять ошибки своего «троцкистского прошлого». В итоге завод первым отказался от правительственных дотаций на основе комплекса мер по снижению себестоимости продукции. Почин был подхвачен и другими предприятиями, что помимо прочего способствовало введению в 1936 г. новой системы оптовых цен, более высоких для тяжмаша. Но слишком тесная привязка советской экономики к изгибам и перегибам партийного курса предопределила и кратковременность макеевского почина. После самоубийства (убийства?) Г.К. Орджоникидзе и чистки его наркомата от «классовых врагов» отрасль в 1938 г. уже снова относилась к убыточным. При выборе между рентабельностью и контролируемостью предприятий предпочтение почти всегда в истории СССР отдавалось последнему фактору.

Неожиданно высокая оценка последователям знаменитого шахтера-рекордсмена была дана А. Гитлером в годы Великой Отечественной войны: «И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души» [16].

Итоги второй пятилетки

В июле 1936 г. Госплан направил в ЦК ВКП(б) и СНК проект директив народнохозяйственного плана на 1937 г. В сопроводительном письме председатель Госплана СССР В.И. Межлаук сообщал об успехах стахановского движения. В качестве главных задач тяжелой промышленности на предстоящий год назывались следующие: подтягивание отстающих отраслей, резкое повышение качества продукции, достижение ее полной комплектности.

Одновременно с социальными резервами (энтузиазмом масс) были приведены в действие экономические резервы, связанные с освоением современной техники. (До середины 1930-х гг. промышленный прирост обеспечивался главным образом за счет увеличения численности рабочих. Техническая база использовалась недостаточно.) Прошедшие отраслевые конференции выявили значительные возможности производственных мощностей, позволяющие достичь намеченных результатов при меньших капиталовложениях.

Таким образом, советское руководство было вынуждено считаться с социально-экономическими реалиями. Все откровеннее проявлялись прагматичные ведомственные интересы. Корректировка «генеральной линии» осуществлялась с учетом мнений и позиций руководителей хозяйственных наркоматов, Госплана, Наркомфина, правительства. Политбюро ВКП(б) выступало в роли арбитра, вынужденного считаться с претензиями конфликтующих сторон. Весомость этих претензий зависела от приоритетности задач, которые решало то или иное ведомство, и от влияния его руководителя.

Задания второй пятилетки не были выполнены (в основу браваурной статистики были положены стоимостные показатели), но ее общие итоги оказались более успешными, чем показатели первой пятилетки. Производительность труда увеличилась вдвое. Импорт техники сократился в десять раз. СССР из страны, ввозящей станки, превратился в производящую оборудование. Общий объем импортной продукции в потреблении страны снизился до 1 %. Было завершено строительство Уральского и Новокраматорского заводов тяжелого машиностроения, Уральского вагоностроительного и Челябинского тракторного заводов. В общей сложности в годы второй пятилетки в строй ввели 4500 новых и реконструированных предприятий. Новые предприятия дали 80 % всей промышленной продукции. Был сформирован военно-промышленный комплекс: под контроль Народного комиссариата оборонной промышленности попали 47 авиационных, 27 военно-химических, 10 танковых, 10 судостроительных, 9 оптико-механических, 7 трубочно-взрывательных, 6 оружейных заводов, а также 65 высших и средних специальных учебных заведений и 57 военно-промышленных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских органи-

Пригласительный билет на открытие Днепрогэса

заций. В 4 раза увеличилась энерговооруженность промышленности, а сама электроэнергетика показывала устойчивый рост: с 14 млрд кВт/ч в 1932 г. до 36 млрд в 1936 г. Вышел на проектную мощность Днепрогэс. Немаловажный штрих: эта станция создавалась по американскому проекту, а ГЭС на реке Свирь была спроектирована уже группой советских специалистов под руководством инженера, а в будущем академика, Г.О. Графтио.

Рукотворным символом успехов второй пятилетки стал пущенный в 1935 г. Московский метрополитен, который И.В. Сталин не без оснований назвал «лучшим в мире». Характерно, что автору первого проекта Московского метрополитена инженеру П.И. Балинскому отказали в его осуществлении в 1902 г. под предлогом «умаления благолепия» [17] земли под многочисленными храмами. В середине 30-х гг. решить вопрос оказалось гораздо проще: сносом столичных церквей и прокладкой тоннелей метрополитена руководил один и тот же человек — Л. Каганович.

В третьем пятилетнем плане предусматривался рост национального дохода на 80 %, ввиду угрозы войны намечалась милитаризация экономики (создание крупных государственных резервов и мобилизационных запасов). Особое вни-

мание уделялось развитию оборонной промышленности на востоке страны. В Поволжье, на Урале, в Сибири строились заводы-дублеры, чтобы в случае войны компенсировать возможные потери предприятий, расположенных на Украине и в западных районах РСФСР. Но в итоге к началу войны в восточных районах выпускалось лишь 19 % военной продукции. Зато к 1941 г. расходы на военные нужды постоянно повышались и составляли 40 % бюджета.

Вместе с тем ориентация плановиков на показатели второй пятилетки была не вполне оправданной, поскольку они достигались во многом благодаря относительно простым мерам по упорядочению производства и лишь компенсировали провалы в осуществлении первого пятилетнего плана. Для получения высоких результатов в третьей пятилетке требовались принципиально иные, новаторские решения. Кроме того, на состоянии экономики не лучшим образом сказались репрессии 1937—1938 гг., ударившие по среднему управленческому звену. Расходы бюджета на оборону (до 25 %), бюрократическая негибкость системы управления, мелочная регламентация деятельности предприятий не способствовали поддержанию ударных темпов индустриализации. Тем не менее уже в рамках третьего пятилетнего плана была окончательно сформулирована «идея фикс» советской экономики: «Догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода» [9].

Признание «личного» интереса

В первой половине 1930-х гг. сталинское руководство пришло к выводу, что «политика и идеология классовой войны, которая продвинула вперед курс на быструю индустриализацию, достигла своих непосредственных целей» [12]. В связи с этим было предпринято некоторое отступление от политики «классовой войны». В основе относительно умеренного курса лежало признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду для всех категорий работников.

10 июля 1931 г. было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) «О работе технического персонала на предприятиях и об улучшении его материального положения». Постановление предусматривало не только пересмотр дел многих из осужденных специалистов, но и расширение прав инженерно-технических работников: теперь эти специалисты могли занимать руководящие должности, ранее не доступные им по политическим причинам. В отношении ИТР были отменены и действовавшие прежде ограничения в предоставлении жилплощади, пользовании санаториями и домами отдыха, пособиями в случае болезни.

Наиболее важными тезисами постановления были пункты о запрещении органам прокуратуры, уголовного розыска и милиции вмешиваться в производственную жизнь предприятий. Представительства ОГПУ на фабриках и заводах подлежали ликвидации. Партийным организациям запрещалось вмешиваться в деятельность руководителей-хозяйственников, касающуюся непосредственно производства. Кроме того, произошло некоторое перераспределение прав между наркоматами и предприятиями в пользу предприятий. Благодаря этим мерам позиции хозяйственной номенклатуры в короткие сроки существенно укрепились.

Сталин был великий социальный психолог. После проводившихся (с его прямой подачи) бурных преобразований, сопряженных с репрессиями и падением уровня жизни, как правило, всегда следовали периоды стабилизации и умиротворения, когда жить становилось «веселее и лучше». Народная память была склонна запечатлевать (хотя бы из инстинкта самосохранения и поддержания душевного спокойствия) только приятные, ласкающие струи сталинского контрастного душа. Великий русский физиолог И. Павлов мог бы назвать этот процесс социальной рефлексологией. Великий русский цирковой артист А. Дуров мог бы назвать это дрессировкой.

В ноябре 1934 г. объявили об отмене карточной системы. В январе 1935 г. отменили карточки на хлеб и муку, 1 октября — на прочие продовольственные товары, 1 января 1936 г. (новогодний подарок — еще один штрих к созданию образа доброго и заботливого отца народов) — на все остальные това-

ры, ранее отпускавшиеся по карточкам. Отмена карточек привела к установлению новых, более высоких цен. Примерно в той же пропорции увеличили и заработную плату, т. е. покупательные способности большинства трудящихся почти не изменились.

Помимо прочего, отмена карточек привела к сокращению сети общественного питания на предприятиях, где цены за обеды опять-таки выросли. Увеличились и доходы, но в бюджете рабочих семей (например, в Ленинграде) более половины всех расходов по-прежнему приходилось на продукты питания.

В конце 30-х гг. снова активизировалась борьба за усиление трудовой дисциплины. Постановлением от 8 января 1939 г. опоздание на работу более чем на 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию на рабочем месте, а повторное опоздание вело к увольнению. 26 июня 1940 г. был произведен пересмотр длительности рабочего дня (восьмичасовой вместо семичасового) и рабочей недели (семидневная вместо шестидневной). Дела систематических нарушителей трудовой дисциплины подлежали рассмотрению в народном суде, в качестве наказания обычно назначались исправительные работы на рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием 25 % заработка. Эти статьи законодательства отменили только в 1956 г.

Тяготы и трудности времени компенсировались системой социальных льгот, с которой, собственно, и связаны представления нескольких поколений советских людей о социализме. (В числе прочих причин этот устоявшийся стереотип вызвал волну массовых протестов уже в новейшее время, в 2004 г., в связи с так называемым проектом закона о «монетизации льгот».) Стало бесплатным школьное образование и медицинское обслуживание, увеличились размеры пенсий и других выплат по социальному страхованию.

Чтобы понять, улучшилась ли жизнь или нет, ее уровень необходимо с чем-то сравнить. Первая пятилетка имела

Урок географии
в школе 1930-х гг.

часто шоковые социальные последствия, включая массовый голод. Особенно досталось крестьянству. В 1937 г. в колхозах потребление важнейших продуктов питания на душу населения выросло по сравнению с 1932 г. более чем в два раза. Успехи налицо, но следует помнить, что 1932 г. — это как раз время голода.

Действительно, жить стало лучше. Но героически преодолеваемые трудности создавало в основном само сталинское руководство. И опять великий психолог Сталин все грамотно и точно рассчитал: все успехи и победы советское население в своей массе было готово связывать именно с ним, а все перегибы и преступления — с «врагами народа», борьба с которыми и составляла фон для нормализации условий жизни и труда в «рабоче-крестьянском государстве».

Колхозная жизнь

С весны 1933 г. начался новый этап в развитии отношений между властью и крестьянством. Вместо репрессий и насильственных мер стали применяться формально легальные методы выкачивания ресурсов из деревни. 19 января 1933 г. ЦИК и ЦК ВКП(б) СССР приняли закон «Об обязательных поставках зерна колхозниками и единоличными хозяйствами», дополненный впоследствии аналогичными законами о поставках подсолнечника, картофеля, продукции животноводства. Обязательная поставка не должна была превышать 1/3 валового сбора каждого хозяйства. Зерно, оставшееся после выполнения обязательной поставки и натуроплаты машинно-тракторным станциям (МТС), находилось в полном распоряжении производителя. Местным органам власти и заготовительным организациям запрещалось увеличивать обязательства по сдаче зерна.

Директива высших органов партии и правительства от 31 августа 1934 г. обязала колхозы, выполнившие планы хлебозаготовок, немедленно создавать фонды для выполнения планов закупок, что приводило к значительному снижению размеров распределения по трудодням. Хотя в 1933–1934 гг. по сравнению с 1932 г. валовые сборы зерна не выросли, государство получило хлеба на 20 % больше. Однако в животноводстве

водстве сложилась иная ситуация: валовая продукция отрасли продолжала сокращаться и в конце 1934 г. была ниже уровня 1932 г.

В ходе коллективизации широкую деятельность развернули политотделы МТС, созданные в 1933 г. Они были призваны обеспечить выполнение государственных заготовительных планов и очистить колхозы и МТС от «классово враждебных элементов» (в состав политотделов входили представители ОГПУ). К лету 1933 г. в колхозах Северного Кавказа, Нижней Волги и Казахстана оказался снятым с должности каждый четвертый председатель колхоза, во многих МТС было отстранено от работы до половины трактористов и агрономов. В ноябре 1934 г. политотделы вошли в состав райкомов партии. Можно сказать, что на селе репетировались массовые партийные чистки в городах в 1935–1937 гг.

На очередном пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся в 1934 г., И.В. Сталин заявил, что «вопрос не стоит о том, выгоден ли колхоз или нет... Этот вопрос решен» [18]. К концу 1932 г. 211 тыс. колхозов объединяли 14,7 млн крестьянских дворов (61,5 % от общего их числа). В октябре 1934 г. этот показатель вырос до 71,4 %, в июле 1935 г. — до 83,2 %, к концу 1937 г. — до 93 %, а к середине 1940 г. — до 97 %. Правда, при этом наблюдалось и резкое сокращение числа крестьянских дворов. Так, с 1 января 1933 г. по 1 апреля 1935 г. («решающий год», по определению официальной пропаганды) число единоличных хозяйств сократилось на 4,8 млн, однако в колхозы вступили лишь 2,1 млн единиц.

Наступление на единоличников объяснялось хотя бы тем, что уровень их благосостояния был значительно выше, чем у колхозников, что противоречило доводам официальной пропаганды. В сентябре 1934 г. власть усилила налоговый пресс на единоличников. Их хозяйства постепенно разорялись. Крестьянское население уходило в города, на стройки первых пятилеток (за период коллек-

Советский агитплакат
в поддержку
коллективизации

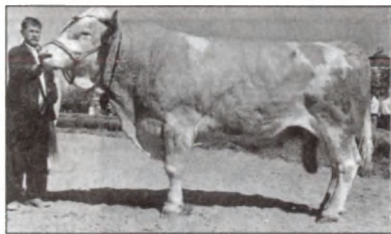
тивизации свыше 10 млн крестьян пополнили ряды рабочего класса). Всего же с 1926 по 1939 г. городское население увеличилось на 30 млн человек, из которых 23–25 млн были бывшими крестьянами.

В феврале 1935 г. состоялся II Всесоюзный съезд колхозников-ударников, на котором обсуждался «Примерный устав сельскохозяйственной артели». Этот документ имел целью не столько смягчить последствия коллективизации, сколько урегулировать взаимоотношения колхозов и государства. Делегаты съезда внесли немало поправок к определению размеров личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Площадь приусадебного участка определялась наркоматами земледелия союзных республик. В зависимости от региона колхознику разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га (а в отдельных районах — до 1 га) приусадебной земли. Кроме того, он мог держать одну корову с двумя телятами, неограниченное количество птицы, кроликов и т.д. В скотоводческих районах разрешенное поголовье увеличивалось: до 20 коров, до 10 лошадей, до 8 верблюдов и т.д. К концу 1934 г. почти 2/3 колхозных семей страны имели в личном подсобном хозяйстве коров, а в Белоруссии, Западной Украине и Московской области — 3/4. В 1938 г. приусадебные участки, которые занимали только 3,9 % всех посевных площадей, давали 45 % всей сельхозпродукции. Эти участки обеспечивали крестьян половиной их зернового дохода, почти полностью — овощами и продуктами животноводства, давали 70–85 % денежного дохода от продажи излишков на колхозном рынке. До 70 % мяса и молока и около 46 % производимой в стране шерсти давали эти «резервации» мелкотоварного производства.

Однако не следует абсолютизировать преимущества данного сектора и видеть здесь, подобно экономистам «перестроечных» времен, доказательства выгод фермерского пути развития аграрного сектора страны. Парадокс и закономерность заключаются в том, что эти приусадебные участки могли эффективно функционировать лишь при наличии и с использованием (скрытно и явно) крупных коллективных хозяйств — колхозов.

В конце второй пятилетки личные подсобные хозяйства значительно опережали колхозы в производстве животно-

водческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и фруктов, хотя в основном урожай шел на личное потребление и лишь частично продавался на рынке. Значительная доля выручки расходовалась при этом на погашение денежных налогов, взимаемых с приусадебных хозяйств. Именно с помощью личного подсобного хозяйства советский крестьянин решал свои главные бытовые проблемы.

Породистый производитель, переданный в колхоз после конфискации имущества у крупного кулака

Были облегчены условия приема в колхоз новых членов, а формулировка проекта Устава о закреплении за колхозами земли в «бессрочное пользование» дополнилась словами «то есть навечно», что имело большое пропагандистское значение.

На основе «Примерного устава» каждый колхоз вырабатывал свой устав, в котором прописывались основные пункты: степень обобществления средств производства и порядок распределения доходов колхоза (по решению общего собрания могли быть организованы фонды помощи инвалидам, старикам, временно нетрудоспособным, выделялись средства на содержание яслей). Кроме того, устав конкретного колхоза устанавливал нормы выработки и расценки по трудодням, оплату специалистам (агрономам, инженерам и др.).

В 1937 г. в благополучных колхозах норма выплаты достигала 5 ц зерна и около 100 руб. на взрослого человека в год, а в неблагополучных — лишь 2 ц зерна без каких либо денежных выплат. Для сравнения: в начале XX в. средний прожиточный минимум на одного крестьянина составлял 2,5 ц зерна без учета продуктов животноводства.

17 февраля 1935 г. устав, принятый II съездом колхозников, был утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б). Это была своеобразная государственная гарантия жителям села, закреплявшая их право на ведение личного подсобного хозяйства. Устав несколько расширял и роль крестьян в управлении коллективным хозяйством (например, при решении вопроса об исключении из него).

Уборка урожая — всегда праздник

Колхозникам вменялись в обязанность всевозможные повинности — отработочные, натурально-продуктовые и денежные. Сбылось сделанное еще в 1928 г. предсказание Н.И. Бухарина, который видел утверждение «военно-феодальной эксплуатации» [4] села в случае победы точки зрения Сталина. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК

СССР от 27 мая 1939 г. для всех трудоспособных колхозников был установлен минимум трудодней (от 60 до 100 в различных регионах). Основной формой исполнения отработочной повинности была занятость в общественном хозяйстве. Рабочий день во время уборки урожая начинался с 5 ч утра, а заканчивался с заходом солнца. Крестьяне, не выработавшие минимума трудодней, подлежали исключению из колхоза.

Обязательным было участие в лесозаготовках. В соответствии с планом, спускаемым «сверху», леспромхозы заключали с сельхозартелями трудовые договоры. Работа оплачивалась, однако до 1938 г. труд сельчан оценивался ниже, чем труд кадровых лесозаготовителей, которым начислялись надбавки за стаж и на питание. Из зарплаты члена сельхозартели на ее нужды вычиталось до 50 %.

Отработочная повинность на лесозаготовках воспринималась крестьянами как тяжелая принудительная обязанность. Труд не был механизирован, к тому же приходилось жить в неблагоприятных бытовых условиях.

Дорожная повинность заключалась в обязанностях сельского населения строить и ремонтировать дороги, возводить переправы и мосты. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1938 г. трудоспособные колхозники должны были каждый год бесплатно отработывать по 6 дней на дороге в радиусе 15 км, обеспечивая при этом необходимую тяговую силу, гужевого транспорт и инвентарь.

Участие сельхозартелей в дорожном строительстве было настолько весомым, что в 1940 г. Госплан составил годовой план по союзным республикам с расчетом на участие населения. Широкое распространение получила практика межкол-

хозного социалистического соревнования за досрочное выполнение годового плана работ. За уклонение от дорожной повинности предусматривался штраф в двойном размере от стоимости невыполненных работ.

В 1932–1933 гг. были введены натурально-продуктовые повинности в форме обязательных поставок государству отдельных видов продукции: до 45 кг мяса со двора, до 1 кг шерсти с овцы, до 20 ц картофеля с 1 га запланированных посевов.

Денежные повинности состояли из государственного налога (сельскохозяйственный налог с необобществленной части хозяйства) и государственных займов (формально они считались добровольными, но ход подписки контролировался партийными органами). В 1939 г. твердые ставки сельскохозяйственного налога были заменены на прогрессивные. За 1 га зерновых требовалось заплатить 5,4 руб., за 1 га картофеля — 12 руб.; корова облагалась ставкой в 600 руб., свинья — в 300, а овца — в 40. За неисполнение натуральнопродуктовых повинностей грозило изъятие имущества по решению народного суда.

Расчет с членами сельхозартели производился на основе трудодней, за которые крестьяне получали оплату зерном или другой производимой продукцией. При этом действовал «остаточный принцип»: трудодни обеспечивались после выполнения обязательных поставок, засыпки семенных, фуражных и страховых фондов, создания фонда государственных закупок и т.д. При этом рассчитывались с колхозниками по ценам, которые оставались практически неизменными не только до конца 30-х гг., но и до года смерти Сталина (1953). Цены же на промышленные товары за это десятилетие выросли в десять раз. Нэповские ножницы цен превратились в период коллективизации в «холодное оружие», направленное исключительно против села.

Советский плакат умалчивал, что налог на корову составлял 600 руб.

*К концу 30-х гг.
производство зерна
снизилось*

В предвоенное время был увеличен обязательный минимум трудодней, отрабатываемых в течение года. За перевыполнение плана предусматривались дополнительные вознаграждения. На селе произвели обмер приусадебных участков — оказалось, что в пользу личных подсобных хозяйств от обобществленной земли было незаконно отторгнуто до 2 млн га.

Окончательно «военно-феодалная эксплуатация» в виде советского колхозного строя нашла свое воплощение в законе от 17 марта 1937 г., который можно назвать реинкарнацией русского крепостничества с его Юрьевым днем. Крестьянам теперь запрещалось покидать сельхозартели без подписанного администрацией трудового соглашения с будущим работодателем. С юридической точки зрения колхозники мало отличались от крепостных, причем ограничения касались и членов их семей. Например, лишь получив «отпускную грамоту» от администрации хозяйства, дочка крестьянина могла выйти замуж за городского жителя.

Новое закрепощение крестьян было главным социально-политическим итогом коллективизации. Собственно хозяйственно-экономические итоги были фактически нулевыми (или даже ниже нулевого уровня). Если в канун коллективизации в СССР производилось в среднем 45–48 ц зерна на душу населения, то на рубеже 30–40-х гг. — только 40–44 ц. Посевные площади увеличились на 15 %, но урожайность зерновых снизилась. Продукция животноводства за это время сократилась на 40 %. Вернуться к уровню поголовья крупного рогатого скота 1928 г. удалось лишь во второй половине 50-х гг. Производительность труда выросла, но благодаря использованию не столько коллективных форм труда, сколько новой сельскохозяйственной техники.

Коллективизация и раскрестьянивание способствовали осуществлению главной стратегической цели первых пяти-

леток — созданию гигантской армии рабочих для промышленных объектов и изысканию необходимых внутренних средств для нужд форсированной индустриализации.

Итоги сталинской модернизации

В феврале 1931 г. И.В. Сталин заявил, что история старой России не была сплошным триумфом. Скорее, наоборот: страну непрерывно били монгольские ханы, шведские феодалы, польско-литовские паны, англо-французские капиталисты, японские бароны. Били за отсталость — государственную, промышленную и военную. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [4]. Поэтому альтернативные варианты, предусматривавшие более медленные, щадящие темпы развития, были отброшены.

Курс на ускоренную модернизацию привел к снижению уровня жизни рабочих, росту налогов и цен, инфляции. Промышленность работала лишь с половинной нагрузкой, в результате погони за темпами качество продукции упало. В период одновременного строительства тысяч предприятий экономика страны в известной степени была дезорганизована. Первый этап коллективизации, сопровождавшийся раскулачиванием и другими насильственными мерами, привел советскую экономику к кризису.

Но во время второй пятилетки страна не только не погибла, но даже укрепила свое положение. Национальный доход рос быстрыми темпами, в СССР исчезали официально признававшиеся явления: безработица и нищета. В то же время, призывая всех к ударному труду, ВКП(б) гарантировала медленное повышение уровня жизни: всем и одинаково.

Словам вождя верили все — и стар, и млад

Однако в действительности сталинская эпоха отличалась гораздо более резким социально-имущественным расслоением общества, чем это принято считать. Соотношение «богатых» и «бедных» рассчитывают по так называемому дециальному коэффициенту: отношение уровня зарплаты, выше которого находятся заработки 10 % самых высокооплачиваемых работников, к уровню зарплаты, ниже которого 10 % самых низкооплачиваемых. При Сталине этот коэффициент составлял 8:1, а в 1989 г. — 3,5:1. Нарушение принципов «социалистического эгалитаризма» находило отражение также в системе формирования социальных льгот и материальных преимуществ сталинской партноменклатуры. Правда, всего этого легко можно было лишиться одним росчерком красного или синего карандаша вождя.

В 1931 г. спецпостановлением о снабжении ответственных работников центрального партгосаппарата система льгот новой номенклатуры получила почти законченное оформление, и с тех пор менялся только ассортимент спецраспределителей, но не принцип их работы. Пайковые нормы «ответработников» «рабоче-крестьянского» государства превышали нормы снабжения пролетариата особого списка (т. е. новой рабочей «аристократии»). Питание новой политической элиты было организовано в закрытых спецстоловых. Каждый чиновник в зависимости от ранга получал ордер на получение определенных услуг в спецателье. Лечились в спецполиклиниках и больницах, отдыхали в спецсанаториях. Квартиры, дачи, мебель, посуда предоставлялись бесплатно. Оплачивались государством охрана и персональные врачи. Страна еще только строила социализм, а для партгосноменклатуры действовала уже коммунистическая система распределения благ и льгот. Однако «слуги народа» не торопились с подтягиванием уровня жизни этого самого народа до качества собственного жития-бытия.

Очевидно, что поступательное, спланированное по этапам развитие страны не привело бы к многомиллионным жертвам. Однако темпы индустриализации не успевали бы за приростом населения. Сталин принес в жертву благосостояние советских граждан, превратив его в ресурс для модернизации. Высокие показатели роста экономики достигались ценой невероятного увеличения затрат. Руководство пар-

тии, не считаясь с потерями, выбрало путь решительного форсированного натиска.

В 1930-е гг. в СССР был создан военно-экономический потенциал. Средства изымались из сельского хозяйства, перекачивались из гражданской промышленности в военную, из легкой — в тяжелую. Таким образом, государственный механизм осуществлял неэквивалентный обмен, что было невозможно при сохранении нэпа. Очевидно, что потенциал нэпа проигрывал в сравнении с мобилизационными возможностями чрезвычайной системы управления.

Партия отдавала себе отчет в том, что ускоренная индустриализации страны будет сопряжена для народа с невероятным напряжением сил. Форсированная модернизация страны требовала от рабочего класса полной самоотдачи, истоки которой нельзя объяснить лишь административным нажимом со стороны правящей партии. Миллионы людей сознательно жертвовали самым необходимым сегодня и верили, что их потомки завтра будут жить в счастливой стране. Обстановка массового трудового энтузиазма, чувства сопричастности к национальным успехам имела место в реальности, а не только в отчетах партийных лидеров и передовицах «Правды».

Главным в программе модернизации СССР было превращение человека с патриархальным крестьянским типом мышления в индивида, способного быть включенным в координированные, высокоорганизованные усилия огромных масс людей. Правда, в качестве «солдата партии» или легко заменяемого «винтика» советский гражданин был в значительной степени ближе не к западной концепции автономного от государства индивида, а к архаизованной оде «Гражданин» С. Полоцкого (конец XVII в.), где гражданин выступал в первую очередь как подданный Государя и Бога. В советской традиции их функции к концу 30-х гг. были фактически закреплены за одним человеком — И.В. Сталиным.

В результате сталинских пятилеток СССР превратился в аграрно-индустриальную страну. Пока еще большая доля населения жила в деревне, которая давала значительную часть национального дохода, но темпы урбанизации и увеличения числа городских жителей возросли значительно: с 29 млн человек в 1928 г. до 63 млн — в 1940 г. Численность промыш-

Эмблема автомобильного завода им. Молотова (ныне — ГАЗ)

ленных рабочих выросла с 4 млн в канун первой пятилетки до 10 млн в конце 30-х гг. Были созданы отрасли, отсутствовавшие или слабо развитые в царской России: тракторостроение, автомобилестроение, химическая промышленность. Послевоенная Япония будет ориентироваться именно на опыт советских пятилеток (с упором на внедрение новейших технологий).

К 1940 г. Советский Союз вышел на вторую позицию в мире (после США) по абсолютным объемам промышленного производства (в 1913 г. Россия по этому показателю занимала пятое место). Сократилось отставание от развитых стран по выпуску промышленной продукции на душу населения: если в 20-е гг. разрыв был в 5–10 раз, то в конце 30-х гг. — уже только в 1,5–4 раза. Развитие тяжелой промышленности осуществлялось невиданными в мировой истории темпами. Так, за 6 лет (с 1929 по 1935 г.) СССР увеличил выпуск чугуна с 4,3 до 12,5 млн т. США потребовалось для этого 18 лет, Германии — 19. Правда, Америка достигла этих результатов еще в конце XIX в., а Германия — в 1907 г.

Сталинская модернизация в СССР не обгоняла свое время, как пыталась представить официальная партийная пропаганда. Социалистическая страна стремительно догоняла капиталистические страны, пытаясь на равных вступить в новое межимпериалистическое столкновение, грядущую мировую бойню. Приближающаяся война наложила неизгладимый отпечаток на советскую экономику не рыночного, а планово-мобилизационного типа, лучше всех приспособленную к экстремальным условиям, что отличало СССР от Российской империи. Если в Первую мировую войну России противостояли от 1/3 до 1/2 войск противоборствующей коалиции и из войны пришлось выходить через революцию, то во Вторую мировую на СССР было брошено 2/3–3/4 вооруженных сил Германии и ее союзников, но «рабоче-крестьянское» государство вышло победителем из войны.

Если перефразировать теоретика научного коммунизма (и практика капиталистического производства) Ф. Энгельса, то получим тезис: за каждую победу над собой экономика нам мстит. Судьбоносный прорыв в секторе тяжелой промышленности имел негативную изнанку в виде становящегося все более хроническим отставания легкой и пищевой промышленности, а эксперимент в аграрной сфере больше напоминал массовое издевательство. Сверхциркуляция и огосударствление экономики были чреваты разрывом естественных хозяйственных связей и установлением связей неестественных, но оправданных политической конъюнктурой и расчетами политической элиты. Диспропорции нэпа не исчезли. Они просто стали другими. Но с этими рисками придется вплотную столкнуться уже наследникам Сталина.

СТАЛИНИЗМ: РЕЖИМ И ЕГО «ГЕРОИ»

Нэпу не удалось утвердиться, как желал того В.И. Ленин, «всерьез и надолго». В действительности, всерьез и надолго врос в толщу советской жизни сталинизм, режим личной власти второго большевистского вождя, который подчинил себе аппарат ВКП(б), а аппарат — всю партию, та контролировала систему государственного управления. Органы ГПУ—НКВД помогали держать в узде аппарат. Чекистами после нескольких чисток легко манипулировал Сталин. Но, чтобы эта система эффективно действовала в рамках заданных параметров, нужен был «отец народов». Без системы он был никто. Но и система без него оказалась ничем.

Загадка Сталина

Как известно, земным наследником Христа стал апостол Петр, несмотря на то что он трижды предавал Учителя. Эксеминарист из Гори Сталин как минимум (!) трижды предавал Ленина и его политический курс: дважды в 1917 г. — когда рекомендовал большевикам войти во Временное правительство и когда советовал Владимиру Ильичу явиться на суд того же Временного правительства и в 1922 г. во время знаменитого «грузинского дела», когда Сталину пришлось извиняться перед Н.К. Крупской. С того момента он никогда и ни перед кем не извинялся. Сталин создавал партию как своеобразную коммунистическую церковь. Хорошо известно его сравнение партии с орденом меченосцев.

На московских политических процессах постоянно всплывала тема предательства, доходящая до форменного абсурда. Подсудимые из Калининской парторганизации, например, признавались, что намеревались воссоздать великое княжество Тверское, где партноменклатура подлежала конвертации в систему высшего и удельного княжеского вассалитета. Признание в шпионаже в пользу Японии, по логике сталинского прокурора А.Я. Вышинского, означало одновременно и измену в пользу Польши (а ведь сам Андрей Януарьевич был поляком). Многие современные авторы в навязчивой для Сталина теме предательства находят подтверждение слухам о провокаторском прошлом вождя, «агента царской охранки». Однако гораздо большего внимания заслуживает версия, что «московскими процессами» Сталин доигрывал ситуацию лета 1917 г., когда следователь Временного правительства А.Я. Вышинский (да, тот самый!) искал лидера большевиков, чтобы предать его суду за измену Родине и революции. Расправляясь с «ле-

Партибилет коммуниста № 2 —
И.В. Сталина

нинской гвардией», Сталин в известной степени предавал суду единственного человека в стране, которому он ничего не мог сделать, — В.И. Ленина. Того самого, который несколько раз публично унижал нынешнего вождя и «отца народов».

Из политических легенд эпохи:

На допросе председатель Совнаркома Грузии Б. Мдивани сказал следователю: «Сталин совсем не успокоится, пока всех не перережет, начиная со своего непризнанного ребенка и кончая своей слепой прабабушкой. Это так. Я знаю Сталина 30 лет» [11].

Наивно было бы приписывать все отклонения от первоначальной доктрины коммунизма лишь злому гению Сталина. Как и в случае с октябрьским переворотом 1917 г., не только коммунисты овладели массами, но и массовые настроения значительной части населения овладели партийной верхушкой во главе со Сталиным. Деклассированное, люмпенизированное население ждало простых, быстрых политических акций власти, где устрашение превалировало бы над созиданием. На волне «шахтинского дела» в 1929 г. рабочие многих предприятий страны выдвигали лозунги, направленные против так называемых «спецов» (старых, имевших опыт еще до-революционной работы специалистов). Эти пока еще никем не организованные «сигналы с мест» своим пафосом и накалом удивительно напоминали тщательно организованную, но от этого не менее неподдельную волну народного возмущения в адрес фигурантов «московских процессов». Фабрика «Красный Октябрь» в Нижегородской губернии: «Спецам дали волю, привилегии, квартиры, громадное жалованье; живут как в старое время» [19]. Собрание рабочих Сокольнического района Москвы: «Всех надо расстреливать, а то покоя не будет» [19]. На Перовской судобазе: «Пачками надо расстреливать эту сволочь» [19]. Сравните с припиской В.М. Молотова на запрос И.В. Сталина о возможной судьбе «уклониста» Ломова: «За немедленный арест сволочи Ломова» [17]. И Ломова расстреляли. И «пачку» других. По данным КГБ СССР — 786 098 человек за 1930–1933 гг.

Сталин в определенной степени был зеркалом процесса серьезной трансформации самой партии, получившего название «плебеизации». Накануне индустриализации лишь

треть коммунистов составляли собственно рабочие. Большая часть партийных масс — 60 % — занималась низкоквалифицированным, но не физическим трудом в уже разветвленном и все более разрастающемся бюрократическом аппарате. Они не могли похвастаться ни политическим опытом (лишь 2 % секретарей вступили в партию до 1917 г.), ни должным образованием (лишь 1 % окончили высшие учебные заведения). Эти коммунисты (у значительной части идеологические лозунги прикрывали желание карьерного роста) были готовы поддерживать любого вождя из Политбюро, который мог бы предложить им шанс на изменение внутривнутрипартийного статуса и при этом внушить уверенность в причастности к великому делу исторических преобразований в стране. Этим вождем оказался Сталин.

Сталинская политическая элита и социально активная верхушка советского общества говорили на одном языке. К сожалению, этим общим языком был чаще всего русский мат, которым грузин Сталин, как утверждают мемуаристы, владел в совершенстве. Известный историк Р.А. Медведев приводит свидетельство того, что в начале 30-х гг. Л.М. Каганович резко сменил речевое поведение в подражание Сталину и тоже приобрел славу редкостного матерщинника. Характерно, что «сталинская гвардия» чисто внешне стала отличаться от «ленинской»: ленинцы, как и вождь № 1, носили и бородку, и усы — Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев и др. «Сталинцы», как и вождь № 2, только усы — В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, Н.М. Шверник, С.М. Буденный. Исключение из этого правила — всесоюзный староста М.И. Калинин. Но этот формальный глава рабоче-крестьянского государства (и своей биографией олицетворяющий союз двух трудовых классов) никогда не претендовал на реальную власть в стране.

Французский писатель А. Барбюс, который завершил свою книгу знаменитой фразой «Сталин — это Ленин

Л.М. Каганович

*Любимый вождь,
счастливый народ*

то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет» [20]. В конце Барбюс уже описывает не святого, а самого Бога. Вот только создал Сталин не новый прекрасный социалистический мир, а жестокую социальную пародию на общество, придуманное гуманистами и утопистами прошлых веков и десятилетий.

Сталинский наклон

Элементы авторитарного режима Сталина наблюдались и в 20-е гг., но в четкую и связную систему они стали складываться лишь к 1929 г. В декабре того года свой 50-летний юбилей (на самом деле — 51-й день рождения) Сталин встречал уже в качестве не первого среди равных, а единственного лидера партии и страны, ставшего «Лениным наших дней» [9]. На верность новому вождю присягали бывшие оппозиционеры, «левые» и «правые» уклонисты. Ю. Пятаков в своем панегирике в «Правде» от 29 декабря 1929 г. писал: «Совершенно ясно, что невозможно одновременно быть за партию и выступать против ее нынешнего руководства, быть за ЦК и против тов. Сталина» [4].

Однако Сталину требовались не столько новые соратники-исполнители, сколько постоянное наличие внутрипартийных вредителей, на которых было удобно в любой момент возложить вину за трудности и огрехи индустриализации и коллективизации. На XVI съезде ВКП(б) Сталин обозначил абрис будущей политической линии: «Невозможно развернуть настоящую борьбу с классовым врагом, имея в тылу его агентуру» [3]. Фактически генсек признавал, что

сегодня» [8], создал не столько жизнеописание политического лидера XX в., сколько апокриф о средневековом святом: «Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России — подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах... Это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал

тыл «классовой войны» находится в Кремле.

В декабре 1930 г. по «тылам» были нанесены очередные удары. Из состава Политбюро вывели реального преемника Ленина (на его посту председателя СНК) А.И. Рыкова; его место занял Г.К. Орджоникидзе, активный фигурант (вместе со Сталиным и Дзержинским) «грузинского дела», вызывавший неприязнь Ленина и названный им тогда «сталинским ишаком». Из состава ЦК были выведены С.И. Сырцов и В.В. Ломинадзе, позволившие себе публично высказать сомнения в темпах индустриализации и обвинить партию и Советы в феодальной эксплуатации рабочих и крестьян. Официальные обвинения, предъявленные председателю совнаркома РСФСР и первому секретарю Закавказского крайкома партии, уже тогда отличались изощренной казуистикой: создание «право-левого» блока, «платформа которого совпадает со взглядами “правого уклона”» [9]. Манипуляционная игра с ярлыками «правый» — «левый» вообще была характерна для 30-х гг., и на скамье подсудимых «московских процессов» «правые уклонисты» соседствовали с «левыми».

Исключение Сырцова и Ломинадзе произошло с нарушением уставных правил, прописанных еще в резолюции X съезда «О единстве партии». Судьбу «раскольников» решал не ЦК, как было положено, а объединенная коллегия Политбюро и Центральной контрольной комиссии. Фактически это уже была узурпация власти узкой группой лиц, сплотившихся вокруг Сталина. В учебниках политологии подобная группа называется «кликой». Но для ее эффективности и устойчивости необходимо также наличие и «клиентеллы» — группы зависимых (материально и экзистенциально) от хозяина индивидов. Феноменальность Сталина заключается в том, что подпирающая его власть клика одновременно являлась и клиентеллой, где хозяин мог быть только один. В рамках подобного режима любое публичное несогласие могло рассматриваться (и рассматривалось) Сталиным как некий вызов, возможная претензия на его официальный ста-

Г.К. Орджоникидзе

тус. Отсюда вечная подозрительность вождя по отношению к своим соратникам (в Кремле была установлена спецаппаратура, позволявшая прослушивать все телефонные разговоры), ревнивость к их реальным и мнимым успехам, что вызывало состояние полуопалы (опала — это гибель) даже таких сверхлюбяльных вождю деятелей, как В.М. Молотов (в тюрьму посадили его жену, старую большевичку П. Жемчужину) и Л.М. Каганович (посадили брата).

Политическая легенда тех лет. Кагановича спрашивают, что случилось с его братом. Он отвечает: «У меня нет брата. Моя семья — товарищ Сталин» [11]. Устойчивая молва приписывает И.В. Сталину продолжавшееся несколько лет сожительство с младшей сестрой Кагановича. Однако отсюда еще никак не следует вывод, часто встречающийся в современных «сенсациях» ультрапатриотических историков: мол, тайную власть в Советском Союзе осуществлял некий зловещий еврейский кагал, пытавшийся прибрать к рукам «русского патриота» Джугашвили — Сталина.

Как ни странно, но алгоритм действий Сталина легко укладывается в известную еще с древности управленческую аксиому: «Бей своих, чтобы чужие боялись». Правда, ни «ленинская», ни «сталинская гвардия» своими для Сталина никогда не были. В том же 1930 г. досталось и «чужим» — «спецам», к внесудебной расправе над которыми призывали участники стихийных и организованных рабочих манифестаций. Идя навстречу пожеланиям подавляющего (во всех смыслах) большинства, расправу учинили — судебную. Под большинством обвинений никакой правды не было. Черный юмор того периода закрепил за тюрьмами определение — «дома отдыха инженеров и техников» [17].

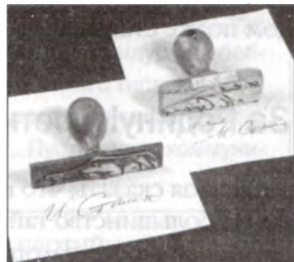
Весной 1930 г. состоялся открытый судебный процесс по делу мифической, сфабрикованной чекистами организации «Союз вызволения Украины», руководителем которой «сделали» видного ученого, вице-президента Всеукраинской Академии наук С.А. Ефремова. В «подельники» к нему определили свыше 40 человек, многие из которых впервые увидели друг друга на скамье подсудимых.

По тому же сценарию раскручивалось дело «контрреволюционной» трудовой крестьянской партии, руководителя

ми которой объявили выдающихся экономических мыслителей мирового уровня Н.Д. Кондратьева (открывшего так называемый «цикл Кондратьева», объясняющий во многом кризисные явления и в мировом капиталистическом хозяйстве, и в доморощенном социалистическом) и А.В. Чаянова (автора замечательной повести «Путешествие брата моего Алексея в страну крестьянской утопии»). 25 ноября — 7 декабря 1930 г. состоялся процесс «Промпартии», где в шпионской и вредительской работе обвинялось 8 человек во главе с крупнейшим специалистом в области теплотехники Л.К. Рамзиным.

Большинство осужденных по делу «Промпартии» оказались в так называемых «шарашках» — своеобразных НИИ закрытого типа, где лишенные свободы ученые работали над стратегически важными разработками. Первые подобные бюро были созданы в сентябре 1931 г. в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону. В них работали (по классификации ОГПУ) 9 террористов, 44 диверсанта, 74 шпиона, 98 руководителей контрреволюционных организаций, 184 рядовых контрреволюционера. В подобных «шарашках» отбывали сроки А.Н. Туполев и С.П. Королев. Существует легенда, что в одной из них впервые в мире была изобретена система видеозаписи. Быт уже послевоенных «шарашек» описан в романе А.И. Солженицына «В круге первом», экранизированном Г. Панфиловым.

Меньшевицкое Союзное бюро ЦК РСДРП(м) также было плодом чекистской провокации и судебной мифологии. Подбор фигурантов — член президиума Госплана СССР В.Г. Громан, ответственный работник Наркомторга СССР М.П. Якубович, профессор И.И. Рубин, экономист А.М. Гинзбург и др. — позволяет предположить скрытые антисемитские основания у организаторов процесса. Руководителем бюро определили Н.Н. Суханова, в прошлом одного из ключевых руководителей меньшевиков, на квартире которого в октябре 1917 г. состоялось историческое собрание ленинской гвардии, решившее судьбу революции и страны. Сталин убирал теперь не только

Факсимиле И.В. Сталина

Памятный знак на здании бывшей тюрьмы № 1 УНКВД в Кирове

ключевых участников Октября (к которым он в реальности имел довольно опосредованное отношение — в дни революции в Смольном он так и не появился), но и главных свидетелей.

Проходивший по делу «Союзного бюро» М.П. Якубович с ужасом вспоминал закулисную технологию целевой обработки подсудимых: «Некоторые... поддавались на обещание будущих благ. Других, пытавшихся сопротивляться, “вразумляли” физическими методами воздействия (били по лицу и голове, лежавших на полу душили за горло...), держали без сна на “конвейере”, сажали в карцер... и т.д. Для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия — с соответствующей демонстрацией. Для других оно применялось в разной степени — строго индивидуально — в зависимости от сопротивления каждого» [19].

И еще одно важнейшее приобретение «незабываемого 30-го»: было организовано управление лагерями ОГПУ, годом позже ставшее Главным (ГУЛАГ).

За Родину! Против Сталина

Нельзя сказать, что никакой альтернативы Сталину не было. Но большинство тайных и явных выступлений против вождя не выходили за определенные рамки. В каждом случае речь шла не столько о демонтаже авторитарной командно-бюрократической системы, сколько о конкретной властной

конфигурации на вершине ее пирамиды. С.М. Киров, например, которого иногда считают умеренной альтернативой Сталину, накануне введения закона о «трех колосках» выступил с большой речью, где признавал, что «наша карательная политика очень либеральна» [9] и призвал к увеличению числа расстрелов.

Конечно, среди партийных диссидентов были и идеалисты, реально верящие в коммунистические призывы, которым не оставалось места в цинично-прагматичной эпохе, все более ставящей во главе всего интересы собственного выживания и благополучие семьи и близких. Определенный скепсис в адрес нового вождя испытывала и узкая прослойка старых большевиков, и часть партийной молодежи.

В 1929 г. на проходившей в Москве Сокольнической партийной конференции В.В. Куйбышев получил от делегатов-рабочих ряд записок, имевших непосредственное отношение к личности И.В. Сталина. В одной из них содержались прямые вопросы: «Не представляет ли угрозу единству партии диктатура тов. Сталина и его полное единоличное хозяйничанье в партии? Не пора ли поставить вопрос о новом генеральном секретаре? Сидеть так долго на таком посту опасно и вредно» [21].

Интересные отклики были получены газетой «Правда» и на статью Сталина «Головокружение от успехов» (естественно, они не публиковались). Рабочий из Днепропетровска писал: «...Виноват ли тот, кто не сумел не послушать создавшегося шума и крика вокруг вопроса коллективизации сельского хозяйства? ...Т. Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок... Теперь товарищ Сталин сворачивает всю вину на места, а себя и верхушку защищает» [3]. А некто Р.Н. Чумаченко из Одесской области позволил себе далеко идущее обобщение: «Я не знаю, как партия может терпеть такого типа, который не зная постановления дела на селе, своими выступлениями заставляет делать два шага назад и один вперед... Пусть живет коммунистическая партия, но без сталинских уставов» [3].

В 1932 г. критические выступления партийных и государственных работников Москвы М.Н. Рютина, П.А. Галкина, М.С. Иванова, В.Н. Каюрова, а также талантливых общественно-

Официальный портрет
И.В. Сталина

дов бухаринской школы А.Н. Слепкова, Д.П. Марецкого, Я.Э. Стэна были квалифицированы как деятельность «антипартийной группы», которая называлась «Союз марксистов-ленинцев». «Союз» подпольно распространял листовку-обращение «Ко всем членам ВКП(б)!\», пронизанную антисталинским пафосом. Вот выдержка из этого обращения: «Партия и пролетарская революция Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана и клеветы и одурачивания партийных лиц... Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры

партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру... Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучше, чем руководство Сталина и его клики...» [8].

Существует предположение, что рютинцы находились под плотным «колпаком» НКВД и в «Союзе» было несколько агентов этой организации. Членов группы Рютина арестовали только тогда, когда экземпляры их листовки попали к Л.Б. Каменеву и Г.Е. Зиновьеву, которых на данном основании вновь исключили из партии. Коллегия ОГПУ приговорила М.И. Рютина к 10-летнему заключению, в 1937 г. по личному распоряжению И.В. Сталина расстреляли его самого и уничтожили всю его семью.

Смертной казни для Рютина Сталин требовал еще в 1932 г., но — редкий случай — большинством голосов предложение генсека не получило поддержки. Существует предание (нигде не подкрепленное документально), что Ленин взял со своих соратников клятву никогда не прибегать к смертной казни как способу решения внутривнутрипартийных конфликтов, чтобы

не повторить трагического якобинского опыта Французской революции с ее вакханалией гильотинирования. Подтверждением (да и то косвенным) может служить только один факт: официальная сталинская пропаганда в 30-е гг. начинает активно внедрять миф о совсем другой клятве Сталина над гробом Ленина, и акцент ставится именно на продолжении борьбы с внешними и внутренними врагами рабоче-крестьянской республики. В 1932 г. предложения Сталина еще ставились на голосование, в 1937-м — слово товарища Сталина уже было законом. Со смертью Г.К. Орджоникидзе из Политбюро ушел последний коммунистический деятель, который мог публично вступать со Сталиным в дискуссии.

В 1933 г. за обсуждение вопроса о необходимости выполнить завещание В.И. Ленина и сместить И.В. Сталина с поста генсека партийных билетов лишились Н.Б. Эйсмонт, М.Г. Толмачев, из состава ЦК оказался выведенным А.П. Смирнов (в дальнейшем все эти люди были также уничтожены). Однако архивные документы показывают, что «подпольной фракционной группы» как таковой не существовало: «состав преступления» ограничивался разговорами о желательности кадровых перемен в высшем руководстве.

Вину за самоубийство в 1932 г. молодой жены Н. Аллилуевой Сталин, возможно, также был склонен возлагать на своих внутрипартийных оппонентов, что в числе прочего определило все возрастающий градус жесткости расправ над «предателями» и «двурушниками».

В первой серии кинокартины С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», на которую режиссер фактически получил заказ от самого вождя, после смерти любимой первой жены Анастасии, убитой «внутрибоярской оппозицией», царь Иван остается преданный всеми, включая «двурушника» Курбского. Именно тогда Иван и дает свою клятву: «Смерти хотите моей? Грозным буду! Карать буду!» Первая серия фильма с внутренним оправданием террора получила Сталинскую госпремию. Вторая серия, содержащая сцены вакханалии опричного террора, была отправлена на полку.

Чтобы не множить ряды внутрипартийных «двурушников», в конце 1932 г. было принято решение временно приостановить прием в партию. Кстати, если учесть физический

С.М. Киров

дефект вождя (у него была функциональной лишь одна рука), то под формальное определение «двурушника» мог подойти любой. Так оно и вышло.

На XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1934 г., при выборах ЦК против кандидатуры Сталина проголосовали 292 делегата. Еще до объявления результатов голосования группа партийных работников, в которой активную роль играл секретарь обкома партии Центральночерноземной области

И.М. Варейкис, просила С.М. Кирова дать согласие баллотироваться на пост Генерального секретаря ЦК. Однако Киров, получивший наименьшее число «против» — всего четыре, отклонил это предложение и поставил о нем в известность И.В. Сталина. К тому времени подсчет голосов завершился. Председатель счетной комиссии В.П. Затонский и отвечавший за ее работу Л.М. Каганович доложили результаты Сталину. Как было документально установлено в 1950-е гг. Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС, вождь дал указание фальсифицировать результаты голосования. В результате съезду было доложено, что против кандидатуры товарища Сталина подано три голоса, т. е. на один меньше, чем у Кирова. Деталь мелкая, но очень важная.

Встревоженный оппозиционными настроениями большинства партийцев, И.В. Сталин предпринял тонкий ход. С 1934 г. в Секретариате ЦК была упразднена должность Генерального секретаря, а численность самого Секретариата сократилась. Устраненными оказались и должности кандидатов в члены Секретариата, существовавшие с 1926 г. Формально все секретари стали равноправными. Так Сталин «выполнил» завещание В.И. Ленина.

Но Сталин своего генерального *modus operandi* (образа действия) с резкими наступлениями-нападениями и отскоками назад для нового повторения не менял ни при проведении коллективизации, ни при проведении кадровых чисток. Накануне XVII съезда произошло очередное «просветление» для разоружившихся оппозиционеров: Зиновьева и Камене-

ва в очередной и последний раз приняли в партию. Бухарина назначили главным редактором второй по значимости газеты страны — «Известий». Больше всего славословий с трибуны съезда Сталин получил именно от бывших «правых» и «левых» уклонистов. Если внимательно присмотреться к рисунку взаимоотношений Сталина и побежденных им оппозиционеров, то вспомнится игра хищника с уже придавленными жертвами. Согласно партийной легенде, когда в конце ноября 1934 г. Киров был в Москве, Сталин устроил в честь своего соратника дружеский ужин на ближней даче, сам проводил на вокзал и обнял на прощание...

Большой террор: начало

1 декабря 1934 г. молодой коммунист Леонид Николаев застрелил видного партийного деятеля, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК и Ленинградского горкома партии С.М. Кирова. Как считалось, убийство произошло на почве ревности, однако существуют достаточно серьезные основания и для предположений о политическом заговоре. Одним из самых известных сторонников версии о личной причастности Сталина к устранению Кирова был Н.С. Хрущев. Вероятность обнаружения ее документальных подтверждений равна нулю, а все участники и свидетели уничтожены.

Политические предания сохранили некоторые реплики убийцы — Л. Николаева. Очевидцы якобы слышали, что после выстрелов он кричал как безумный: «Я не виноват! Я по приказу!» [11]. А другие очевидцы передают реплику Л. Николаева, которую он словно в беспамятстве обронил, услышав смертный приговор себе и еще 13 «подельникам» по «подпольной зиновьевской оппозиции»: «Обманули!» [11]. Кто бы ни стоял за убийством С.М. Кирова, но ситуацию использовал И.В. Сталин.

И.В. Сталин и С.М. Киров

Гибель С.М. Кирова от руки товарища по партии привела к уже-

сточению порядка производства дел о «террористических организациях». Срок расследования дел сокращался до 10 дней, надзор прокуратуры за соблюдением законов отменялся. Приговор не подлежал обжалованию и не предусматривал подачи прошения о помиловании, обвинительное заключение вручалось подсудимому лишь за сутки до слушания дела. Вынесенный судом приговор приводился в исполнение немедленно. Вчерашние «уклонисты» практически мгновенно расшифровали возможные для себя последствия гибели Кирова. И.Г.Эренбург в своих мемуарах передает реплику Н.И. Бухарина, произнесенную с внутренним ужасом: «Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь *он* может сделать с нами все, что захочет!» [22].

5 декабря 1934 г. на основании новых законов были осуждены 71 «белогвардеец» (еще одна мифическая «террористическая организация» от НКВД), 66 из них были расстреляны. Вскоре в Киеве расстреляли еще 28 подобных «белогвардейцев». К убийству Кирова никто из них не мог иметь никакого отношения. По общепринятым юридическим нормам закон не может быть применим к преступлениям, совершенным до его принятия. Но не было таких (в том числе и юридических) крепостей, которые не могли бы взять большевики. До наших

Памятный знак жертвам политических репрессий

дней дошло достаточно показательное предание. Видный работник НКВД, один из главных организаторов Большого террора Я.С. Агранов жалуется Сталину: «Боюсь, что мы не сможем обвинить Александра Смирнова в том, что он входил в троцкистско-зиновьевский центр, ведь он уже несколько лет сидит». Сталин отвечает: «А вы не бойтесь. Не бойтесь — только и всего» [11]. А бояться было нужно. Почти все исполнители Большого террора сами были уничтожены.

В январе 1935 г. начинает работу Особое совещание (ОСО) НКВД, которое с этого времени перестает

ограничиваться пятилетними приговорами. ОСО обладало правом заключать в тюрьму лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, используя для доказательства вины подозреваемого донесения тайных осведомителей, показания провокаторов, лже-свидетелей. К осени 1937 г. полномочия Особого совещания были расширены: теперь оно могло выносить смертные приговоры. Внесудебные репрессии были возведены в ранг юридических норм.

В 1935 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», по которому для ареста руководителей предприятий требовалось разрешение соответствующего народного комиссара, а для ареста члена партии — санкция секретаря райкома. 14 октября 1937 г. аналогичные нормы распространились и на производство дел, связанных с вредительством и диверсиями.

Зимой 1935 г. ОСО фабрикует дело ленинградских и московских оппозиционных центров и добивается осуждения на разные сроки заключения и ссылку нескольких сот бывших оппозиционеров, близких к Г.Е. Зиновьеву и Л.Б. Каменеву. Весной 1935 г. ОСО сфабриковало дело «московской контрреволюционной организации» фактически на основании протоколов X съезда и донесений провокаторов, что дало возможность добить бывших членов «рабочей оппозиции» во главе с А.Г. Шляпниковым.

9 июля того же года принимается закон, по которому побег советского гражданина за границу карается смертной казнью. За недоносительство об этом «тягчайшем преступлении» полагалось тюремное заключение.

Хотя Л.Д. Троцкого советское руководство само официально выслало из страны, смертная казнь не обошла стороной лидера альтернативного Интернационала: 10 августа 1940 г. агент советской разведки Рамон Меркадер ударом ледоруба прервал жизнь самого последовательного и яркого оппонента И.В. Сталина, за что впоследствии и получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

В мае 1935 г. распустили Общество старых большевиков: теперь история партии должна была начинаться с чистого листа — с И.В. Сталина.

Еще ранее разгрому подверглась «школа Деборина» за нежелание признавать товарища Сталина высшим философским авторитетом и самым выдающимся теоретиком современного марксизма, а также официальная партийная история в лице директора Института Маркса и Энгельса Д.Б. Резакова, которого сначала (в 1931 г.) изгнали из института, а в 1937 г. арестовали и расстреляли. Новые стандарты историко-партийной «науки» стали утверждаться с выходом в свет книги «К вопросу об истории большевистских партий Закавказья», подписанной первым секретарем ЦК КП Грузии Л.Б. Берия (настоящего автора расстреляли под вымышленным предлогом). Именно товарищу Берии вождь доверил довести до логического конца смертоносный конвейер Большого террора, начатый наркомаами Г.Ягодой и Н.Ежовым. Они были простыми исполнителями; всю полноту ответственности за кровавую мясорубку Большого террора несут И.В. Сталин и его ближайшее окружение, включая будущего ниспровергателя сталинизма — Н.С. Хрущева.

Палачи и жертвы

В 1930-е гг. аппарат НКВД значительно увеличился. Кадры чекистов вербовались напрямую с заводов и предприятий. Люди «от станка», призванные разоблачать «классовых врагов» — лиц из иной социальной среды, чувствовали свою безграничную власть. Их оклады превышали даже зарплаты партийных работников, чекистов обслуживала специальная сеть магазинов, в которых продавалось конфискованное имущество репрессированных. Секретная директива Политбюро, разосланная в июле 1937 г., разрешала внутренним органам применять при допросах физические методы воздействия.

Всемогущество НКВД накладывалось на получившую широчайшее распространение практику доносов и клеветнических по сути и верноподданических по духу обвинений и донесений. Доносы бесстрашные остряки того времени называли «формой энкаведешного самообслуживания населения» [11]. Рядовых коммунистов могли исключить из партии за мнимые или реальные преступления их родственников либо друзей, за опрометчивый ответ на политзанятиях. Нередко коммунисты

лишались партбилета на основании лишь одной анонимки. В 1937 г. было широко распространено добровольное доноительство, вызванное искренней убежденностью в необходимости такой меры. Люди, доносившие на коллег или знакомых по служебной обязанности, из страха или в корыстных целях, были продуктом своего времени, поскольку вся страна жила в атмосфере поиска внутренних врагов.

Во время Большого террора удар наносился по тем активистам, которые сами во многом сделали возможным и неизбежным появление террора. Практически все рабочие и инженеры, стажировавшиеся на зарубежных заводах, были арестованы. В деревне жертвами репрессий стали коммунисты (председатели колхозов, руководители партийных и советских организаций) и колхозная интеллигенция (агрономы, ветеринары). Их обвиняли в падеже скота, запоздалой уборке урожая, отсутствии кормов, низкой оплате труда в колхозах.

В конце января 1938 г. Политбюро расширило список бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов, подлежащих репрессиям. Большой террор продолжался в течение года. Репрессировали свыше 400 тыс. человек. Кроме того, во время массовой ротации кадров органы внутренних дел провели на территории СССР масштабную этническую чистку.

31 января 1938 г. Политбюро приняло постановление, разрешавшее наркомату внутренних дел провести операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, итальянцев, иранцев, китайцев, румын, болгар, македонцев независимо от того, являются ли они гражданами СССР или относятся к иностранцам. До 15 апреля был санкционирован внесудебный порядок рассмотрения таких дел. Представители вышеперечисленных национальностей, состоявшие в ВКП(б), объявлялись шпионами и диверсантами.

Летом 1937 г. провели операцию по ликвидации немецких контин-

Памятник итальянцам, умершим в Карлаге

гентов, работавших на оборонных предприятиях, а осенью уничтожили «японскую агентуру» среди лиц, репатриированных из Харбина после передачи КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) Японии.

В 1937–1938 г. на территории Украины и Белоруссии закрыли польские образовательные и культурные учреждения — 670 школ, два вуза, три театра, а также 1 центральную, 6 республиканских и 16 районных газет, выходивших на польском языке. С января по июль 1938 г. обвинили в шпионаже и расстреляли 3,5 тыс. латышей — в основном профессоров, литераторов, дипломатов, офицеров. Свыше половины из них состояли в ВКП(б).

В Ленинграде репрессировали несколько тысяч финнов, закрыли финские школы, техникумы, церкви, газеты. В 1935 г. провели первую сталинскую депортацию целого народа. Вся корейская община (200 тыс. человек), занимавшая на Дальнем Востоке территорию целого района с 55 сельсоветами, была отправлена в степи Казахстана и Узбекистана на спецпоселения.

Новый этап хождения по мукам начался для Русской православной церкви. После «безбожной пятилетки» первой половины 30-х гг. с ее массовыми разрушениями храмов (из 25 тыс. церквей в 1930 г. к 1939 г. осталось около 1300) удар

Казанский собор в Иркутске, взорванный в 1932 г.

теперь наносился по священникам и наиболее активным прихожанам: их систематически третировали, лишали продовольственных карточек и работы, ссылали, отправляли в ГУЛАГ. Церковь находилась на грани полного уничтожения или ухода в подполье.

В Ленинградской области в 1935 г. было около 1500 священников, через год их уже осталось только 32, причем 15 из них придерживались обновленчества. Назначенного в 1925 г. местоблюстителем патриаршего престола и тогда же арестованного митрополита Петра расстреляли в 1937 г. 50 епископов было арестовано. К 1939 г. на свободе оставалось лишь четыре православных архиерея: два митрополита и два архиепископа. Между тем, по данным переписи населения 1937 г., 56 млн советских граждан (57 % населения) в возрасте от 16 лет и старше считали себя верующими. Как ни странно это звучит, но РПЦ спасла большая беда — Великая Отечественная война.

Репрессии коснулись непосредственно всех классовых слоев и социальных групп. За время Большого террора под арест попали 34 члена Академии наук СССР, 27 из 29 астрономов Пулковской обсерватории, ряд лингвистов, критиковавших теорию Н.Я. Марра, биологов, выступавших против Т.Д. Лысенко, значительное количество «уклонистов» в области экономики, истории, литературы.

11 июня 1937 г. за предательство и шпионаж были приговорены к смертной казни маршал М.Н. Тухачевский (заместитель наркома обороны), И.Э. Якир (командующий войсками Киевского военного округа), И.П. Уборевич (командующий Белорусским военным округом), а также еще пять военачальников: Р.П. Эйдеман, А.И. Корк, В.К. Путна и В.М. Примаков.

В течение следующих 10 дней было арестовано около 1000 человек, в том числе 21 командующий корпусами, 37 командиров дивизий. С 1937 по 1938 г. подверглись репрессиям три маршала из пяти, 13 командармов из 15, 8 флагманов Военно-Морского Флота из 9, 50 комкоров из 57, 154 комдива из 186. 35 тыс. офицеров были уволены из армии.

Некоторые из военачальников предпочитали сами свести счеты с жизнью, не дожидаясь неминуемого суда. В июне 1937 г. застрелился начальник Политуправления Красной

Армии Я.Б. Гамарник. Он знал, что уже арестованы и сидят в пыточных камерах маршал М.Н. Тухачевский и другие советские командиры. Не сомневался Гамарник и в том, что его имя уже фигурирует в следственных протоколах.

Существуют различные точки зрения на так называемое «дело Тухачевского». Первая версия: чистка армии — плод тщательно продуманной провокации гитлеровского абвера против потенциально соперника. Используя президента Чехословакии Э. Бенеша (кстати, тестя известного американского политолога З. Бжезинского), Сталину подсунили умело сострепанную дезинформацию о готовящемся против него заговоре военных. Вторая версия: во всем виновата параноидальная подозрительность советского вождя. Третья версия: заговор действительно существовал. Однако русская история от декабристов до конца XX в. показывает, что у русских путчистов практически нет шансов на захват власти. Так или иначе, «дело Тухачевского» коснулось всей армии и сказалось на обороноспособности страны.

Главным результатом чистки офицерского корпуса стало установление полного контроля над армией. В Европе происходящее в СССР рассматривали как проявление чувства самосохранения у сталинского руководства, не доверявшего командному составу Красной Армии. Вследствие репрессий в среде военных формировался корпус исполнителей сталинской воли. Сталин осуществил подбор людей, преданных ему лично и считавших его непререкаемым авторитетом. Армейское руководство, по мнению вождя, должно было состоять из людей, безоговорочно выполняющих указания сверху. После так называемого «заговора генералов» и покушения на себя в июле 1944 г. А. Гитлер завидовал Сталину и жалел, что не последовал примеру советского вождя и не вычистил вовремя германский генералитет.

Вторая волна репрессий связана с именем Николая Ежова, занимавшего пост народного комиссара внутренних дел с сентября 1936 г. по август 1938 г. На этот раз основной удар был нанесен по партийной, государственной и военной верхушке Страны Советов.

Заняв в сентябре 1936 г. пост наркома внутренних дел, Н.И. Ежов заявил о необходимости избавления от «врагов на-

рода» внутри самого НКВД. Репрессии обрушились на чекистов со стажем, сотрудников Ф.Э. Дзержинского. Кроме того, чистка коснулась и выдвиженцев Г.Г. Ягоды. Практически все начальники отделов наркомата внутренних дел и их заместители были арестованы. Помощников Ежова в свою очередь постигла та же участь в конце 1938 — начале 1939 г. С 1934 по 1939 г. по обвинению в контрреволюционных преступлениях репрессиям подверглись свыше 20 000 чекистов. Однако следует заметить, что в 1937–1938 гг. численность заключенных в лагерях увеличилась на полмиллиона человек и из них 250 тыс. человек составляли политзаключенные.

Кульминация Большого террора пришлась на рубеж 1937–1938 гг., затем руководство страны предприняло ряд мер, снизивших накал борьбы с «врагами народа». 17 ноября 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Массовые необоснованные аресты, упрощенное ведение судопроизводства, нарушения процессуальных норм подлежали разоблачению и осуждению. Вина возлагалась на «шпионов» и «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД. Судебные «тройки» ликвидировались, массовые операции по арестам запрещались. Многие дела возвращались на доследование, увеличилось число оправдательных приговоров. В 1939 г. 837 тыс. человек были реабилитированы. В печати стали появляться сообщения о привлечении к уголовной ответственности клеветников, прошли многочисленные процессы по делам следователей-фальсификаторов. Создавались специальные комиссии для работы с апелляциями осужденных граждан.

В августе 1938 г. первым заместителем наркома внутренних дел назначили Л.П. Берия. 19 ноября 1938 г. Н.И. Ежова освободили от обязанностей наркома внутренних дел по состоянию здоровья. Его пост перешел к Л.П. Берии, который санкционировал аресты большинства руководителей аппарата НКВД в центре и на местах.

10 июня 1939 г. Н.И. Ежова арестовали. Ему вменялись в вину изменничес-

Н.И. Ежов

кие шпионские связи с кругами Польши, Германии, Англии и Японии, насаждение антисоветских кадров и руководство заговором внутри НКВД, подготовка государственного переворота и террористических актов против И.В. Сталина, В.М. Молотова и Л.П. Берии. Страшные годы Большого террора получили в народе название «ежовщина».

Результатом Большого террора стало превращение страха в фактор управления советским государством и обществом. В условиях беспрекословного повиновения указаниям сверху руководство страны могло не считаться с интересами различных слоев населения.

В представлении большевиков строительство социализма было связано с очищением общества от «социально чуждых» слоев населения. Руководство страны стремилось уничтожить потенциальную опасность контрреволюции и не видело для этого иных путей, кроме террора.

ГУЛАГ на службе «великих строек»

17 января 1930 г. в «Правде» появилась статья наркома юстиции Н.В. Крыленко, в которой говорилось: «На основании

резолюции СНК РСФСР 29 мая 1929 г. сейчас не практикуется уже лишение свободы на сроки меньше года. Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ. Проведен ряд мероприятий по использованию труда лиц, осужденных на срок выше 3 лет, на общественно-необходимых работах в специальных лагерях в отдаленных местностях» [23].

Одним из упомянутых мероприятий стало создание по инициативе И.В. Сталина Беломорстроя. Строительство Беломорско-Балтийского канала

Памятник погибшим при строительстве Беломорканала (1931–1933)

поручили чекистам во главе с Г.Г. Ягодой. В сооружении канала было занято свыше 120 тыс. заключенных. Значительное количество работ приходилось делать вручную вследствие очень слабой механизации труда. Строительство канала обошлось в 4 раза дешевле по сравнению с первоначальными расчетами. (Таким же путем создавался и канал Москва — Волга, в строительстве которого принимало участие 196 тыс. узников лагерей).

Памятник погибшим при строительстве канала Москва — Волга (1932–1937)

На 1 мая 1930 г. в ведении НКВД РСФСР числилось 279 исправительно-трудовых учреждений (ИТУ), в которых находилось 171 251 заключенных, а в лагерях ОГПУ насчитывалось около 100 тыс. заключенных. Кроме того, по состоянию на январь 1932 г. в спецпоселках находилось 1,4 млн выселенных кулаков и членов их семей, а в 1935 г. сектор принудительного труда насчитывал приблизительно 2 млн 85 тыс. человек.

К весне 1935 г. была образована 1271 неуставная сельскохозяйственная артель из 445 тыс. спецпереселенцев (высланных «кулаков» и членов их семей). От обычного колхоза такая артель отличались тем, что правление в ней возглавлял не председатель, а комендант. 640 тыс. спецпереселенцев трудились в промышленности. За 1930–1937 гг. спецпереселенцы раскорчевали 183 416 га лесных угодий, расчистили от кустарника и мелкого леса 58 000 га. В Нарыме и Карельской АССР осушили 2988 га болотистых почв, а в районах Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии оросили 12 857 га засушливых земель. Было также поднято и освоено 243 161 га целинных земель.

Благодаря труду спецпереселенцев появились грунтовые дороги в районах, считавшихся ранее непроходимыми. К 1 января 1938 г. их общая протяженность составила 7294 км. В сентябре 1938 г. неуставные образования перевели на общий устав сельскохозяйственной артели.

Заключенные трудились в угольных шахтах и на нефтяных промыслах Крайнего Севера, на химических предпри-

Лагеря ГУЛАГа, существовавшие до 1940 г.

ятях Соликамска, в сельскохозяйственных лагерях в районе Караганды. 140 тыс. зеков работали на Колыме, где велась добыча золота. Город Магадан, построенный заключенными, считался входными воротами для ссыльных в комплекс северо-восточных лагерей. Узники Норильского лагеря, расположенного за Полярным кругом, были заняты на строительстве никелевого комбината. Численность заключенных в лагерях неуклонно увеличивалась.

Ротация (сменяемость) рабочей силы происходила значительными темпами: ежегодно освобождались от 20 % до 35 % заключенных, поскольку многие осужденные (57% от общего числа) приговаривались к срокам менее 5 лет. Контингент осужденных за контрреволюционную деятельность по 58-й статье составлял от 1/4 до 1/3 всего состава. Кроме уголовников в лагеря попадали и граждане, приговоренные к соответствующим срокам за расхищение социалистической собственности, нарушение паспортного режима, спекуляцию, саботаж, а также колхозники, не выработавшие минимума трудодней. Общая цифра поступивших в лагеря с 1934 по 1941 г. (включая освободившихся после отбытия срока) составляет около 6 млн человек.

В 1939–1940 гг. в лагеря хлынул поток «бывших» из Западной Украины и Молдавии, из Польши и Прибалтики. Лагеря

обеспечивали от 40 до 76 % добываемых в стране никеля, олова, хрома, кобальта, 60 % золота, свыше 25 % леса, причем зеки валили лес не только без бензопил, но и без необходимых трепевочных тракторов. Лесоповал в лагерях называли «сухим расстрелом».

На 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК), 50 колоний несовершеннолетних — и насчитывал всего 1 668 200 заключенных. На 1 января 1941 г. в трудовой армии ГУЛАГа числилось около 1 млн 930 тыс. человек, а в местах поселений — 930 221 человек (здесь люди работали в условиях, мало отличавшихся от тех, что действовали по всей стране).

Опыт мировой истории свидетельствует, что рабский труд в длительной перспективе экономически неэффективен. Сталинский ГУЛАГ (если даже не замечать этико-моральную и политико-правовую составляющую его оценки) — еще одно тому подтверждение. Бесплатный рабский труд зека оказывался вовсе не так уж дешев: арестантов надо было охранять, конвоиров требовалось все больше с ростом числа заключенных (к концу 30-х гг. «самоохрана», применявшаяся при строительстве Беломорканала, стала практически невозможной), арестованных, пусть скудно («штрафной паек» — 300 г хлеба в день), но надо было кормить. Экономия на питании оборачивалась снижением производительности труда. В результате себестоимость лагерного производства оказывалась чаще всего сверхплановой. Так, например, 1 м³ грунта при строительстве северной трассы Чибью—Крутая обходился в 6 руб. при заложенной в плановый проект стоимости 1 руб. 6 копек. Отсюда — вынужденные приписки, лагерная «туфта», в которой в итоге оказывались заинтересованы все: от наркоматов до лагерного начальства, от конвоиров до заключенных.

Лагерный агитплакат

Заклученный Карлага

Советский писатель и публицист Л.Э.Разгон, сам прошедший сквозь лагерь, сделал следующий вывод: «Уверен, что то всеобщее разложение, обман, приписки, коррупция, взяточничество, которые стали характерны для периода со страшным названием “застой”, вышли из “архипелага ГУЛАГ”. ...Сращивание прямых уголовников и убийц со всякими начальниками — от милиции до партийного руководства — все это порождено лагерями, через которые прошли миллионы людей» [24].

Конституция 1936 г.: слово и дело

Итоги государственного строительства в СССР требовали законодательного оформления. Летом 1936 г. проект Конституции СССР был опубликован для широкого обсуждения. В адрес комиссии поступило свыше 150 тыс. поправок и предложений. Комиссию по разработке новой Конституции СССР возглавил сам И.В. Сталин. В ее состав вошли известные теоретики партии, включая и двух бывших оппозиционеров — Бухарина и Радека. Раздел о правах советских граждан готовил Н.И. Бухарин. В этой части Конституции советское общество предстало таким, каким оно мыслилось в идеале, без наслоений и деформаций сталинского режима.

Осенью 1936 г. проект рассматривался на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР. Редакционная комиссия внесла 47 дополнений к статьям Конституции. 5 декабря 1936 г. Конституция СССР была утверждена постатейным голосованием.

Конституция стала шагом вперед в разработке форм советской демократии. Она отменила ограничения прав граждан по классовому признаку. Существенно обновилась избирательная система: выборы стали всеобщими, прямыми, при тайном голосовании. Значительно расширился и был четко сформулирован перечень прав и свобод граждан. Осо-

бое значение имело закрепление социально-экономических прав. По своему содержанию Конституция 1936 г. противоречила практике установившегося в стране режима и фактически объявляла его противозаконным. В Конституции провозглашалась неприкосновенность личности, тайна переписки, невозможность наказания без суда. А в жизни продолжались массовые аресты, произвол, внесудебные репрессии. В Конституции говорилось о равноправии классов. А колхозники не имели паспортов и свободы передвижения. В этом смысле принятая в декабре 1936 г. «сталинская» Конституция СССР в действительности была антисталинской.

Номинально СССР оставался федеративным государством, в Конституции декларировалась добровольность объединения равноправных союзных республик. Каждая республика обладала собственной Конституцией и правом свободного выхода из СССР. Но в принятом впоследствии тексте государственного гимна СССР была строчка: «Сплотила **навек** великая Русь», которая фактически вступала в противоречие с этой статьей Конституции. Число входящих в состав СССР республик теперь увеличивалось с семи до одиннадцати: вместо Закавказской республики были созданы три новые союзные — Азербайджанская, Армянская и Грузинская, а Казахстан и Киргизия из автономных превратились в союзные.

Основа политической системы — Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов преобразовали в Советы депутатов трудящихся, имевшие статус местных органов государственной власти и избиравшиеся на два года. Советы, в свою очередь, избирали исполкомы — органы исполнительной власти.

Впервые для выборов был утвержден принцип «один человек — один голос». Все ограничения избирательного права отменялись, между сельским и городским населением устанавливались равные пропорции представительства в Со-

Советский предвыборный агитплакат

ветах. Вместо многоступенчатых вводились прямые выборы во все звенья системы Советов. Открытое голосование заменялось тайным.

12 декабря 1937 г. прошли выборы Верховного Совета СССР. Явка избирателей составила 97 %, из них 99 % проголосовали за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Это были выборы плебисцитарного типа: выбор из нескольких кандидатур не предусматривался. Из 1143 депутатов Верховного Совета 42 % представляли рабочий класс, 30 % — крестьян, 28% — служащих и интеллигенцию, а также свыше 50 различных народностей СССР. Пресловутые 99 % с тех пор стали атрибутом всех политических режимов авторитарного типа: в последний раз в мировой истории 99 % получил во время своих последних выборов президент Азербайджана Г.А. Алиев, сформировавшийся как политический лидер в условиях советской системы.

Верховный Совет являлся представительным органом соборного типа. В основу государственной идеологии был положен не принцип разжигания классовой борьбы, а социальное примирение. В Конституции провозглашалось нерушимое единство рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции, наций и народностей СССР. Возникшее в 30-е гг. «морально-

политическое всеединство советского общества» на Западе воспринималось как «тоталитаризм».

В системе органов государственной власти утвердился принцип верховенства представительных органов (Советов всех уровней), которые формировали органы управления. Верховный Совет СССР (вместо прежнего Всесоюзного съезда Советов) состоял из Совета Союза и Совета Национальностей (нацией считался народ численностью более 1 млн человек) и осуществлял законодательную власть. Законы принимались простым большинством голосов обеих палат. В Совет Союза избирался один де-

За Советы голосует
Генеральный прокурор
СССР А.Я. Вышинский

Лидеры советского государства на I сессии Верховного Совета СССР первого созыва (январь 1938 г.)

путат от 300 тыс. человек, в Совете Национальностей действовала другая норма представительства: от союзной республики — 25 депутатов, от автономной республики — 11, от автономной области — 5, от национального округа — 1. В течение года Верховный Совет проводил две рабочих сессии.

В период между сессиями ВС СССР высшим органом власти являлся Президиум Верховного Совета (заменивший действовавший прежде двухпалатный ЦИК). Верховный Совет СССР утверждал состав Правительства — Совета Народных Комиссаров (СНК). Председателем Президиума ВС СССР стал Председатель ВЦИК М.И. Калинин.

Утвержденная Конституция расширяла общедемократические права граждан (теперь они распространялись на всех жителей Советского Союза, а не только на трудящихся). К классическому набору прав и свобод (свобода слова, совести, собраний, союзов) добавились право на труд, на отдых, на пенсионное обеспечение (по достижении преклонного возраста и в случае инвалидности), право на образование. В 1939 г. был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», по которому защита СССР стала долгом всех мужчин без различия национальности, вероисповедания, образования, социального происхождения.

В новой Конституции СССР ВКП(б) объявлялась руководящим ядром всех организаций трудящихся — как общественных, так и государственных. Ей безраздельно принадле-

жала монополия в политической сфере. Она обладала правом распускать все избранные органы государственного управления и управляла всеми потоками информации.

Французский социолог Э. Морен писал, что партия большевиков была централизованной и дисциплинированной организацией квазиеврейского типа (т. е. с жесткой иерархией, предполагающей абсолютное повиновение низших инстанций высшим). Неся в народ Истину и Мораль, она пребывала в уверенности, что осуществляет Великую историческую миссию. В партии сочетались воинское (ориентированное на борьбу) и религиозное (основанное на вере в «светлое будущее») начала.

ВКП(б) была призвана возглавить борьбу классов (по сути, войну против собственного народа), которая в ее интерпретации приобрела форму борьбы за Истину, в защиту прав всего общества, человечества. Руководители партии представляли в роли единственных приверженцев истинного знания об окружающем мире и принципах развития общества. Они выглядели практиками, претворяющими в жизнь законы истории и способствующими окончательному уничтожению эксплуатации человека человеком. Иными словами, партия большевиков выступала защитницей Правды и воплощением Разума.

Политику партии определял даже не ЦК, а «верхушка» — группа членов Политбюро. На пленумах Центрального Комитета утверждались решения, подготовленные аппаратом и одобренные Политбюро. Съезды партии приобрели парадный и декларативный характер. Выступления делегатов заключались в восхвалении «генеральной линии». Отчетные доклады высших партийных и государственных чиновников звучали в том же ключе.

В 1930-е гг. Политбюро взяло на себя роль верховного законодателя страны. На каждом заседании Политбюро решались десятки вопросов (главным образом в опросном порядке: вождь спрашивал — ему отвечали). Члены Политбюро не всегда могли вникнуть в суть проблем, выносившихся на повестку дня, а потому подготовкой программы заседаний занимался штатный аппарат ЦК (Оргбюро и Секретариат). Он решал и некоторые вопросы оперативного управления.

Особыми функциями обладал Орготдел, осуществлявший кадровую политику государства и составлявший аналитические доклады по партийным, социальным, народнохозяйственным вопросам для высшего руководства ВКП(б). На местах функционировала сеть партийных комитетов, непосредственно подчинявшихся Кремлю.

Политбюро сосредоточило в своих руках высшую законодательную и исполнительную власть и с помощью государственных (Верховный Совет СССР, Совет народных комиссаров, Генштаб, Госплан), общественных (комсомол и профсоюзы) и партийных организаций осуществляло общий контроль над развитием партии и государства. Политическое влияние отдельных членов Политбюро определялось тем, насколько большое значение для страны имели возглавляемые ими ведомства.

Мощной опоркой политического режима был НКВД. Именно чекисты вместо профсоюзов стали и «школой коммунизма», и передаточным шкивом между политикой и экономикой. В ведении НКВД находились многие сферы деятельности: обеспечение порядка, охрана общественной собственности, запись актов гражданского состояния, пограничная охрана, управление шоссейными и грунтовыми дорогами, контроль за картографией, системой мер и весов, переселенческим и архивным делом.

Численность сотрудников НКВД в 3,5 раза превосходила количество милиционеров и достигала 800 тыс. человек. ОГПУ выполняло функции внешней разведки, контрразведки и госбезопасности, а также осуществляло руководство особыми отделами в вооруженных силах.

Советское государство являлось правовым де-юре, но не было таковым де-факто: принцип верховенства закона не соблюдался; закон служил лишь инструментом, который власть использовала в своих целях. Введенные государством чрезвычайные законы (запреты на перемену мест работы, создание трудовых резервов, обязательные нормы труда в колхозах и т.д.) ограничивали свободы и права граждан.

Конституция гарантировала независимость судей, открытое рассмотрение дел с участием народных заседателей, право подсудимого на защиту, судопроизводство на национальном языке. Однако в уголовном праве суровость наказания

нередко не соответствовала тяжести преступления. Расхитители социалистической собственности были поставлены в один ряд с врагами народа. Выпуск недоброкачественной продукции наказывался лишением свободы на срок от 5 до 8 лет, а поломка тракторов и сельхозмашин в результате халатного отношения — принудительными работами на срок до 6 месяцев.

Постановлением ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 г. уголовная ответственность устанавливалась с 14 лет, но наказание за тяжкие преступления предусматривалось с 12 лет. За мелкие кражи грозило лишение свободы сроком на 1 год. Предусматривалась ответственность за привлечение несовершеннолетних к участию в преступлениях, принуждение их к занятию проституцией, спекуляцией, нищенством. НКВД реорганизовало часть детских приютов, находившихся в ведении Наркомата просвещения, в сеть трудовых колоний для малолетних. Секретная инструкция к постановлению от 7 апреля 1935 г. разрешала применять к 12-летним и расстрел.

Политическая легенда эпохи:

Газета французских коммунистов «Юманите» в целом одобрила это постановление. Логика была такова: «Дети при социализме взрослеют раньше, чем при капитализме, и могут ответить перед обществом за свои поступки» [11].

Именно благодаря столь жестким мерам органам НКВД удалось решить одну из самых острых проблем, вызванных к жизни индустриализацией, коллективизацией и сопутствующей им неконтролируемой массовой миграцией детей. Они породили к середине 30-х гг. новую армию беспризорных, формировавших многочисленные банды малолетних преступников. Расстрелы и угроза высшей меры наказания помогли справиться с данной проблемой. Здесь же кроется и ключ к пониманию педагогической системы А. Макаренко, директора одной из тогдашних колоний НКВД. Его подопечным по большому счету было просто некуда деваться (тем более, что большинству из них было больше 12 лет): или «перевоспитание», или... расстрел.

Снижение возрастной планки смертной казни, вероятно, служило и еще одной цели: теперь на привлекаемых к ответ-

ственности «двурушников», «предателей», «уклонистов» и «врагов народа» можно было оказывать серьезное давление, фактически шантажируя их угрозой жизни их малолетних детей. Этот рычаг пригодится НКВД при подготовке знаменитых «московских процессов».

Партия и Большой террор

Внутрипартийная демократия неуклонно сворачивается с конца 20-х гг., со времени утверждения в Политбюро позиций И.В. Сталина. В 1928 г. прекращается рассылка на места стенограмм пленумов ЦК, планов работ Политбюро и Оргбюро, в 1929 г. прекращено издание информационного журнала «Известия ЦК ВКП(б)». Все реже, с нарушением уставных предписаний, созываются съезды, конференции, пленумы. Так, XII—XIV съезды созывались раз в год (1923–1925), XV состоялся уже в 1927 г., XVI — в 1930 г., XVII — в 1934 г., XVIII — в 1939 г. Утверждается практика голосования списком, что обернется к концу 1930-х гг. ценным рацпредложением В.М. Молотова выносить наказания также по спискам. На каждое дело отводилось несколько минут. Этого времени хватало лишь на анкетный опрос, формальное выяснение, признает ли обвиняемый себя виновным, и объявление заранее подготовленного приговора.

Великий кормчий?.. Впередсмотрящий!

Периодически проводились кадровые чистки, неизбежно приводящие в итоге не столько к очищению рядов ВКП(б) от всяких сомнительных и чуждых элементов, сколько к подавлению в зародыше любых оппозиционных настроений, укреплению сталинской вертикали власти и снятию социальной конфликтности наказанием все новой группы стрелочников — «двурушников», «предателей», «врагов народа».

Следствием чисток был также приход в партию новой генерации — «рабочих от станка», «крестьян от сохи». Эти новые кадры решали не все, но очень многое — причем решали (в силу преобладавшего у них низкого культурного уровня и генетической памяти Гражданской войны) нахрапом и силой, без собственного анализа — так, как предписано сверху. Однопартийный режим превращался в режим одноаппаратный, причем процесс выработки окончательных решений все больше концентрировался в руках совсем небольшой части аппарата — Сталина и его ближайшего окружения. Чтобы закрепить новый существующий порядок и окончательно оставить командную высоту за Сталиным, предстояло убрать с политической арены целое партийное поколение, которое сражалось с царизмом, совершило революцию, воевало в Гражданскую войну и выступало за коллективное руководство в годы нэпа.

В утвержденном II съездом Советов списке членов первого Советского правительства первым шел В.И. Ленин, последним — И.В. Сталин. Между ними было 13 человек. Из них после кончины Ленина лишь трое умерли своей смертью (причем А.В. Луначарский — уже будучи смещенным с поста наркома). Остальные десять были объявлены «врагами народа» со всеми вытекающими последствиями.

В августе 1936 г. состоялся первый большой открытый политический процесс по делу об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре». Обвиняемые — 16 человек во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым — «сознались» в собственных и чужих преступлениях, нагромождая в показаниях фактические небылицы (например, встречу с сыном Л.Д. Троцкого — Л. Седовым — в копенгагенской гостинице «Бристоль», которую снесли еще в... 1917 г.) и составляя нелепые

«логические» цепочки умозаключений. Зиновьев «саморазоблачался»: «Мой искаженный большевизм превратился в антибольшевизм, и через троцкизм я пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зиновьевизм — это разновидность троцкизма» [8]. Нелепость признания-самооговора состоит в том, что этнические евреи Зиновьев и Троцкий по определению не могли быть фашистами и нацистами. «Враги народа» играли в советской классово-верной идеологии фактически ту же роль, что «евреи» — в расово-ориентированной доктрине «третьего рейха».

Общие сильные эмоции скрепляют и цементируют общество.

Но если это общее чувство — ненависть, то общество скорее фрагментируется. Сегмент общей ненависти на «московских процессах» оказался, увы, системообразующим.

При подготовке процесса была опробована новая юридическая доктрина Генпрокурора А.Я. Вышинского, обосновавшего, что достоверные факты и улики теперь при вынесении приговора не очень и важны. Достаточно признания подсудимого. А в выбивании признаний работники НКВД накопили за прошедшее десятилетие колоссальный опыт. Существуют данные, что перед началом процесса Сталин дал подсудимым честное слово, что сохранит им жизни. Однако все подсудимые были приговорены к расстрелу. Приговор незамедлительно привели в исполнение — так было положено начало массовой чистке в партии.

В ходе процесса Генпрокурор со слов подсудимых пообещал начать новый процесс над бывшими «правыми уклонистами». Томский предполагал сразу покончить жизнь самоубийством. Но Сталин еще не наигрался в кошки-мышки с Бухариным.

В январе 1937 г. начался еще один процесс — над «параллельным антисоветским троцкистским центром» в составе

*Это не про фашистов.
Плакат называется :
«Стереть с лица земли
троцкистско-зиновьевскую
банду убийц»*

Пятакова, Радека, Серебрякова и Сокольниковых плюс еще 13 подсудимых, где выделялся видный военачальник времен Гражданской войны А.И. Муралов, который сразу после убийства Кирова связал это с цезаристскими замашками Сталина: «Это его рук дело, это сигнал к тому, чтобы начать варфоломеевскую ночь» [8]. Теперь эта «ночь» была в самом разгаре. Существует множество косвенных данных и мемуарных свидетельств, что сценарий судилища разрабатывал сам К. Радек в обмен на сохранение жизни. Правда, вряд ли кто-либо в пылу ненависти залез и вне его смог оценить черный юмор и тонкую иронию Радека, в заключительном слове попросившего извинения у самоотверженных следователей НКВД — «этих исполнителей воли народа, защитников народа от его врагов, чутких и гуманных друзей арестованных» [11] — за то, что так долго своими лживыми показаниями, запертостью и обманом... мучил их.

Будущая жертва организованной ненависти писатель М. Зощенко выступил на митинге ленинградских писателей, посвященном процессу: «Я считал себя знатоком человеческой совести. Но я ошибся. Можно ли предполагать, что человек способен совмещать столько подлости, низости и грязи, как это делали Пятаков, Радек, Сокольников и другие участники троцкистской шайки» [11]. Еще один легендарный эпизод трагического спектакля абсурда: жена арестованного «врага народа» Пятакова призналась, что она тоже «враг народа». Пятаков попросил Сталина дать ему разрешение собственноручно расстрелять жену... Товарищ Сталин уничтожил Пятаковых раздельно.

13 подсудимых были приговорены к смертной казни, четверо — к лагерным срокам. Двое из них — Сокольников и Радек — погибли в лагере в 1939 г. Утверждают, что Радека забили уголовники по прямому указанию лагерного начальства.

Поведение на этом процессе А.И. Муралова дает в определенной степени ключ к пониманию «закулисья» «московских процессов». Он дольше всех сопротивлялся давлению и натиску чекистов, вырывавших (во всех смыслах) признание. Первые признательные показания Муралов начал давать через семь месяцев и 17 дней после ареста (для сравнения: Ю. Пятаков — через 33 дня). Но на процессе именно Муралов

дал важное объяснение своему «признанию»: «И я сказал себе тогда, после чуть ли не 8 месяцев, что да подчинится мой личный интерес интересам того государства, за которое я боролся в течение 23 лет, за которое я сражался истово в трех революциях... Предположим, меня даже запрут и расстреляют, то мое имя будет служить собирателем и для тех, кто еще есть в контрреволюции, и для тех, кто будет из молодежи воспитываться... Опасность оставаться на этих позициях, опасность для государства, для партии, для революции, потому что я — не простой рядовой член партии...» [19]. Фактически перед подсудимыми революционерами вставала экзистенциальная проблема: или признать дело всей своей жизни ошибкой и ошибочным созданное при их активном участии государство и общество, или брать грех на душу во имя светлого будущего в надежде на справедливый суд потомков.

Обстановка в высших эшелонах власти становилась все более гнетущей. В феврале 1937 г. накануне очередного пленума ЦК ВКП(б) ушел из жизни нарком тяжелой промышленности и член Политбюро Г.К. Орджоникидзе, которому Сталин поручил сделать на пленуме доклад о вредительстве в его ведомстве. По-видимому, Орджоникидзе не смог пережить морального давления со стороны вождя. Он хорошо знал своих людей и был уверен, что среди них нет вредителей.

В стенограмме пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося весной 1937 г., содержались недвусмысленные призывы к беспощадному разоблачению врагов со стороны С.В. Косиора, В.И. Межлаука, П.П. Постышева, Я.Э. Рудзутака, В.Я. Чубаря, Р.И. Эйхе, И.Э. Якира. Вскоре эти люди сами подверглись репрессиям и стали «героями» второго громкого политического процесса.

В марте 1938 г. в Москве прошел третий процесс по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Бывшие лидеры «правоуклонистов» Н.И. Бухарин и А.И. Рыков «первичную обработку» прошли на пленуме ЦК ВКП(б), где были исключены из партии, арестованы и перевезены на Лубянку. Третий процесс стал кульминацией сталинских «контрреальности-шоу»: теперь устранились и последние крупные представители «ленинской гвардии», и опасные свидетели и участники начальной стадии Большого террора. Подсудимые (21 человек) были разделены на четыре группы. В первой из них числи-

Х.Г. Раковский

лись бывшие лидеры «правой оппозиции» Н.И. Бухарин и А.И. Рыков, во второй — бывшие известные троцкисты (Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский), в третьей — обвиненные в медицинских убийствах три кремлевских врача (Л.Г. Левин, И.Н. Казаков и профессор Д.Д. Плетнев). Наиболее многочисленную четвертую группу составляли наркомы, секретари республиканских партийных организаций и другие высокопоставленные го-

сударственные деятели. Главной сенсацией процесса стало появление среди подсудимых бывшего начальника ОГПУ и одного из «режиссеров» первого «московского процесса» Г.Г. Ягоды. Ягода взял на себя личную ответственность за все преступления, допущенные во время чисток.

Процесс очень напоминал средневековые судилища над ведьмами. Подсудимые в итоге оказались ответственными даже за те «злодеяния», которые уже были разоблачены в ходе предыдущих разбирательств, а также за все смерти: и видных партийных деятелей (Менжинского, Кирова, Куйбышева), и пролетарского писателя А.М. Горького (с сыном Максимом), и даже за покушения 1918 г.: на Свердлова и Ленина. А если покушались на «учителя», то нет нужды доказывать факт покушения на его лучшего ученика — товарища Сталина. Уже всеми забытый предшественник Сталина в Секретариате ЦК Н.Н. Крестинский попытался публично отказаться от своих показаний, но в перерыве судебного разбирательства с ним «поговорили», и бывший секретарь ЦК ВКП(б) покался во всем. Всех подсудимых казнили, лишь Х.Г. Раковский получил 20 лет заключения (но был расстрелян в 1941 г.).

С июля 1937 г. по январь 1938 г. расстреляли всех бывших эсеров, анархистов, меньшевиков, а также большевиков, обвиненных в троцкизме. В ходе Большого террора власть одновременно избавлялась и от уголовников, неоднократно судимых за убийства, грабежи, побеги из мест заключения.

Ближайшие соратники Сталина были лично ответственны за чистки в партийных организациях: Л.М. Каганович действовал в Донбассе, А.А. Жданов — в Ленинграде, Башкирии и

Татарстане, А.А. Андреев — в Средней Азии, А.И. Микоян — в Закавказье, Н.С. Хрущев — на Украине.

Сущность Большого террора

Развязывая внутри партии борьбу не на жизнь, а на смерть, И.В. Сталин и его окружение преследовали вполне конкретные цели. Во-первых, на третьем открытом процессе многие «перегибы», допущенные при проведении коллективизации на местах, объявили делом «врагов народа». Руководитель системы потребительской кооперации И.А. Зеленский признал ответственность за увеличение плана коллективизации в республиках Средней Азии (с 52 % до 68 % обобществленных хозяйств). Он сознался в провокационном характере лозунга «Догнать и перегнать передовые в коллективизации районы Союза». Этот призыв якобы и спровоцировал неоправданно высокие темпы коллективизации.

Во-вторых, руководство страны оперативно расправились с лидерами национальных отделений ВКП(б), все более проявлявших стремление к самостоятельности. Так, 9 июля 1937 г. Верховный суд Грузии приговорил Б. Мдивани, Ш. Окуджаву (отца будущего советского барда) и еще 5 грузинских оппозиционеров к расстрелу. Они поддерживали «левый» уклон и, кроме того, еще с 1922 г. критиковали позицию Сталина по национальному вопросу. Им вменялась в вину шпионская, вредительская и диверсионная деятельность, включая подготовку террористических актов.

В-третьих, массовые репрессии оказались варварским, но довольно эффективным методом борьбы с вполне реальной коррупцией.

В-четвертых, осуществление социально-экономических преобразований с использованием чрезвычайных мер в конечном итоге привело к выходу карательных органов из-под контроля партии. Партийцы со стажем оказались в сложном положении. С одной стороны, они полностью поддерживали применение репрессий против «врагов народа», поскольку оценивали происходящее исходя из опыта эпохи подполья и Гражданской войны. С другой стороны, поле борьбы членов ЦК против перегибов сталинской политики крайне сузилось.

Террор вышел из-под контроля, возросло количество жертв, которые было невозможно оправдать никакими соображениями.

В течение 1937–1938 гг. погибло множество людей, не имевших отношения к тому слою управленцев, который был главным объектом террора. Однако удар нанесли и по тем, кто обладал хоть какой-либо долей политического влияния. Соотношение численности репрессированных по политическим статьям (около 1 млн 344 тыс. человек) и количества коммунистов, убывших из рядов партии с 1934 по 1939 г. (около 1 млн 220 тыс. человек), показывает, кто был главной мишенью террора 1937–1938 гг.

В-пятых, Большой террор привел к масштабному перераспределению позиций в социальной структуре общества. Арест высокопоставленного работника сопровождался продвижением по карьерной лестнице нескольких человек. Пропагандистская машина неустанно повторяла, что враги народа мешали выдвигению «молодых кадров», затирали «свежие силы». Массовые чистки привели к тому, что на XVIII конференции ВКП(б), состоявшейся в 1938 г., 80 % общей численности делегатов составляли коммунисты, вступившие в партию после 1927 г. Из 140 членов ЦК и кандидатов в члены ЦК лишь 10 имели дореволюционный стаж. На смену шестидесятилетним, пятидесятилетним и сорокалетним большевикам, уничтоженным во время чистки, пришло поколение тридцатилетних. Это были будущие политические руководители страны времен так называемого «застоя».

Широкая замена политической элиты характерна для различных этапов истории России в XX в. (в том числе для хрущевской оттепели и периода 1990–1993 гг.). Однако драма сталинского времени заключается в том, что в 1937 г. людей отправляли не на пенсию, а в лагеря и могилы.

В 1937 г. фактически ликвидировали прежний правящий строй — к руководству пришло новое поколение большевиков, не связанных с революционным прошлым и не имевших преемственных связей с традициями большевизма. Партия бывших революционеров была насильно трансформирована в партию государственников. Правящий слой приобрел полную политическую однородность и подчинился воле вождя. С весны 1937 г. по лето 1938 г. парткомы крупных горо-

дов, областей и республик обновились на 75 %. Репрессировали 5 членов Политбюро (С.В. Косиора, П.П. Постышева, Я.Э. Рудзутака, В.Я. Чубаря, Р.И. Эйхе), 72 из 93 членов и кандидатов в члены ЦК ВЛКСМ, 319 из 385 областных секретарей, 2210 из 2750 районных секретарей. С 1934 по 1939 г. на руководящие посты пришло свыше 500 тыс. молодых партийных работников.

Некоторые социологи предполагают, что истоки террора 30-х гг. лежат еще в Кровавом воскресенье и казнях крестьян во время насаждения столыпинских реформ, в «красном» и «белом» терроре, в жестоких подавлениях крестьянских волнений в 1921 г., в расстрелах священников, раскулачивании, страшном голоде 1933 г. В обществе накапливался огромный потенциал эмоций, взывающих к мести. И реализовался он в сталинских репрессиях, получивших массовую поддержку, которую вряд ли было возможно организовать или сымитировать.

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы до сих пор изучаем культурное наследие 30-х. Культурная революция, о необходимости которой так долго твердила русская интеллигенция, свершилась! В СССР были побеждены неграмотность и идеологические противники передового марксистско-ленинско-сталинского учения. Отечественные науки двинулись вперед, а кое-кто из ученых — на Север и в тюрьмы. Писателей, как и крестьян, загнали в “творческий колхоз” под названием Союз писателей. Из всех искусств важнейшим по-прежнему являлось кино. Первым зрителем был товарищ Сталин. Он же был и главным цензором.

Создание мифа

При помощи официальной пропаганды (через газеты, журналы, радио) власть внедряла в массовое сознание упрощенные марксистские тезисы о законах развития общества, создавала образ светлого будущего, достижению которого препятствует враждебное окружение. Произведения искусства, созданные в соответствии с канонами социалистического реализма, изображали советскую действительность сквозь призму праздничной атмосферы. Все трудности и тяготы, связанные с форсированным развитием, трактовались как временные и необходимые ради счастья потомков.

В народном сознании культивировалась мысль о том, что выход из исторической ловушки нэпа возможен только при колоссальном напряжении сил, проявлении жертвенности и трудового героизма. Соответствующий настрой формировался главным образом с помощью литературы и искусства. Писатели, художники, певцы и музыканты причислялись к отряду идеологических бойцов, а их творения служили оружием в борьбе за победу коммунизма. Уход от злободневных тем, аполитичность и нейтральность рассматривались как враждебное отношение к советской власти.

В конце 1920-х гг. образ идеального коммуниста в массовом сознании, а также в художественной и пропагандистской литературе, изобразительном искусстве приобрел но-

Образ рабочего-коммуниста в новом изобразительном искусстве

Советский агитплакат

вые черты. На смену революционеру-подпольщику пришел коммунист-строитель, ориентированный на созидательную деятельность. Крестьяне, прибывавшие в город в поисках работы, стремились к новой, лучшей жизни и не думали об усилении борьбы с классовыми врагами.

Несмотря на ужасы сталинских репрессий, эпоха 1930-х гг. была пронизана романтикой новостроек. Опыт Гражданской войны, непрерывная борьба с внутренним классовым врагом, ощущение военной угрозы со стороны стран Запада накладывали

особый отпечаток на массовое сознание советского народа. Даже созидательный труд приобретал характер боевых действий («Наш острый взгляд пронзает каждый атом, наш каждый нерв решимостью одет...»): тонны добываемых полезных ископаемых и километры прокладываемых дорог расценивались как удар, нанесенный врагу. Борьба со стихией, трудностями, бытовыми неудобствами только закаляла строителей социализма.

Советской власти оставалось увлечь широкие массы очередной социальной утопией, понятной для крестьянского сознания. Условия аврала и штурмовщины, в каких строился «земной рай», были привычны для крестьянина, который максимально напрягал силы в сезон полевых работ, длившийся не более полугода. Количественные показатели пятилетних планов подкреплялись и эмоциональной составляющей: пролетарская литература одухотворяла задачи, поставленные перед советским народом.

Кстати, и псевдорелигиозная коммунистическая идея всемирного братства нашла в крестьянской среде благоприятную почву. Советский строй базировался на принципах равенства, сотрудничества и взаимопомощи народов. Социализм трактовался как желанный образ жизни для всех людей на земле, путь объединения всего человечества во вселен-

скую «коммуну», что соответствовало традиционным принципам православия.

Однако это не помешало официально объявить 1932 г. началом «безбожной пятилетки», которая коснулась всех конфессий страны. В 1917 г. в России было около 40 тыс. мечетей, их число сократилось в 40 раз к 1937 г. В Бурятии сожгли все буддийские монастыри, уничтожили три четверти лам. В Сибири и на Севере шаманов часто сжигали живьем в их юртах. Перед Великой Отечественной войной осталось всего около ста действующих православных церквей. Эта пятилетка, возможно, была единственной, чьи «плановые показатели» были реально перевыполнены. Символом насильственной атеизации страны стал варварский снос храма Христа Спасителя в Москве.

Труд и совершение общественно значимых дел были главными критериями оценки (а также и самооценки) человека со стороны его друзей и коллег. В литературе и искусстве воспевалось подвижничество, героями художественных произведений становились первопроходцы — желание участвовать в общем важном великом деле доминировало в массовом сознании: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака. Пламя души своей, знамя страны своей мы пронесем через миры и века...».

Подвиги вымышленных или реальных героев вызывали у советских людей «белую» зависть, желание подражать, совершить нечто подобное. «Нам ли стоять на месте! В своих дерзаниях всегда мы правы. Труд наш — есть дело чести, есть дело доблести и подвиг славы...» Литературные произведения формировали у молодежи желание заняться чем-то необыкновенным — парашютным спортом, планеризмом и т.п., побивая при этом все рекорды («Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...»).

Новая массовая политическая песня была призвана создать в массовом сознании образ молодой, счастливой и жизнерадостной страны. В революционных песнях времен Гражданской войны грядущее счастье для детей рабочих оплачивалось кровью, в 1930-е гг. «светлое будущее» достигалось созидательным трудом. Веселье и труд составляют лейтмотив фильма Г.В. Александрова «Веселые ребята». Герои фильма покоряли

Афиша фильма
«Веселые ребята»
(режиссер Г. Александров)

пространство и время и утверждали, что они — «молодые хозяева земли». Но настоящий хозяин необъятной родины был один и находился в Кремле. Сам вождь прекрасно понимал значение новой социальной мифологии. Дидактивно-музыкальной сказке Г. Александрова «Новая Золушка» (со знаменитым цитированным ранее «Маршем энтузиастов» И. Дунаевского на слова Д. Актиля в исполнении несравненной, любимой Сталиным Л. Орловой) Иосиф Виссарионович лично дал новое прокатное название — «Светлый путь». Название, больше подходящее на установку.

В условиях проведения ускоренной модернизации важную роль играло намеренно культивируемое чувство идентичности: оно связывало рабочую молодежь в некое сообщество, сокращало до минимума разницу в восприятии индивидуального и общественного, какой бы стороны жизни это ни касалось. Критик М. Беккер заметил, что советские поэты передают песенной строкой чувство молодости, присущее людям сталинской эпохи, и их бесспорной заслугой является создание жанра веселой, жизнерадостной песни. Например, поэт В.И. Лебедев-Кумач вполне искренне и охотно выполнял государственные заказы на произведения, формировавшие в стране атмосферу бодрости и молодости. «Песня о Родине» («Широка страна моя родная...»), над которой В.И. Лебедев-Кумач и композитор И.О. Дунаевский работали в течение полугода, воспринималась как народная и стала вторым (неофициальным) гимном Советского Союза.

В 1930-е гг. появилось множество песен, созданных на старые фольклорные мотивы, но воспевавших советскую действительность: колхозы, Красную Армию, быстроходные танки и сталинского наркома Ворошилова («В небе за тучей грозные следят пилоты. Быстро плавают подлодки, эх, да зорко смотрит Ворошилов...»).

На I Всесоюзном съезде писателей Н.И. Бухарин произнес речь, в которой подчеркнул особенности не просто советской поэзии, но поэтики новой цивилизации в целом: «На фоне капиталистического маразма, гипертрофированной и нездоровой эротики, пессимистической разнузданности и цинизма или вульгарных потуг поэтических «расистов»... у нас возникает поэзия бодрая, глубоко жизнерадостная и оптимистическая... Здесь нет мистического тумана, поэзии слепых, ни трагического одиночества потерявшей себя личности, ни безысходной тоски индивидуализма, ни его беспредметного анархического бунтарства; здесь нет покоя сытых мещан, глядящих холеной рукой вещи и людей; здесь нет разнузданных страстей зоологического шовинизма, неистовых гимнов порабощения и од золотому тельцу» [25].

Основой нового общества в массовом сознании, безусловно, признавалась партия большевиков. Осененная славой Ленина и руководимая волей Сталина ВКП(б), собственно, и создала «могучую Родину вольных людей». Коммунисты в своей основной массе вышли из простого люда (более того, «вышли мы все из народа»), поэтому должны были впитать в себя народную гордость, мудрость, сердце и совесть. Партия расценивалась как источник силы и правды, а под руководством большевиков Советский Союз мог сокрушить любую вражью силу.

По мнению известного публициста и историка С.Г. Кара-Мурзы, советская цивилизация выросла из традиционного общества — цельного организма, образованного из соборных (ощущающих тесную связь с «миром») личностей. В нем государство служит одной из ипостасей народа — оно создается свыше, через откровение (Бога, революции, традиции). В Советском Союзе для патриотического сплочения народа не требовалось факельных шествий и других суровых ритуалов: советские массовые праздники (демонстрации, митинги) проходили в форме всенародных гуляний. Мажорное «мы» забивало минорное «я»...

Можно утверждать, что во второй половине 1930-х гг. мироощущение новых (происходящих из крестьянства) рабочих полностью соответствовало социальному заказу власти. Широкое распространение новых советских песен, их пре-

вращение в народные (задушевные и застольные) означало победу советской линии в развитии культуры. Новым радостным видением мира мироощущение отдельного человека полностью не определялось, но, безусловно, рабочая молодежь жила под влиянием эмоционального фона эпохи. В представлении молодых людей личная биография была неотделима от судьбы страны («Страна — это ты! Страна — это я! Страна — это гордость твоя и моя!»). Они отождествляли себя с неунывающими и веселыми героями кинофильмов, песен и литературных произведений.

Советское образование

В конце 1920-х гг. партия решила приступить к бескомпромиссной борьбе с массовой безграмотностью. В 1930 г. ЦК ВКП(б) утвердил постановление «О всеобщем начальном обучении». Комсомол объявил о начале «культурного похода» в масштабах всего Советского Союза. Для идеологической поддержки просветительской кампании партия мобилизовала в ряды «культурармейцев» около 1500 опытных инструкторов из числа комсомольцев и членов партии.

Основная проблема заключалась в том, что по состоянию на 1929 г. только 44 % советских граждан умели читать и писать. Треть хозяйственного актива в возрасте от 16 до 34 лет не знали грамоты. Половина детей в стране не были охвачены даже системой начального образования.

Колоссальные хозяйственные задачи по модернизации страны было невозможно решать с помощью немногочисленных полуспециалистов. В конце 1920-х гг. государство расходовало на подготовку технических работников средней квалификации меньше половины от того, что тратилось на эти нужды в дореволюционное время. Обученные таким путем специалисты не получали в полном объеме знаний и навыков, позволяющих в кратчайшие сроки перестроить производство, а тем более «догнать и перегнать» страны Запада. Особенно ощутимый разрыв наблюдался между культурным уровнем города и деревни, хотя в техническом и хозяйственном отношении селу предстояло развиваться не менее интенсивно, чем индустриальным центрам. В связи

с поставленными задачами каждому крестьянину требовалось получить хотя бы элементарные знания по агрономии.

И.В. Сталин полагал, что без новых квалифицированных кадров невозможно обеспечить быстрые темпы социалистического строительства. К концу первой пятилетки число вузов в СССР увеличилось до 700 (многие из них создавались на базе действующих техникумов). В период второй пятилетки они ежегодно выпускали до 70 тыс. специалистов. К 1938 г. в советских высших учебных заведениях обучалось больше студентов, чем в Англии, Германии, Италии, Франции и Японии вместе взятых, а численность инженеров в СССР вдвое превысила их количество в США. В 1940 г. по количеству школьников и студентов СССР вышел на первое место в мире. Кардинально поменялся социальный состав студенчества, пополнившийся за счет рабоче-крестьянской молодежи. К концу 1930-х гг. соотношение новой советской интеллигенции к старой дореволюционной составило 9 к 1. Если в 1926 г. в Советском Союзе умственным трудом занимались 3 млн человек, то в 1939 г. — 14 млн человек.

Первым пятилетним планом только на территории РСФСР предусматривалось увеличить капиталовложения в культпросвет в 3,5 раза. Требовалось ликвидировать «ножницы» между культурным развитием населения и нуждами технического (хозяйственного) прогресса. Предполагалось, что к концу первой пятилетки системой начального образо-

Образование в СССР во второй половине 1930-х гг.

Учащиеся техникума (1932)

вания будет охвачено 80 % детей, а численность неграмотных в возрасте от 16 до 34 лет сократится в три раза (с 6 до 2 млн человек).

С мая 1934 г. началось формирование всесоюзной системы общеобразовательных учреждений. Сначала дети обучались в 4-классной начальной школе, затем переходили в 7-классную (неполную среднюю) или в 10-классную (полную среднюю) школу. Для обеспечения страны техническими кадрами на базе старших классов создавались школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и техникумы.

Государство не жалело средств на обучение своих граждан. Если в 1928 г. расходы на образование в СССР составляли 8 руб. на душу населения, то в 1937 г. — 113 руб. За годы первых двух пятилеток освоили грамоту 40 млн человек. Уровень грамотности достиг 80 % (уровень Франции в начале XX в.). К концу второй пятилетки в стране было узаконено всеобщее начальное образование (во Франции и Англии аналогичные мероприятия были проведены на 50 лет раньше). Однако в то же время в середине 1930-х гг. только в РСФСР 100 тыс. учителей (треть городских преподавателей и половина сельских) не имели специального образования. В 1938 г. в советских школах работало около 1 млн педагогов, но лишь половина из них обладала стажем свыше 5 лет.

Государственные университеты располагали серьезным научным потенциалом, но не могли его развить из-за отсутствия необходимой материальной базы. По сути, они представляли собой формальное (во многом случайное) объединение естественнонаучных факультетов и не отличались от сходных специализированных технических вузов, т. е. никак не выделялись в системе высшей школы. Однако в конце 1930-х гг. советское правительство взяло курс на превращение государственных университетов в ведущее звено всей системы образования, обеспечивающее базу для развития отечественной науки.

Политика партии в сфере образования была направлена на расширение сети узкоспециализированных вузов, сокращение сроков и совершенствование методов обучения. В СССР прошла массовая кампания, в ходе которой на базе университетов создавались новые вузы: университетские корпуса, библиотечные фонды и оборудование передавались вместе с профессорами и студентами недавно возникшим институтам.

Страна испытывала острую нехватку специалистов: врачей, педагогов, юристов, инженеров, экономистов. Поэтому в первой половине 1930-х гг. советские вузы произвели ряд досрочных выпусков. Особенно ощутимым был дефицит профессорско-преподавательских кадров: уровень научной квалификации преподавателей университетов зачастую не соответствовал требованиям, предъявляемым к сотрудникам высшей школы.

Специальным постановлением от 19 сентября 1932 г. ЦИК СССР утвердил комплекс мероприятий, упорядочивающих учебные планы и программы, в том числе это касалось и организации производственной практики, методов преподавания, комплектования вузов, подготовки научных кадров и управления системой высшего образования.

В соответствии с новыми правилами набор студентов на первый курс проводился без экзаменов, на основании про-

Горный университет, в 1930 г. выделившийся из состава Московской горной академии в числе других отраслевых вузов

смотра документов приемной комиссией (главное значение имели, по-видимому, анкетные данные, позволявшие судить о социальном происхождении абитуриента). Принятым в вузы назначался испытательный стаж, через три месяца абитуриенты становились полноправными студентами.

Нередко студенты обнаруживали неспособность к освоению университетского курса из-за недостаточной подготовки по русскому языку, математике, физике и другим дисциплинам. В лекционном курсе приходилось большое внимание уделять повторению вопросов, изучавшихся в средней школе. Значительное количество студентов исключалось по результатам первой сессии. Строго соблюдать расписание занятий в вузах, как правило, не удавалось: студенты, аспиранты и научные сотрудники нередко призывались для участия в кампаниях по хлебозаготовкам, засыпке семенных фондов, весеннему севу.

Одновременно с реформами образования во всесоюзном масштабе форсированными темпами осуществлялось развитие национальных окраин. Показателен в этом отношении пример Карелии. Хотя в Карельском автономном округе карелы составляли 60 % населения, у них не существовало единого (литературного) карельского языка и ни одно из имевшихся наречий нельзя было взять за основу для его создания. Это значительно затрудняло вхождение карельского народа в общее культурное пространство СССР. В результате советское правительство приняло решение внедрить на территории округа финский литературный язык, имеющий одинаковое происхождение с карельскими говорами — общую грамматическую, фонетическую и морфологическую основу.

Гонения на гуманитариев

Над гуманитарными отраслями науки партия осуществляла особый идеологический контроль. Существование независимых исторических и философских школ противоречило задачам «единения» и «сплочения» советского народа. Руководству страны были угодны историки, готовые представить выгодную для режима версию основных исторических

Мавзольей первого вождя большевиков В.И. Ленина

Антисоветская политическая карикатура на Л.Д. Троцкого

Макет Дворца Советов, строительство которого планировалось на месте взорванного храма Христа Спасителя

**Здание, построенное в 1930–1936 гг. по проекту архитектора
Л. Корбюзье (Москва)**

*Памятник жертвам политических репрессий
на Ваганьковском кладбище в Москве*

Здание центрального универмага, самого крупного из московских магазинов в 1930-е гг.

Дом на Набережной, в котором в 1930-е гг. жили многие деятели партии и правительства (Москва)

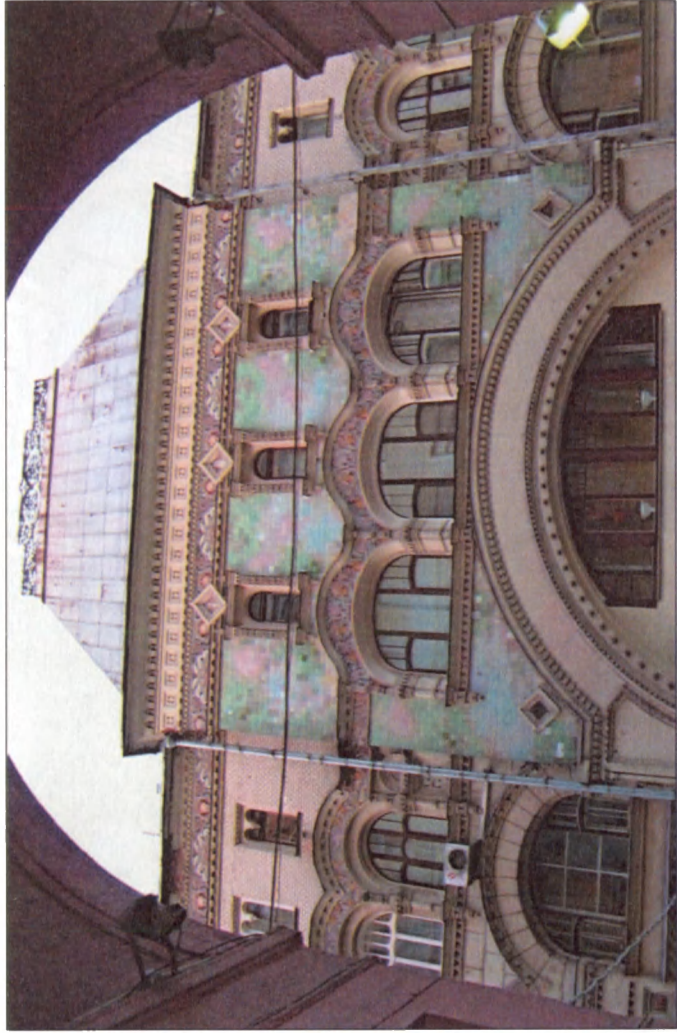
Вход в Парк культуры и отдыха имени М. Горького, открывшийся для посетителей в 1928 г. (Москва)

Самый крупный в СССР детский магазин — «Детский мир» (Москва)

Библиотека имени В.И. Ленина в Москве, основной корпус здания которой построен в 1930-е гг.

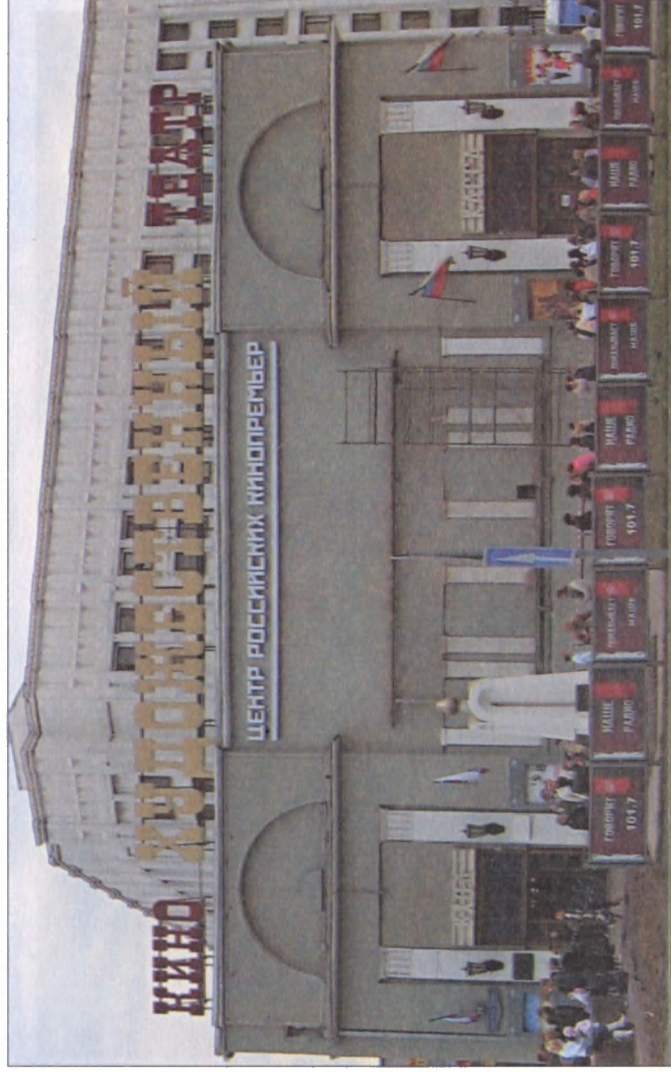
Здание, в котором в 1930-х гг. располагалась 1-я фабрика Госкино
(Савинское подворье, Москва)

Театр имени пролетарского поэта В.В. Маяковского (Москва)

Пушкинская площадь и в 1930-е гг. была культурным центром столицы

Кинотеатр «Художественный», в котором в 1930-е гг. демонстрировали первый звуковой художественный фильм (Москва)

Памятник на могиле народного художника СССР С. Герасимова
(Новодевичье кладбище, Москва)

Гостиница «Пекин» — одно из красивейших зданий столицы 1930-х гг.

ких событий (в особенности подчеркнуть роль Сталина в октябрьские дни 1917 г. и годы Гражданской войны). Однако предварительно следовало обезвредить ученых старой школы, привыкших трактовать историю страны объективно.

С осени 1929 до начала 1931 г. были арестованы известные историки: С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин и др. (всего по делу проходило 115 человек). В ходе следствия сотрудники ОГПУ сфабриковали против ученых обвинение в сокрытии важных исторических документов и создании контрреволюционной организации, имевшей целью свержение советской власти. Однако приговор оказался неожиданно мягким: С.Ф. Платонов, предполагаемый глава будущего контрреволюционного временного правительства, был всего лишь сослан в Самару на 5 лет. Большинство осужденных впоследствии вернулись к научной деятельности.

В середине 1935 г. разгрому подверглась школа М.Н. Покровского (сам он скончался в 1936 г.), что со стороны власти было фактически «ударом по своим». Покровский был одним из верных столпов советской исторической науки, главным адептом методологической школы, опирающейся на исторический материализм. В ходе борьбы с научными «извращениями» учеников Покровского, вольно использовавших принципы истмата, в советской исторической науке установилось относительное единообразие в трактовке законов общественного развития.

Осенью 1932 г. И.В. Сталин решил вмешаться в процесс подготовки многотомного издания, посвященного истории ВКП(б). В специальном письме, направленном в редакции журналов «Пролетарская революция» и «Большевик», он указывал на необходимость отстранить от работы над этим трудом Е.М. Ярославского, А.И. Стецкого, В.О. Волоевича и вдвое сократить объем многотомника. Перед новыми авторами (А.С. Бубновым, В.Г. Кнориным, Н.Н. Поповым) Сталин поставил конкретную цель: защитить историю партии от наскоков «троцкистских контрабандистов». Прежние авторы были об-

Е.М. Ярославский

винены в чрезмерном доверии к архивным материалам и нежелании «объективно» оценить «реальные», а не «декларированные» убеждения прежних лидеров партии.

В 1937 г. Политбюро приняло постановление «Об учебниках по истории ВКП(б)», в котором предлагалась «единственно верная» периодизация партийной истории. В 1939 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный самим И.В. Сталиным и ставший самым популярным пособием в этой области.

Преподаватели, выразившие хотя бы долю сомнения в правильности «генеральной линии», увольнялись из Института красной профессуры и Коммунистической академии. Г.С. Фридланд, декан исторического факультета МГУ, был расстрелян. Постоянно подвергался нападкам и обвинениям в троцкизме И.И. Минц. Старого большевика А.Г. Шляпникова обвинили в «меньшевистском» понимании истории, которое он якобы продемонстрировал в своих мемуарах. В сентябре 1937 г. Шляпников был расстрелян.

Перед ортодоксальными историками партии вставляли непростые вопросы. Объективная расстановка исторических акцентов затруднялась в связи с тем, что 11 членов ЦК были объявлены «врагами народа», а из ленинского состава Политбюро в 1930-е гг. репрессиям не подверглись только М.И. Калинин и сам И.В. Сталин.

II съезд РСДРП в курсе истории партии расценивался как предварительный и подготовительный, поскольку на нем не присутствовал Сталин. Официальная версия становления и развития ВКП(б) начинала приобретать анекдотические оттенки. В 1938 г. в журнале «Пропаганда и агитация» была опубликована статья М. Карачевского, где Октябрьская революция описывалась следующим образом: «...после короткой деловой информации товарища Сталина о положении дела Ленин утвердил все распоряжения Сталина и вместе с товарищем Сталиным возглавил восстание» [26].

М.И. Калинин

В ряде университетов исторические факультеты, упраздненные через некоторое время после революции, были

восстановлены лишь в 1934 г. Вскоре открылись историко-философско-филологические вузы в Ленинграде (ЛИФЛИ) и Москве (МИФЛИ). В 1936 г. перестала существовать Коммунистическая академия, зато появился Институт истории при Академии наук СССР.

Руководство страны было вынуждено признать, что старые университеты обеспечивали Российскую Империю высококвалифицированными научными работниками и преподавателями в области истории, русского языка и литературы, юридических и экономических наук. Ликвидация гуманитарных факультетов в старейших русских университетах была признана ошибочной. Уничтожение историко-филологических факультетов привело к нехватке университетских кадров по преподаванию русского языка; были полностью прекращены исследования по лексике, фонетике, морфологии, синтаксису.

В СССР долгое время отсутствовали учебные курсы истории мировой литературы и фундаментальные исследования по истории советской словесности. Упрощенное преподавание русского языка в школах и вузах культивировало безграмотность. Прекращение исследования научных проблем в области истории привело к вульгаризации схем исторического развития русского и других народов нашей страны.

Техника и естествознание

Важную роль в развитии науки сыграла созданная в 1927 г. Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО) во главе с основоположником советской биохимии А.Н. Бахом. Несмотря на то что технические и естественные науки тоже испытывали гнет идеологического воздействия, они смогли достичь крупных успехов. В 1929 г. была создана Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХ-НИЛ). Первым ее президентом стал выдающийся генетик Н.И. Вавилов. В академии работал талантливый селекционер И.В. Мичурин. В.Д. Прянишников и В.Р. Вильямс на академическом уровне занимались проблемами применения минеральных удобрений в сельском хозяйстве. В 1930-е гг. про-

должал проводить опыты и физиолог с мировым именем академик И.П. Павлов.

Достижения советской науки в 1930-е гг. могли быть занесены в Книгу рекордов Гиннеса, если бы таковая существовала в то время и если бы СССР не находился среди идеологически враждебного окружения.

Еще в начале XX в. К.Э. Циолковский теоретически обосновал возможность межпланетных полетов на космическом корабле с реактивной тягой. В 1929 г. Б.С. Стечкин опубликовал работу под названием «Теория воздушного реактивного двигателя», закрепив за советской наукой приоритет в этой отрасли.

В 1930-е гг. в Советской России активно разрабатывалась идея использования конструкций нового реактивного двигателя в авиапромышленности. В 1933 г. был основан Реактивный научно-исследовательский институт, в котором работали С.П. Королев и Ф.А. Цандер (он применял в качестве движителя пары бензина и сжатый воздух). В мае 1939 г. впервые испытали ракеты с реактивно-воздушным двигателем (конструктор И.А. Меркулов). Двухступенчатая ракета с взлетным весом 7 кг (вес топлива составлял 2 кг) достигла высоты 2 км. В 1940 г. в СССР впервые в мире состоялись летные испытания двигателей такой конструкции, они были установлены в качестве источников дополнительной тяги на самолете Н.Н. Поликарпова. Поскольку воздух, необходимый для сжигания горючего, они получали из атмосферы, их оказалось невозможно использовать для космических полетов. Ученые начали поиски иных путей решения проблемы.

В 1930 г. советские инженеры во главе с Ф.А. Цандером приступили к созданию жидкостно-реактивного двигателя, внутри которого вместе с топливом находился и запас окислителя. В 1933 г. прошло успешное испытание модели ОР-1, функционировавшей на бензине и сжатом воздухе, а также ее модификации ОР-2, использовавшей бензин и жидкий кислород. Конструкторское бюро Ф.А. Цандера и группа ленинградских ученых спроектировали ОРМ-1 — реактивный двигатель на жидком окислителе. А в 1940 г. состоялся первый полет самолета-ракетоплана с источником тяги подобного типа.

Наибольший вклад в развитие советской химической науки внесли создатель московской химической школы Н.Д. Зелинский, исследователь солей Н.С. Курнаков, предложивший теорию физико-химического анализа. С.В. Лебедев впервые в мире разработал способ промышленного производства синтетического каучука. Со временем учеными была предложена технология производства искусственных волокон, пластмассы.

С.И. Вавилов (брат знаменитого биолога) получил мировое признание, исследуя проблемы оптики, А.Ф. Иоффе изучал физику кристаллов и полупроводников. А.Л. Капица производил исследования в области микрофизики. В 1930-е гг. к интенсивным исследованиям атомного ядра приступили братья Курчатовы. Д.Д. Иваненко предложил протонно-нейтронную модель строения атомного ядра.

Потребность промышленности в высокопрочных сталях стимулировала развитие методов термообработки. Особую актуальность имела проблема закаливания металлов с целью повышения их прочности. К началу 1930-х гг. в Советском Союзе была разработана теоретическая основа для внедрения в производство высокочастотных совершенных машинных и ламповых генераторов. С учетом этих исследований в 1935 г. В.П. Вологдин и Б.Н. Ромашев предложили метод поверхностного закаливания металлов токами высокой частоты.

Начиная со второй половины 1920-х гг. в СССР интенсивно развивалась технология электросварки. В 1927 г. Д.А. Дульчевский предложил способ соединения медных деталей под слоем флюса (порошкообразного горючего вещества). В 1932 г. К.К. Хренов разработал метод подводной электродуговой сварки и резки металлов. В предвоенные годы академик Е.О. Патон внедрил в промышленное производство автоматическую скоростную сварочную линию.

В 1930 г. В.М. Маковский создал лабораторию для проектирования нового теплового двигателя — газовой турбины, способной вырабатывать энергию из продуктов подземной газификации углей. В 1940 г. стационарная газовая

А.Ф. Иоффе,
А.И. Алиханов и
И.В. Курчатов

Первый советский телевизор

турбина мощностью в 1 тыс. л.с. была построена на Харьковском турбогенераторном заводе.

В 1928 г. С.Я. Соколов разработал ультразвуковой метод дефектоскопии, позволявший путем просвечивания металлических деталей обнаруживать в них дефекты (например, нарушение однородности). В 1930 г. Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси предложили радиоинтерференционный метод изме-

рения расстояния. Теоретические разработки советских ученых легли в основу создания радионавигационных систем. В 1935 г. в Советском Союзе началась работа по конструированию радиолокаторов.

Становление советского телевидения также происходило в 1930-е гг. Наибольший вклад в развитие технологий передачи изображения на расстоянии внесли А.П. Константинов, С.И. Китаев, А.В. Москвин.

В 1940 г. в лаборатории академика А.А. Лебедева был создан электронный микроскоп, дающий увеличение в 66 000 раз.

Особую важность для развития народного хозяйства представляла техническая модернизация разведки и добычи полезных ископаемых. На рубеже 1920–1930-х гг. была усовершенствована аппаратура, регистрирующая колебания, распространяющиеся сквозь толщу горных пород. Именно с помощью такого метода, получившего название сейсморазведки, советские ученые производили исследование Грозненского нефтеносного района. В 1936 г. А.А. Логачев провел первые магнитные съемки с самолета с использованием аэромагнитометра, измеряющего величину вертикальной составляющей земного магнитного поля.

В 1938 г. советские инженеры сконструировали электробур, а в 1939 г. — многоступенчатый турбобур. Оба устройства были предназначены для более эффективного бурения разведочных и эксплуатационных скважин. К.Н. Щепотьев и В.П. Иванов усовершенствовали технологию бурения шахтных стволов большого диаметра.

П.А. Чихачев разработал первые образцы углепроходческих комбайнов. В конце 1930-х гг. комбайн ПК-1 прошел ис-

пытания на шахтах Подмоскownого и Кузнецкого бассейнов. А.И. Бахмутский работал над проектом горного комбайна, имея целью механизировать все процессы, сопровождающие добычу угля.

В 1940 г. на Волгоградском тракторном заводе была создана первая в Советском Союзе станочная автоматическая линия, соединенная конвейерами. Она предназначалась для обработки роликовых втулок к гусеничным тракторам.

Перечень достижений и открытий, появившихся на счету советской науки в 1930-е гг., позволяет говорить о том, что руководство СССР достаточно успешно решало задачи развития фундаментальной науки и системы высшего образования. Форсированная модернизация была обеспечена необходимым количеством грамотных технических специалистов, сопровождалась мощным развитием технологий и масштабной культурной революцией в советском обществе.

Ужесточение цензуры

Формируя тоталитарный режим, власть стремилась к абсолютному усилению административных рычагов в управлении культурой. В течение 1930-х гг. наряду с существовавшими многочисленными главками в этой сфере (Главлит, Главискусство, Главрепертком) был создан целый ряд органов отраслевого управления: Союзкино, Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию, Всесоюзный комитет по делам искусств и т.п. Кроме того, с 1920 г. в структуре ЦК действовал Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп), призванный контролировать общественно-политическую и культурную жизнь государства. А с 1935 по 1939 г. в ЦК имелись пять самостоятельных отделов, курировавших развитие образования, науки и культурно-просветительной работы.

Одной из первых жертв усиления контроля над культурой стал режиссер М.Ю. Левидов (Левит). В 1927 г. он поставил в Московском камерном музыкальном театре спектакль «Заговор равных», посвященный одному из сюжетов Французской революции. «Масса любит халтуру, и препятствовать ее вкусам мы не имеем права» [27] — выдвинув такой лозунг, Левидов перестарался в модернизации исторического материала. «Заговор

равных» рассказывал о кровавых междоусобицах в лагере французских революционеров. Левидов не учел, что в контексте борьбы с троцкистской оппозицией проводить какие-либо исторические параллели было рискованно. Спектакль запретили.

В декабре 1928 г. члены «Пролетарского театра» поделились со Сталиным опасениями по поводу перерождения художественной литературы и театра. Особенно их волновал успех произведений «реакционных» авторов. В трех крупнейших театрах Москвы (Художественном, Вахтанговском, Камерном) были поставлены четыре антисоветские по духу пьесы Булгакова: «Багровый остров», «Зойкина квартира», «Дни Турбиных» и «Бег».

Уже осенью 1929 г. Главискусство докладывало Секретариату коллегии Народного комиссариата просвещения о создании рекомендательных списков, в которых были представлены пьесы, кинофильмы и проекты изобразительных выставок, отражающие достижения индустриализации. Советской стране полагалось жить в лубочной атмосфере процветания и всеобщего счастья. В периодической печати и по радио запрещалось сообщать о стихийных бедствиях, эпидемиях, о террористических актах, антисоветских выступлениях кулацких элементов, рабочих волнениях на предприятиях.

В 1929 г. были проведены мощные кампании против писателей Е. Замятина и Б. Пильняка. Если Пильняка преследовали за опубликованную незадолго до этого повесть «Красное дерево», то Замятина критиковали за роман «Мы», опубликованный еще в 1924 г. Политическая цензура запретила произведение Замятина, поскольку читатель мог вынести из него предположение, что советское государство в конце концов подчинит себе не только внешнюю жизнь граждан, но и их внутренний мир. О романе «Мы» вспомнили, когда наступила необходимость установить контроль над относительно независимой Федерацией объединенных писательских союзов, в правлении которой состоял Е. Замятин. Сам писатель, никогда не опасаясь, опубликовал в «Литературной газете» гневный отпор своим критикам и демонстративно вышел из Всероссийского Союза писателей.

1930 г. стал последним в жизни В. Маяковского. Самоубийство поэта вызвало множество версий. Доподлинно известно

Государственный музей В.В. Маяковского в Москве

лишь то, что он застрелился из маузера, подаренного ему чекистом Я.С. Аграновым, а любимая женщина поэта Лиля Брик, ни на минуту не отпускавшая от себя Маяковского, была сотрудником ОГПУ. Таким образом власть постоянно контролировала жизнь поэта.

В начале 1930-х гг. был усилен цензурный контроль над издательствами. Политредакторы в соответствии с инструкциями Главлита могли перерабатывать или изымать целые отрывки из рецензируемых произведений. Если произведение было разрешено к печати, но в нем обнаруживались идеологически вредные моменты, цензор привлекался к ответственности перед судом и партийным контрольным органом. В то же время ЦК и Главлит периодически предостерегали политредакторов от перегибов в борьбе с «гнилым либерализмом». Считалось, что грубые перестраховки дискредитируют цензуру в глазах писателей, подрывают доверие к ней и затрудняют перевоспитание заблуждающихся литераторов.

Принято считать, что идеологический диктат в годы сталинизма был беспощаден. Тем не менее на страницах печатных изданий появлялись произведения, которые по своему содержанию были антисоветскими. Литературный обзор

А. Фадеев

Главлита за 1931 г. содержал беспощадную критику целого ряда произведений, опубликованных в столичных журналах. Журнал «Красная новь» представил читателям «кулацкую» повесть А. Платонова «Впрок» и роман Хаджи-Мурата Мугуева «Три жизни», в котором идеализировано «белое» юнкерство. В журнале «Ленинград» была помещена повесть В. Правдухина «Гугенот из Тиреберки» — повесть о судьбе потомка французских гугенотов, живущего в Архангельске и отчаянно сражающегося против советской власти. В журнале «30 дней» печатался роман «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, представляющий советскую действительность в сатирическом свете.

Повесть «Впрок» И.В. Сталин охарактеризовал как рассказ «врага народа», написанный с целью развенчания колхозного движения. Существует версия, что А. Фадеев буквально уговорил Платонова дать согласие на публикацию этой провокационной повести — таким образом он планировал повысить популярность журнала. Но после сталинского отзыва в «Красной нови» появилась критическая статья А. Фадеева под заголовком «Об одной кулацкой хронике». На пленуме РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), состоявшемся летом 1931 г., А. Платонов был назван «агентом буржуазии и кулачества в литературе». Писатель покаялся, и репрессий против него не последовало. В СССР было не так уж много талантов пролетарского происхождения.

Отрекаясь от повести «Впрок», Андрей Платонов не без иронии заметил, что раньше не понимал сути социалистического реализма, который предполагает некоторое идеологическое опережение в изображении действительности. Другими словами, в эпоху великих строек литература была призвана отображать действительность в соответствии с потребностями государственной идеологии.

Комитет по обустройству театрального дела упорядочивал и регламентировал театральную жизнь страны. Театры были объявлены стационарными учреждениями, переведены на государственные дотации и распределены в специаль-

ном списке по категориям. В каждом областном центре предполагалось наличие трех театров — драматического, музыкального и ТЮЗа.

Культура и национальный вопрос

В национальных республиках и округах создавались национальные драматические и музыкальные театры. Актеры оказались прикрепленными к определенным театрам и лишились права менять место работы без разрешения администрации. Главрепертком утверждал репертуар каждого театра на год вперед.

В феврале 1929 г. на встрече И.В. Сталина с украинскими писателями шла речь о создании международной социалистической культуры. Предполагалось, что она возникнет практически сама собой в виде конгломерата национальных культур живущих в СССР народов. От работников «культурного фронта» требовалось максимально развивать национальные культуры каждого народа, включая и малые народности. При этом Сталин подчеркнул особую роль родственного русскому малороссийского языка и основанной на нем культуры.

Однако вскоре по украинской интеллигенции был нанесен точно рассчитанный превентивный удар с целью искоренения сепаратистских настроений. Весной 1930 г. состоялся судебный процесс по делу мнимой организации «Союз вызволения Украины» (СВУ), возглавляемой М.С. Грушевским. Члены СВУ обвинялись в разжигании буржуазного национализма и шпионаже.

«Одемянивание» литературы

В начале 1931 г. Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) выдвинула лозунг «одемянивания» литературы (в честь популярного пролетарского поэта Демьяна Бедного), призвав собратьев по перу к созданию произведений, выражающих мысли и чувства миллионов рабочих и колхозников в понятной народу форме.

Вместе с тем еще в декабре 1930 г. Секретариат ЦК ВКП(б) предупредил редакции «Правды» и «Известий» о недопустимости охаивания России и всего русского, которое проявилось в опубликованных ими фельетонах «Слезай с печки» и «Без пощады», написанных пролетарским поэтом Демьяном Бедным в качестве героической агитации с целью поддержать трудовой энтузиазм первой пятилетки. Однако руководство страны сочло, что критика переросла в клевету на СССР, его прошлое и настоящее. В назидание литераторам было однозначно подчеркнуто, что лень не является национальной чертой русских людей, ведь русский рабочий класс самый революционный отряд мирового пролетариата.

Под лозунгом «Лицом к производству!» на новостройки и в колхозы, в республики и национальные округа с первых лет пятилетки регулярно выезжали бригады писателей. Популярным произведением о первой пятилетке стал роман «День второй» И. Эренбурга. В нем представлена эпическая панорама индустриального строительства, на ее фоне разворачиваются основные конфликты. Автор правдиво описывает тяжелые условия новостроек. Власть защитила И. Эренбурга от неумно активной критики и гневных обвинений в «сгущении красок и преклонении перед сюрреализмом». «День второй» был вскоре издан в Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Франции.

Конец многообразия в искусстве

23 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) постановил ликвидировать Российскую и Всесоюзную ассоциации пролетарских писателей (РАПП и ВАПП). Ликвидации подлежали также АХРР (Ассоциация художников революционной России), РАПМ (Российская ассоциация пролетарских музыкантов) и другие творческие организации. Отныне художники, режиссеры, архитекторы, писатели были обязаны выражать лояльность советской власти — критика советского строя более не допускалась.

Вместо многочисленных творческих объединений, до некоторой степени обеспечивавших для творческой интеллигенции независимость от власти, возникли союзы архитек-

торов, композиторов, писателей, художников и т.д. Они осуществляли контроль над искусством совместно с редакторами, издательствами, Главлитом, Главреперткомом. Членство в таких структурах (Союзе писателей СССР и пр.) становилось обязательным: исключение из творческого союза превращало художника в изгоя. Материальное благосостояние творческой интеллигенции в значительной мере зависело от администрации союзов.

В конце мая 1932 г. Оргкомитет Союза писателей (куда, кстати, вошли бывшие лидеры РАПП — А. Фадеев, В. Киршон, Л. Авербах) обновил редакционные коллегии всех литературных газет и журналов.

17 августа 1934 г. открылся Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Средний возраст прибывших на него делегатов составлял 35 лет. На выставке, устроенной в фойе Дома союзов, были представлены лучшие произведения новой социалистической литературы: «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Петр Первый» А. Толстого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Время, вперед!» В. Катаева, «День второй» И. Эренбурга.

Основным принципом творчества на съезде провозглашался гуманизм, а творческим методом — социалистический реализм, который «правдиво и исторически конкретно отображал действительность в ее революционном развитии» [26]. Это означало, что главным критерием при оценке произведения искусства становилась его идейная направленность. На съезде активно обсуждались проблемы развития многонациональной литературы. В то же время власть призывала писателей уделять больше внимания проблемам войны, фашистской угрозы и борьбе за мир. (Из 600 делегатов съезда около 150 были к 1939 г. репрессированы, в том числе писатели Б. Пильняк, И. Бабель, И. Катаев и др.)

В середине 1930-х гг. руководство страны предприняло по-

Здание, в котором находится музей Н.А. Островского в Москве

пытку (правда, неудачную) активно использовать международную общественную деятельность интеллигенции в борьбе против милитаризации и фашизма. В СССР функционировали Международная организация революционных писателей (МОРП), Международная организация революционных художников (МОРХ), Европейский комитет по борьбе против империалистической войны и фашизма, международные ассоциации театральных деятелей и писателей в защиту культуры и др. Однако создать действенный и эффективный антифашистский фронт во всемирном масштабе не удалось. Контакты советских писателей и художников с зарубежной творческой интеллигенцией не прекращались, но в 1930-е гг. они не выходили за рамки индивидуальных поездок и в основном сводились к показу кинолент, отдельным выставкам и гастроллям театральных трупп.

Борьба за упрощение форм

В 1936 г. власть инициировала борьбу за упрощение форм музыкальных и художественных произведений. В «Правде» была опубликована редакционная статья «Сумбур вместо музыки», посвященная опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Опера критиковалась за нарочито нестройный поток звуков, «ошарашивающий», по выражению автора статьи, слушателя с первой же минуты. Утверждалось также, что следить за такой музыкой трудно, а запомнить ее почти невозможно: выразительность, необходимая слушателю,

Г. Александров
и Д. Шостакович

заменена бешеным ритмом. Далее говорилось, что композитор явно ориентируется не на широкую советскую аудиторию, а на потерявших здоровый вкус эстетов-формалистов. Дмитрий Шостакович принял критику и впоследствии старался перестроить свое творчество, чтобы его музыка была понятна широкому кругу слушателей. Как была понятна написанная четыре года ранее на стихи Б. Кор-

нилова «Песня о встречном»: «Не спи, вставай, кудрявая, в цепях звеня, страна встает со славою на встречу дня!». Термин «встречный план» был чрезвычайно популярен в 30-е гг.

В ноябре 1936 г. Политбюро запретило оперу А. Бородина «Богатыри», поставленную А. Таировым в Камерном театре по либретто Демьяна Бедного. Комитет по делам искусства резюмировал, что недопустимо очернять богатырей русского былинного эпоса, которые в массовом сознании являются носителями героических черт русского народа. Отмечалось, что в пьесе издевательски изображается крещение Руси, которое следует рассматривать как положительный этап в истории русского народа, поскольку с принятием христианства славяне приобщились к уникальной византийской культуре. Опера «Богатыри» была признана чуждой советскому искусству. Демьян Бедный говорил в свое оправдание, что фарсовый и пародийный тон либретто вызван легкомысленным характером музыкального жанра, а неправильное толкование крещения — привычкой к антирелигиозной пропаганде. Поэт очень удивлялся резким критическим отзывам на оперу — ведь текст либретто и идею оперы в целом он предварительно согласовывал с соответствующими контрольными органами. Гроза разразилась после того, как на представлении побывал В.М. Молотов. Кампания против авторов оперы была санкционирована сверху, что и сыграло главную роль. Незадолго до постановки «Богатырей» в Московском Театре сатиры шло представление Н. Адуева «Крещение Руси» — о том, как пьяный князь Владимир крестил киевлян. Однако оно не вызвало столь негативной реакции.

Летом 1936 г. произошли радикальные перемены в экспозициях музеев изобразительного искусства. Из Государственной Третьяковской галереи и

Афиша выставки произведений нового изобразительного искусства

Русского музея были изъяты произведения русского модернизма и авангарда (в том числе картины, созданные группой «Бубновый валет»), а хранителям предлагалось достать из запасников картины и скульптуры лучших мастеров-реалистов конца XIX — начала XX в.

Судьбы писателей

Большой террор унес жизни многих деятелей литературы и искусства. Были репрессированы поэты Н. Клюев, В. Наседкин и О. Мандельштам, режиссер В. Мейерхольд. Список жертв огромен. Однако вряд ли правильно объяснять преследования творческой интеллигенции исключительно ненавистью И.В. Сталина к свободомыслию. Многие из литераторов и художников попали в застенки НКВД по причине бушевавшей в стране истерии, в ходе которой выявлялись все новые и новые «враги народа». Даже М.А. Шолохов, воспевавший в «Поднятой целине» коллективизацию, едва не стал жертвой кубанского отдела ОГПУ. Кроме того, имел значение и фак-

«Дом артистов», в котором находится музей-квартира В.Э. Мейерхольда (Москва)

тор личных отношений. Например, М. Кольцов попал под маховик репрессий главным образом за свою дружбу с Н.И. Ежовым, а И. Бабель, по слухам, имел интимную связь с женой Ежова.

В январе 1931 г. Борис Пильняк написал И.В Сталину письмо, в котором жаловался, что ОГПУ не выпускает его за границу. Он по-настоящему верил, что истинный революционный писатель должен быть правдив перед историей и читателем. Повесть «Красное дерево», на которую обрушилась лавина критики, Б. Пильняк признал ошибочной и честно попытался искупить вину, написав роман «Волга впадает в Каспийское море». Произведение вскоре перевели на восемь иностранных языков. В «Известиях ЦИК» печатались очерки Б. Пильняка о Таджикистане. Буржуазная пресса пыталась изобразить его мучеником, однако писатель сделал заявление, подчеркнув, что он гордится историей последних лет своей страны.

Б. Пильняк задумывал создать эпическое полотно, в котором была бы отражена история земного шара и процессы соиздания, протекавшие в нашей стране, в противовес затухающим ритмам истории всего остального мира. Писатель несколько раз бывал за границей, и у него никогда не возникло мысли о том, чтобы там остаться. «Я должен ехать домой. Вне России я чувствую себя словно рыба, вынутая из воды. Я просто не могу писать и даже ясно думать нигде, кроме как на русской почве», — отвечал он на вопросы журналистов. В октябре 1937 г. Б. Пильняк был арестован, а 21 апреля 1938 г. расстрелян, хотя он не мыслил своего творчества вне России и готов был пойти на компромисс с властью относительно свободы творчества.

Осипа Мандельштама арестовали за стихи о Сталине, начинавшиеся словами: «Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца». В конце 1938 г. поэт сгинул в ГУЛАГе. В судьбе Мандельштама зловещую роль сыграл тогдашний председатель Союза писателей СССР В.П. Ставский, лично просивший Н.И. Ежова решить вопрос о Мандельштаме, «авторе похабных стихов» о руководстве партии.

Во второй половине 1930-х гг. было репрессировано около 2000 писателей, половина из них расстреляна. В то же время в страшные годы Большого террора случались и истории иного рода.

В 1931 г. писатель Е. Замятин в письме к И.В. Сталину признавал, что его творчество содержит множество оснований для нападков, потому что он привык не кривить душой и не раболепствовать перед генеральной линией — ведь это унижает и писателя, и революцию. Евгению Замятину, большевику с дореволюционным стажем, который сидел в свое время в царской тюрьме, дважды побывал в ссылке и преследовался судом за антимилитаристскую повесть, написанную во время Первой мировой войны, разрешили покинуть СССР. В марте 1938 г. он умер в Париже.

С лета 1938 г. поэт Михаил Голодный попал под прицел органов ОГПУ как участник троцкистской террористической группы Тер-Ваганяна (сам В.А. Тер-Ваганян к тому времени был уже расстрелян). Действуя проверенными методами, чекисты смогли доказать виновность поэта во всех инкриминируемых ему преступлениях. Однако в 1939 г. М. Голодный без каких-либо проблем перешел из кандидатов в члены ВКП(б). Сыграло роль то обстоятельство, что поэт был автором текстов полюбившихся народу песен «Про конницу Буденного», «О Щорсе», «О партизане Железняке». Их изъятие из репертуаров ансамблей разрушило бы созданный в сознании народа миф о Гражданской войне. Подобная история произошла и с поэтом Михаилом Светловым — автором «Кажовки» и «Гренады». Он остался невредим, хотя и вел в те го-

ды, по мнению зорко надзирающих за писателями и поэтами органов, «яростную» антисоветскую пропаганду.

В октябре 1939 г. в ОГПУ поступил донос на Андрея Платонова. Писатель якобы заявлял, что общие условия для литературного творчества очень тяжелы: авторы находятся во власти бездарностей, которым партия доверила развитие литературы. Доносчик приводил также и

М. Светлов

другое высказывание Платонова: отсутствие бумаги будто бы является причиной того, что издаваться могут лишь избранные, и особо тягостен контроль «литературных милиционеров и перестраховщиков». Несмотря на донос, Платонова не арестовали.

Всесилие Главлита

В период Большого террора была ужесточена политическая цензура печатных изданий. Власти опасались, что с помощью сведений, публикуемых в газетах и журналах, немецкие шпионы могут составить представление о военном потенциале СССР. Действительно, как докладывали органы НКВД, за 1936 и 1937 гг. в советских печатных изданиях было раскрыто расположение 195 гарнизонов, гидротехнических сооружений, электростанций, схемы связи в пограничных районах страны. Кроме того, опубликованные данные позволяли определить мощность производства синтетического каучука, азота, метилового спирта. Было разглашено местонахождение всех строящихся радиостанций, представлены сведения обо всех железнодорожных станциях, осуществляющих транспортные операции с взрывчатыми грузами. В самом Главлите заинтересованные лица украли три экземпляра секретных списков заводов оборонной промышленности с их месторасположением и характеристикой производства.

В 1939 г. окончательно оформилась структура 2-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) при НКВД. Его основные функции заключались в борьбе с антисоветскими элементами в среде академической, научно-технической, гуманитарной, медицинской интеллигенции, деятелей литературы и искусства, управленческого аппарата и молодежи. Из 11 отделений ГУГБ четыре имели прямое отношение к политической цензуре.

Для политической цензуры предусматривались следующие функции: контроль за репертуаром художественно-зрелищных предприятий республиканского и регионального значения, утверждение проектов архитектурных и скульптурных сооружений, наблюдение за деятельностью союзов

работников различных отраслей искусства, координация деятельности профсоюзных и общественных организаций в области художественной самодеятельности.

В 1940 г. был даже принят годовой План развития искусства, нацеленный на повышение идейного и художественного уровня произведений, расширение сети культурных учреждений. Во всех отраслях искусства намечалось увеличение количественных показателей.

Контроль над материалами в эфире наряду с идеологическими задачами препятствовал превращению радиовещания в откровенный фарс. Например, уполномоченные Свердловского обллита сообщали, что были случаи, когда после доклада о социалистическом соревновании и субботниках концертное отделение начиналось песней «Замучен тяжелой неволей».

Текст политической передачи нередко иллюстрировался частушками или несоответствующей музыкой. В сельских новостях однажды был передан следующий текст: «Подбельская МТС Средне-Волжского края 18 июня (1933 г.) проводит праздник коня. На празднике примут участие 700 лошадей. Приглашен М.И. Калинин». А после окончания трансляции с Красной площади, где страна встречала спасенных героев-челюскинцев, один из ведущих заявил в микрофон: «Комедия окончена».

В радиовещании преобладали передачи пропагандистского характера. Однако наряду с чтением передовиц из газет художественный эфир щедро заполнялся трансляциями из оперных театров, концертами классической и народной музыки.

Радиопропаганду в целом отличал невысокий профессиональный уровень текстов. К тому же удручало однообразие жанров (беседа, лекция, литературная композиция) и содержания. Предлагались, например, такие беседы: «Ленин и Сталин — вожди и организаторы Красной Армии», «Поднять теоретический уровень и политическую закалку наших кадров», «Работа академика Лысенко и яровизация сельскохозяйственных продуктов». На этом однообразном фоне художественное и музыкальное вещание являло некое откровение для слушателя.

Объем музыкальных программ к середине 1930-х гг. занимал половину эфирного времени. Ведущее направление было представлено классической музыкой отечественных и зарубежных композиторов. Слушатели знакомились с различными музыкальными эпохами и стилями. Устраивались всесоюзные радиопремьеры — таким путем обрели всенародную известность оперы «Броненосец «Потемкин» О. Чишко, «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича, «Дума про Опанаса» В. Юровского. Танцевальная и джазовая музыка, негласно запрещенная для трансляции в эфире, звучала в ресторанах. Особенно популярными были патефонные записи джаз-оркестров под управлением Л. Утесова и А. Варламова.

Обложка пластиинки с записями Л. Утесова

Структура радиовещания постоянно усложнялась, были образованы сектора общественно-политического вещания, самообразования, искусства, детского вещания, интернациональных передач. Специальные редакции готовили радиотрансляции для самых различных групп населения: колхозников, красноармейцев, молодежи, женщин и т. д.

В 1930-е гг. был широко распространен жанр репортажа. Он параллельно развивался в публицистике, радиожурналистике и документальном кино. Репортеры с микрофонами вели рассказ о встрече челюскинцев, о работе лаборатории академика Павлова, о праздничных парадах на Красной площади и создавали у слушателей эффект личного присутствия в центре события.

Изобразительное искусство тоже было призвано прославлять успехи страны. Попытки отойти от пропагандистских принципов социалистического реализма расценивались как выражение буржуазных явлений — формализма и декадентства. Наиболее талантливые живописные и скульптурные произведения, посвященные трудовым подвигам советского народа, были представлены на Всесоюзной художественной выставке, состоявшейся в 1938 г. в Москве. К классическим образцам изобразительного искусства принадлежала картина Б. Иогансона «На старом Уральском заводе». Мону-

Скульптурная группа
«Рабочий и колхозница»
(В. Мухина)

ментальная скульптурная группа В. Мухиной «Рабочий и колхозница» символизировала торжество созидательного труда, свободы и непобедимых гуманистических проявлений человеческого духа.

В 1930-е гг. создавали свои произведения такие талантливые художники, как П. Корин (портреты исторических деятелей), П. Соколов-Скаля (батальные сцены), Кукрыниксы — работавшие под этим псевдонимом М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов (юмористические рисунки), К. Петров-Водкин, А. Дейнека, С. Герасимов.

19 ноября 1935 г. на творческой конференции Московского отделения союза художников (МОСХ) с резким заявлением выступил Д.П. Штеренберг, бывший руководитель Общества художников-станковистов. Он обвинил руководство МОСХа (Бродского, Герасимова, Кацмана) в навязывании живописцам своих вкусов и установок. Штеренберг утверждал, что он сам и другие художники голодают, а социалистический реализм подменен коммерческим. Далее он сказал, что в советском искусстве отсутствует свобода творчества, а само творчество превратилось в продажный труд.

Выступление Штеренберга имело большой успех, его поддержали артист Камерного театра С. Михоэлс, художник А. Дейнека и писатель И. Эренбург. Все проблемы руководства МОСХа заключались в том, что в 1935 г. хозяйственная организация Союза художников задолжала живописцам за исполнение работ до 100 000 руб. Особо страдали молодые художники, не получавшие зарплату в течение полугода. Упорно множились слухи о непрочном положении лидеров МОСХа, и грозный обличитель Штеренберг чувствовал за спиной невидимую поддержку партии.

В 1930-е гг. больших высот достигло творчество композиторов — С.С. Прокофьева, И.О. Дунаевского, Д.Д. Шостаковича.

ча, А.И. Хачатуряна, А.В. Александрова, З.П. Палиашвили. Спектакли мирового уровня ставились в Большом театре («Руслан и Людмила»), во МХАТе («Любовь Яровая»), в Камерном театре («Оптимистическая трагедия»). Эта эпоха была отмечена бурной творческой активностью музыкантов: никогда у нас в стране так много не пели и не танцевали. И.В. Сталин лично отмечал таланты скрипача Б. Гольдштейна, композитора И. Держинского (автора оперы «Тихий Дон»), сценариста Н. Эрдмана (кинофильмы «Веселые ребята», «Волга, Волга»), певца Л. Утесова.

Кино эпохи сталинизма

В течение десятилетия на экраны вышел целый ряд талантливых кинофильмов, проникнутых пафосом социалистического строительства и героикой революции: «Путевка в жизнь» Н. Экка, «Чапаев» Г. и С. Васильевых, «Веселые ребята» и «Волга, Волга» Г. Александрова, «Петр I» В. Петрова, «Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Мы из Кронштадта» Е. Дзигана, «Трактористы» И. Пырьева, «Щорс» А. Довженко. Кинематограф как самый доступный, самый понятный и самый зрелищный вид искусства становился все более популярным, зарубежные кинокартины окончательно вытеснялись отечественными фильмами. Например, на фильм «Чапаев» ходили

Афиша фильма «Волга, Волга»
(режиссер Г. Александров)

цехами, воинскими частями, пионерскими дружинами — за первый год после выхода на экраны его посмотрели около 30 млн человек.

Выходившие на экран исторические фильмы («Петр I», «Александр Невский», «Иван Грозный») представляли зрителю могучих героев-правителей, стремящихся создать мощное государство, но вынужденных преодолевать сопротивление бояр-изменников. В финале отступников казнят, а народ славит жесткого, но справедливого владыку.

В это время появились и кинокартины с откровенными антиисторическими выдумками. Например, в 1937 г. режиссер М. Ромм снял фильм по сценарию А.Я. Каплера «Ленин в Октябре». Роль Сталина в октябрьских событиях 1917 г. в этой киноленте традиционно преувеличена. Ленин не совершает каких-либо поступков без предварительного совещания со Сталиным. Практически все опальные и репрессированные представители ленинской гвардии в фильме отсутствуют. В целом кинокартина свидетельствует о том, что съемочная бригада перестаралась в стремлении сделать идеологически верный фильм.

Но в условиях культа личности фильм не мог выйти на экраны в ином виде. Руководство страны осторожно и при-

дирчиво оценивало произведение искусства на исторические темы. Сыграло роль и конкретное обстоятельство: во время съемок фильма был репрессирован финский большевик Э. Рахья, сопровождавший Ленина в Смольный, в картине он подменен вымышленным «товарищем Василием». Процесс создания фильма курировали председатель Комитета по делам искусств П.М. Керженцев и руководитель кинематографии Б.З. Шумяцкий.

Афиша фильма «Ленин в 1918 году» (режиссер М. Ромм)

В новом фильме М. Ромма, также по сценарию А. Каплера, «Ленин в 1918 году» Н.И. Бухарин

представлен как главный инициатор покушения на жизнь Ленина. После выстрела Ф. Каплан раненый Владимир Ильич вызывает Сталина, чтобы сделать последние распоряжения.

Потери в области культуры

Потери русской национальной культуры в 1930-е гг. носили катастрофический характер, хотя, по существу, не были столь неизбежными, как другие жертвы во имя сталинской модернизации.

В год «Великого перелома» с целью удовлетворения валютного голода за границу была продана часть художественных коллекций Эрмитажа и Музея нового западного искусства в Москве. Картины Веласкеса, Тициана, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса уходили за бесценок — прибыль составила только 6 млн долл. Вскоре советское правительство заключило с западными странами договор о продаже редких старинных экспонатов и произведений живописи на сумму в 100 млн долл.

Во время архитектурной перестройки Москвы был нанесен серьезный ущерб культурному достоянию страны. В декабре 1931 г. по распоряжению властей взорвали храм Христа Спасителя, построенный в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Кроме того, были уничтожены Страстная монастырь, Сухарева башня, Казанский собор, значительная часть стены Китай-города и древнейшая церковь на территории Кремля — храм Спаса на Бору.

На месте снесенного храма Христа Спасителя предполагалось соорудить величественный и грандиозный, высотой 415 м, Всесоюзный Дворец Советов по проекту архитектора Б. Иофана, но работы по его возведению прекратились с началом Великой Отечественной войны. Впоследствии, в 1960 г., на этом месте был сооружен открытый бассейн «Москва», просуществовавший до 1993 г. Строительство бассейна вызвало недовольство православных, в те годы ходила поговорка: «Был храм, потом хлам, а теперь — срам».

По всему Советскому Союзу в 1930-е гг. было закрыто около 25 тыс. церквей (с конфискацией храмовых убранных

в пользу восстановления народного хозяйства) и 500 монастырей. Архитектурные ансамбли, имеющие большую общекультурную значимость, превращались в амбары и склады. 50 тыс. старинных зданий, 2000 усадеб оказались разрушенными. На Украине снесли древнейшую церковь Пирогоща, упоминаемую еще в «Слове о полку Игореве».

Духовная жизнь советского общества развивалась в атмосфере подавления свободного творчества. Все шаги государственной власти были направлены на создание необходимого культурного фона, обеспечивающего идейное единомыслие советского народа, пропаганду патриотизма и готовности к самопожертвованию во имя воплощения в жизнь идеального «светлого будущего».

Власть и художественная интеллигенция

В качестве программного заявления позиции власти по отношению к интеллигенции можно рассматривать статью А.В. Луначарского «Ленин о культуре», опубликованную в «Правде» в январе 1930 г. Бывший нарком просвещения, ссылаясь на В.И. Ленина, говорил о неуклонном обострении классовой борьбы в культурной сфере. «Врагами народа» объявлялись представители интеллигенции: академики «с европейскими именами и патриархальными седидами»; желчные писатели, которые «мажут ворота дегтем под предлогом преданности художественной правде»; учителя, распространяющие антисоветские шутки. Все они якобы стремятся окутать ядом «и колеблющегося крестьянина-середняка, и неустойчивые прослойки служащих, и несложившуюся молодежь» [5].

А.В. Луначарский призывал к бдительности и осторожности, потому что очищать советское общество от враждебных ему элементов следовало энергично, но в то же время осторожно: одних требовалось «резать и жечь», других — поддерживать и перевоспитывать. Бдительная осторожность, по мнению наркома просвещения, призвана охранять советское культурное наследие «во всех областях марксистской философии и методологии — в общественных науках, в реформе естествознания, теоретической и практической педагогики, искусствоведения и, наконец, в форме собственных

продуктов художественного творчества, оформляющего наши идеи и чувства и широко захватывающего массы» [5].

Тем не менее было бы неверно считать, что, перекраивая на большевистский аршин наследие российской культуры, И.В. Сталин руководствовался исключительно собственной прихотью. На встрече с украинскими писателями он выразил убеждение, что советских авторов не стоит преследовать, травить и заставлять уезжать за границу, потому что каждый из них в состоянии исправить свои ошибки.

На этой же встрече вождь отмечал, что, хотя Всеволод Иванов, Борис Лавренев, Михаил Булгаков — «чужие» для советского народа люди, они приносят гораздо больше пользы, чем писатели-коммунисты, которые пишут нехудожественно и плохо. Роман М. Булгакова «Белая гвардия» И.В. Сталин расценивал как антисоветское произведение и все же считал его очень полезным для формирования советского образа мысли. Ведь Турбины, сильные и честные люди, признали непобедимость большевиков.

Сталин полагал, что литература должна приносить стране практическую пользу. Вождь указывал А.М. Горькому, что Советскому Союзу нужны рассказы, описывающие ужасы империалистической войны и подводящие читателя к мысли о необходимости свержения правительств, организующих такие войны. Руководство СССР разделяло точку зрения драматурга К. Тренева, который утверждал, что произведение, не имеющее художественной ценности, не способно воспитывать «хорошие чувства».

А.М. Горький, признанный патриарх советской литературы, полностью поддерживал коллективизацию деревни. Он считал, что крестьянство необходимо избавить от мелкобуржуазных инстинктов, открыть ему дорогу в светлое социалистическое будущее. Именно Горькому принадлежит афоризм, провозгла-

Музей «Булгаковский дом»
(Москва)

Особняк, в котором с 1931 по 1936 г. жил А.М. Горький (Москва)

сивший беспощадную борьбу с кулачеством: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Писатели и поэты не сразу уловили тот исторический поворот, после которого даже представителям старой большевистской гвардии было запрещено критиковать политику партии. В 1930 г. на допросах в ОГПУ поэт Василий Наседкин, не опасаясь последствий, говорил о том, что партия неудовлетворительно борется с перегибами в коллективизации сельского хозяйства. Политика партии в области литературы (а именно призыв писать только на злободневные темы) способствовала появлению целого слоя попутчиков, халтурщиков и приспособленцев.

Иной позиции придерживался Осип Мандельштам. Поэт считал, что «разрешенные» художественные произведения — это «мразь», а написанные без разрешения — «ворованный воздух». «Писателям, которые пишут заведомо разрешенные вещи, — писал он в дневнике, — я хочу плевать в лицо, хочу бить их палкой по голове... Этим писателям я бы запретил вступать в брак и иметь детей... ведь их отцы запродааны рябому черту (И.В. Сталину. — *Ред.*) на три поколения вперед» [27].

В декабре 1931 г. в докладе об антисоветской деятельности интеллигенции ОГПУ сообщило, что религиозные настроения, связанные с философской мистикой Запада, владе-

ют значительной частью советской интеллигенции. Была разоблачена московская подпольная организация антропософов, состоявшая из педагогов и работников библиотек.

В своем дневнике Андрей Белый подробно раскрывает философско-политические взгляды подпольщиков. В своеобразном манифесте писателя отмечается, что идеи социального ритма осознаются большевиками очень приблизительно. Руководство страны свободно оперирует понятиями «община», «коллектив», «индивидуум», но редко задумывается о глубинном смысле этих слов. Духовные поиски привели подпольных мыслителей-антропософов к простой формуле: Запад гибнет от опухолей брюха, а Восток — от невежества. Но Восток не должен оперировать опухоль: СССР рискует разрезать и Запад, и себя.

А. Белый считал, что интерес к науке, к миру, к искусству, к человеку не востребован в Советском Союзе. Декретами якобы отменили достижения тысячелетий и открыли эпоху «небывалого подъема». В глазах прохожих поэт читал переутомление, злость, страх и недоверие вместо радости. Причина такого положения, по мнению А. Белого, заключалась в уничтожении старой интеллигенции, «действительной соли земли, без которой народ — не народ». «Мы — люди нового сознания, — как Ной, должны строить ковчег, и он в усилиях распахнется в космос. Даже гибель земли — не гибель вселенной, а мы — люди вселенной, ибо мы — вселенная» [27].

Мистико-идеалистическая философия противопоставлялась засилью материализма в СССР: опираясь на нее, интеллигенция отвергала социально-экономические реалии советской цивилизации. Руководство страны считало монополию материализма незыблемой. Литература и театр, не проповедовавшие героике революции и социалистического строительства, оказывались ненужными (утверждалось, что исследовать глубины человеческой души можно лишь в понятной массам форме).

Трагедия представителей старой интеллигенции, искренне перешедшей на сторону советской власти и поддержавшей социальный эксперимент большевиков, заключалась в том, что они были против искусственного упрощения, вульгаризации изложения мыслей и чувств. Однако руководство партии полагало, что одна из важнейших функций искусства —

агитационная; она не отличается сложной для массового читателя формой и призывает к совершению подвигов и достижению трудовых рекордов. И все же многие из представителей художественной интеллигенции (например, Борис Пастернак) осознавали, что, являясь гражданами этой страны, они имеют перед ней определенные обязательства.

Власть сделала ставку на поэтов и писателей, пришедших в литературу буквально «от сохи», «от станка». Безусловно, качество произведений снизилось при этом на порядок, но в то же время появилось новое поколение интеллигенции, генетически связанное с классами рабочих и колхозников, создававшее понятные им образы, говорившее с ними на одном языке. Под лозунгами поощрения выдвигенцев-ударников, литературных призывников происходило ускоренное превращение молодых пролетариев и крестьян в литераторов. Культурный прорыв совершался не вглубь, а вширь, культурная революция преображала жизнь советского народа.

И.В. Сталин действовал с учетом того, что действительно талантливые, но «идеологически неверные» литературные произведения следует сохранить для последующих поколений, поскольку в данный момент их публикация не отвечает задачам дня. Широко известно отношение вождя к творчеству М. Булгакова. Менее известен другой факт: Борис Пастернак отказался подписывать коллективное письмо литераторов, призывавших казнить М.Н. Тухачевского и других генералов. В письме к И.В. Сталину поэт сослался на свои толстовские убеждения, и вождь распорядился оставить в покое «этого небожителя».

Критика, обрушившаяся на профессора Е.В. Тарле, который опубликовал в 1937 г. исторический труд «Наполеон», связана с двумя обстоятельствами: во-первых, Тарле после дела «о заговоре историков» носил ярлык «контрреволюционного публициста», а во-вторых, редактором книги был «троцкистский бандит» К.Б. Радек. Однако газеты «Правда» и «Известия» защитили опального профессора (скорее всего, благодаря распоряжению сверху). Власть не разбрасывалась научным потенциалом страны без особых причин. С Тарле была снята судимость, его снова объявили академиком, впоследствии он дважды становился обладателем Сталинской государственной премии.

Однако лучшие представители творческой интеллигенции работали под лозунгом, сформулированным Михаилом Булгаковым: «Писатель всегда должен быть в оппозиции к власти, пока власть будет в оппозиции к культуре, к общечеловеческим ценностям» [27]. Разумеется, писатель не принимал в расчет, что отказ власти от принципов гуманности и переход к чрезвычайной политике виделся советскому руководству единственным выходом из той исторической ловушки, в которой в конце 1920-х гг. оказался СССР. Поэтому власть сочла нужным отреагировать упреждающе на творчество крестьянского поэта Николая Клюева, заявлявшего, что процесс коллективизации губелен для советского народа, и называвшего Беломорско-Балтийский канал «смерть-каналом». В 1934 г. Клюев был сослан в Сибирь, а в октябре 1937 г. расстрелян.

Искусственное подавление свободомыслия в среде творческой интеллигенции привело к появлению и развитию феномена «оглядывания». Его основные черты описал режиссер А.Я. Таиров, заявивший, что с оглядкой пишут все авторы, даже партийные, т. е. периодически и у них возникает чувство, что некоторые места их произведений цензура точно не пропустит.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1930-Е ГГ.

Сталинская концепция «социализма в одной, отдельно взятой стране», фактически означала и отказ от прежнего курса на мировую революцию. Международная политика — это замечательный полигон для проверки любой идеологии. Когда на мировую авансцену выходят реальные и конкретные геополитические интересы, любые выдвигаемые государствами лозунги часто оказываются при ближайшем рассмотрении лишь прикрытием этих интересов. «Защита европейской демократии», «интересы немецкой нации», «пролетарская и коммунистическая солидарность» — громкие лозунги тех лет, под прикрытием которых неумолимо надвигалась угроза новой мировой войны.

Советская дипломатия: смена вех

Постепенно Советский Союз пересматривал свое отношение к «враждебному» капиталистическому окружению, а Запад, в свою очередь, пытался по-новому взглянуть на СССР. Тем более, что внутри и Запада, и Советов не было единой точки зрения на основные ориентиры международной политики.

Главное, что Советский Союз постепенно и неуклонно все больше укоренялся в геополитической системе, даже не смотря на то что СССР отказался платить долги царского правительства и не отказался от роли центра мирового коммунистического и освободительного движения. На всегда присутствующую западной внешнеполитической практике систему двойных стандартов Советский Союз ответил своей системой двойных ценностей: «пролетарское» государство заключало нормальные дипломатические и торговые отношения с «буржуазно-помещичьими» странами, а контролируемый Москвою Коминтерн пытался дестабилизировать обстановку в этих странах и сбросить их правительства. В 30-е гг. и СССР, и Запад постепенно вырабатывали новую систему знаков и кодов внешнеполитической деятельности, где часто официальные идеологические заявления шли вразрез с той

Международные отношения СССР в 1930-е гг.

И.В. Сталин

конкретной «реальной политической» и «коммунистической экспансией», в которой обе стороны так настойчиво обвиняли друг друга долгие годы. Окончательно эта своеобразная система сложится в послевоенную эпоху.

Мировой экономический кризис рубежа 20–30-х гг. повысил значение СССР как потенциально-го потребителя промышленной продукции капиталистических

стран. Запрограммированная на геополитические кризисы Версальская система также делала почти неизбежным усиление советских позиций в послевоенной (и предвоенной) Европе и мире в целом.

Наконец, внешняя политика стала еще и сферой внутрипартийных разборок. Сталину удалось освободить Коминтерн от своих «левых» и «правых» оппонентов (его первого председателя Г.Е. Зиновьева, а также Н.И. Бухарина, К. Радека и др.), заменив их на лояльных исполнителей под номинальным руководством Д. Мануильского, за которым присматривал набиравшийся дипломатических знаний В.М. Молотов. Настоящие же бразды правления Коминтерном перешли в руки самого Сталина.

Наркомат иностранных дел покинули близкие к Л.Д. Троцкому дипломаты А. Иоффе и Л. Карахан. Вместо Г. Чичерина наркомомом иностранных дел утвердили М. Литвинова (исполнявшего свои обязанности до мая 1939 г.), которого также можно было рассматривать как промежуточную фигуру, опять-таки смещенную на этом посту тем же В.М. Молотовым.

Именно Сталину, контролировавшему теперь и советскую внешнюю политику, можно поставить в заслугу вполне рациональную замену основных ориентиров для поведения «рабоче-крестьянского» государства на мировой арене. Государственные интересы одного, отдельно взятого государства — СССР начала 30-х гг. — теперь окончательно становятся выше перспектив раздувания мировой революции. Перспективы последней фактически находятся в зависимости от конкрет-

ных нужд СССР. В 1933 г. прямые идеологические постулаты отбрасываются еще дальше: СССР теперь уже не раздувает «межимпериалистические противоречия» и готов поддерживать «коллективную безопасность» вместе с «проклятыми империалистами» — классовыми и идеологическими противниками. Триумфом прагматизма и рациональности новой сталинской политики будет сближение с нацистской Германией в конце 30-х гг., что даст возможность значительно увеличить территорию СССР. Революционные идеалы «мира без контрибуций и аннексий» забылись довольно быстро. Таковы были уроки межвоенного мира, таковы были окружающие страну Советов маленькие и большие внешнеполитические «учителя»...

Капиталистическое окружение: от блокады к торговле

Внешнеполитическая ситуация той поры в какой-то степени напоминает современную. После распада мощных имперских организмов наибольшую активность позволяют себе получившие независимость крепкие «имперские окраины» или традиционные соседи, ранее не помышлявшие о наступательных действиях в геополитическом пространстве, контролировавшемся царской или «коммунистической» империями.

«Рыбная война» между Россией и Норвегией 90-х гг. фактически повторяет «тюремную войну» между СССР и Норвегией 20-х гг. и позже.

Тогда советские пограничники боролись с норвежскими браконьерами (деятельность которых поощрялась норвежским правительством), охотившимися в советских территориальных водах Баренцева и Белого морей. В конце 1928 г. норвежцы приняли решение захватить Землю Франца-Иосифа, на которой тогда не было советской полярной станции. Советская экспедиция опередила норвежцев всего на полторы недели, установив в июле 1929 г. флаг СССР на мысе архипелага Франца-Иосифа, где стала функционировать советская колония — самая северная исследовательская станция в мире.

*Советский агитплакат,
пропагандирующий мощь
Красной Армии*

Вскоре норвежские контрабандисты перешли в новое наступление. В 1930–1932 гг. их суда всеми силами препятствовали деятельности советских рыболовных артелей и грабили селения русских поморов. Однако в результате эффективной службы советского морского дозора количество норвежских судов, незаконно промышлявших в советских территориальных водах, постепенно сократилось. К 1937 г. пиратские вторжения полностью прекратились, что способствовало нормализации дипломатических контактов между странами.

Несмотря на то что в 1932 г. СССР и Финляндия подписали пакт о ненападении, история советско-финляндских отношений в этот период представляла собой серию непрекращающихся пограничных конфликтов и инцидентов. С 1922 г. Финляндия заявляла в Лиге Наций и Международном суде в Гааге о законности своих территориальных притязаний на Карельскую АССР. (В 1923 г. Гаагский суд признал, что не обладает правом решать территориальные споры Финляндии и Советского Союза.) Различные финские политические партии, патриотические общественные организации и средства массовой информации неоднократно публично требовали пересмотра существующих советско-финляндских границ. Например, в 1935 г. в связи с 15-летием Тартуского советско-финляндского мирного договора финская пресса призывала к пересмотру этого якобы несправедливого для финнов соглашения.

Кроме того, советское правительство не могло не беспокоить стратегическое расположение Ленинграда: граница с недружественной Финляндией проходила, с точки зрения здравого смысла, недопустимо близко. В августе 1938 г. Москва отправила в Хельсинки официальную ноту протеста, в которой обвиняла финляндских чиновников в отказе фиксировать

в совместных протоколах неоднократные пограничные инциденты. В итоге перманентный кризис советско-финляндских отношений приведет к «зимней войне» 1939–1940 гг.

Конфликты Советского Союза с прибалтийскими странами (Эстонией и Латвией) и Польшей объяснялись тем, что советско-латвийская, советско-эстонская и советско-польская границы были излюбленными и наиболее удобными участками для переброски в СССР шпионов и контрабандных грузов. В 1920-е годы Рига являлась официальным центром антисоветской западной пропаганды и разведывательной деятельности. Руководство Советского Союза заключило с указанными странами договоры, регулирующие разрешение пограничных конфликтов: с Латвией — в 1926 г., с Эстонией — в 1927 г., с Польшей — в 1932 г. Опираясь на формально-правовые соглашения, советские дипломаты стремились сократить количество незаконных нарушений государственной границы СССР.

СССР и Веймарская республика

До начала 1928 г. отношение Веймарской Германии к военному сотрудничеству с СССР было выжидательным. Немецкая внешняя политика колебалась между Востоком и Западом. Возможность военного блока с СССР была для германской дипломатии лишь козырем в переговорах с Францией и Англией. Однако в конце 1927 г. произошло сближение международных позиций победителей в Первой мировой войне, в результате надежды германского руководства на благоприятное решение вопроса о репарациях и «рейнской проблемы» (касающейся вывода французских войск из рейнского региона) испарились.

Отношение командования вермахта (немецких вооруженных сил) к возможности сотрудничества с Рабоче-крестьянской Красной Армией (РККА) менялось в соответствии с европейской конъюнктурой и колебаниями советской политики.

Для Красной Армии сотрудничество с Германией было единственной возможностью изучить европейские достижения в военном деле. Руководство РККА в первую очередь рас-

считывало заимствовать и использовать технические новинки немцев, чтобы в дальнейшем самостоятельно создавать и применять современные средства борьбы: танки, авиацию, зенитную артиллерию, минометы, средства связи. Немцы преследовали свой интерес: в обход условий Версальского мира они надеялись подготовить на территории СССР офицерский корпус. Вот только германские офицеры и генералы во главе с фон Бломбергом, Кейтелем, Браухичем могли впоследствии применить приобретенные знания на будущем театре военных действий в отличие от побывавших в Германии советских командиров и маршалов (Тухачевский, Якир, Егоров, Уборевич, Федько, Примаков, Лацис и др.), которые сгинули в горниле Большого террора. В 1932 г. под руководством М. Тухачевского был разработан стратегический план по разгрому Польши: его фиаско под Варшавой не давало покоя «красному Бонапарту». Некоторые положения этого плана были использованы в 1939 г. нацистским командованием.

В 1924 г. в Липецке начал действовать авиационный центр для совместных испытаний техники и обучения германских летчиков, среди которых был и будущий «человек № 2» гитлеровского рейха и куратор воздушных сил Германии Г. Геринг. В 1926 г. аналогичный центр — но уже для бронетанковых войск — был создан под Казанью. Здесь учился будущий знаменитый танковый полководец Г. Гудериан. В окрестностях города Вольска (Саратовская область) действовал центр и полигон для химических войск. Прошедшие курсы немецкие граждане увольнялись из вермахта и в полном соответствии с Версальскими ограничениями переходили на «гражданку». Так ковались кадры для будущих дивизий нацистской Германии.

В конце 1929 г. разразился мировой экономический кризис. Массовая безработица, обнищание населения привели к росту социальной напряженности и повышению авторитета левых сил на европейской политической арене.

Экономические отношения Советского Союза и западных стран в условиях мирового кризиса развивались противоречиво. СССР обвиняли в осуществлении политики демпинга. Советский Союз мог позволить себе продавать зерно,

нефть, лес и другие товары по очень низким ценам, что приводило к дезорганизации экономики западных государств, основанной на поставках сырья из колоний. СССР рассматривался как источник «большевистской коммунистической заразы». Однако для осуществления индустриализации Советскому Союзу были необходимы устойчивые торговые связи с капиталистическими государствами. С 1929 по 1932 г. ввоз машин и оборудования в СССР увеличился на четверть.

Французское правительство выступило с инициативой создания «консультативного комитета» по вопросам торговли с Советским Союзом — таким образом оно намеревалось контролировать импорт советского сырья. Однако за экономикой просматривались те же амбициозные планы Франции доминировать в Европе. Это обозначилось и в знаменитом проекте пан-Европы министра иностранных дел республики А. Бриана (увековеченного в эпизоде с «пикейными жилетами» культового романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»).

Великобритания также выступала против экспорта советского леса и нефти. Американский сенатор Копленд считал, что эмбарго на советские товары вызовет восстание в России, и, следовательно, другие державы получат повод для интервенции с целью водворения желаемого порядка на территории бывшей царской империи. В конце 1930 г. США и

Красная Армия на советских плакатах была в полной боевой готовности

Франция ввели дополнительные ограничения на советский экспорт (лес, лен, зерно, сахар, мясо). Вскоре к бойкоту советских товаров присоединились правительства Югославии, Венгрии, Румынии, Бельгии.

Против свертывания экономических отношений с Советским Союзом выступало значительное количество крупных западных торгово-промышленных объединений, зависевших от поставок дешевого советского сырья. Как ни странно это сегодня, в эпоху «газовых войн», но именно советские дипломаты предложили полностью отказаться в международных отношениях от экономических средств давления. Предполагалось, что лидеры европейских стран перестанут использовать бойкот в торговой сфере как инструмент внешней политики. Европейцы идею в принципе одобрили, но ее реализация в 1930 г. была невозможна. Как и осуществление на практике еще одного легендарного документа той эпохи — пакта Бриана–Келлога, призывавшего отказаться от войны как от способа решения международных конфликтов. Советский Союз в августе 1928 г. озвучил свою готовность присоединиться к пакту, а М. Литвинов даже внес на обсуждение Лиги Наций проект частичного и постепенного разоружения.

В то же время для преодоления последствий мирового экономического кризиса западные политики были вынуждены налаживать устойчивые и крепкие экономические связи с Москвой. В результате ускоренной индустриализации советский рынок значительно расширился. Удельный вес СССР в мировом импорте машин к 1932 г. вырос до 50%.

*Первый заместитель наркома иностранных дел СССР
Г.Я. Сокольников*

Наиболее успешно развивались экономические связи с Германией. Советское внешнеторговое ведомство принимало делегации немецких предпринимателей, предоставляя им благоприятные возможности для расширения экспорта германских товаров. В апреле 1931 г. был заключен договор о размещении в Германии крупных советских заказов. Веймарская республика даже собиралась выделить СССР несколько крупных долгосрочных кредитов для закупок немецкого про-

мышленного оборудования. Доля Германии в импорте Советского Союза к 1932 г. увеличилась вдвое, достигнув 47 %. В июле 1931 г. СССР и Германия продлили соглашение о нейтралитете, заключенное в 1926 г.

С 1929 г. Великобритания и СССР возобновили дипломатические контакты и взаимовыгодные экономические связи: в разгар первой пятилетки Советский Союз уделял особое внимание закупке английских станков.

С конца 1931 г. советско-французские отношения стали медленно, но неуклонно улучшаться. Хотя еще в 1930 г. Франция обвинила СССР во вмешательстве в ее внутренние дела в связи с финансированием деятельности французской компартии, которая призывала к свержению государственного строя. Торговое представительство СССР было тогда закрыто, а его имущество арестовано. Но Франции нужно было искать новых партнеров. В начале 1930-х гг. их пути с Италией и Германией начали расходиться. Для успешного противостояния этим крупным центральноевропейским державам Франция стремилась установить дружественные отношения с Советским Союзом.

В ноябре 1932 г. СССР и Франция подписали договор о ненападении. В пятой статье договора стороны взаимно обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Уже никогда больше Франция не представлялась «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран мира» (формулировка из речи И.В. Сталина на VII съезде партии) [4]. Постепенный выход на мировую арену действительно самой агрессивной и милитаристской «новой» Германии подталкивал к союзу двух бывших противников старой Германской империи. Выросшая из Первой мировой Вторая мировая потихоньку реактуализировала и геополитическую конфигурацию держав, участвовавших в том глобальном общемировом конфликте.

СССР и США

В ноябре 1933 г. были, наконец, установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Президент США Ф. Рузвельт признал

И.В. Сталин

прежнюю доктрину отношений с СССР устаревшей. Вашингтон долго не признавал легитимность большевистского режима, требуя фундаментального изменения принципов советской внутренней политики. Другими словами, речь шла о том, чтобы Москва вернула США долги Российской империи и Временного правительства, а также возместила ущерб американским предпринимателям, потерявшим имущество

в результате послереволюционной экспроприации. Рузвельт считал, что СССР является естественным сдерживающим фактором агрессивных устремлений милитаристской Японии и нацистской Германии.

Государственный секретарь К. Хэлл отмечал в мемуарах, что в условиях, когда угроза крупномасштабного военного конфликта становилась все более реальной, Россия рассматривалась в качестве возможного союзника, способного оказать помощь в стабилизации политической обстановки в мире. Кроме того, в начале 1930-х гг. СССР занимал среди стран мира первое место в импорте техники из США. Примеру американцев последовали в июне 1934 г. Чехословакия и Румыния, также официально признавшие СССР.

В конце 1933 г. Советский Союз выразил намерение вступить в Лигу Наций, чтобы в рамках этой международной организации заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. Предполагалось, что его подпишут Бельгия, Франция, Чехословакия, Польша и Прибалтийские страны. Осенью 1934 г. большинством голосов СССР был принят в Лигу Наций (39 — «за», 7 — «против», 3 воздержавшихся). Таким образом страна возвращалась в мировое сообщество, из которого выпала по «злой» воле революции еще в 1917 г. и оказалась почти в полной изоляции по «доброй» воле этого самого сообщества.

Немаловажно, что Советский Союз возвращался на своих условиях (урок позднейшим советским и российским «демократам!»), исключавших саму возможность выплат по еще во все не старым царским долгам. Сразу же за СССР был оформ-

лен статус постоянного члена Совета Лиги Наций, что в тех условиях было равнозначно признанию «коммунистического» государства в качестве ключевого фактора мировой политики, державы с огромным весом и еще большим потенциалом.

СССР и Коминтерн

В конце 1920-х гг. одновременно с разгромом троцкистской оппозиции на VI конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся летом 1928 г., активно утверждалось мнение, рассматривавшее Советский Союз как очаг всемирного революционного движения.

Борясь с троцкистами, Сталин не отвергал неизбежности мировой революции, но считал, что подготовительный этап затянется на годы и даже десятилетия. Революционный процесс он рассматривал не как перманентный взрыв пролетарской ненависти в планетарном масштабе, а как периодическое явление, выражающееся в совокупности событий, благоприятствующих или препятствующих постепенному распространению идей коммунизма в мире.

Из европейской периферии Россия превращалась в центр новой молодой советской цивилизации, которая прилагала серьезные усилия к тому, чтобы распространить свой общественно-политический строй на все страны и регионы земного шара. Вступив в противостояние с умирающей (как тогда казалось) западной цивилизацией, русские коммунисты, по сути, действовали в соответствии с традициями славянофильства. Российская цивилизация, пребывавшая в идеологических сетях марксизма, упрямо противопоставляла себя западному образу

Советский плакат,
призывающий
к солидарности
с коммунистами всего
мира

жизни. За III Интернационалом проступала тень Третьего Рима.

Выдвинув идею построения социализма в одной стране, И.В. Сталин заявил, что главной задачей III Коммунистического Интернационала и всех честных зарубежных коммунистов является поддержка Советского Союза в борьбе с контрреволюционным блоком империалистических стран. С трибуны VI конгресса Коминтерна (1928) пылкий советский вождь провозгласил, что только тот является истинным революционером, кто готов безоговорочно, открыто, безусловно защищать Советский Союз.

Деятельность Коминтерна определялась внешнеполитическими потребностями СССР. Коминтерн давал возможность влиять на деятельность европейских коммунистических партий, активность которых то возрастала (если Советскому Союзу требовалось воздействовать недипломатическими методами на ту или иную страну), то затихала (если СССР нуждался в добрососедских отношениях с европейскими внешнеполитическими партнерами). По сути, Коминтерн все больше превращался в еще одну сталинскую канцелярию, теперь уже управляющую зарубежными компартиями.

СССР не только на плакатах признавался лидером интернационального коммунистического движения

С началом мирового экономического кризиса в Коминтерне ждали новой волны пролетарских революций. Тогда казалось, что экономическая депрессия создала благоприятные возможности для свержения европейских буржуазных правительств и установления власти Советов. Оставалось решить одну проблему: на пути «мировой революции» стояли не только трусливые капиталисты и фашистская военщина — против социальных катаклизмов выступали и социал-демократические партии, имевшие значительное влияние на европейский рабочий класс.

Деятели Коминтерна нашли простой выход из непростого по-

ложения, призвав коммунистов к беспощадной борьбе с социал-демократами. Свою позицию они мотивировали тем, что развитие социал-демократии — это непрерывный процесс эволюции к фашизму. Подобную изощренную псевдологику продемонстрируют впоследствии подсудимые на московских процессах (например, лидер Коминтерна 20-х гг. Г.Е. Зиновьев). В ответ сопредседатель СДПГ в 1931 г. Отто Вельс выдвинул контрлозунг: «Большевизм и фашизм — это братья». Такая точка зрения сыграла не последнюю роль в том, что две главные антифашистские силы Германии — коммунистическая и социал-демократическая партии — оказались разведенными в разные стороны. Уже в январе 1933 г. к власти пришла национал-социалистическая партия, уничтожившая Веймарскую республику. Фашизм все активнее проявлял себя в Австрии, Испании, Прибалтике, Франции. В феврале 1934 г. глава французской коммунистической партии Морис Торез в нарушение инструкций просталинского Исполкома Комполитбюро заключил союз с социал-демократами против набирающих силу фашистов. В Испании и Франции удалось даже создать правительства Народного фронта.

Война в Испании

В 1936 г. генерал Ф. Франко, объединив правые силы, развязал в Испании гражданскую войну. Англия и Франция не спешили оказывать помощь законному республиканскому правительству. В августе 1936 г. Франция даже предложила проект соглашения о невмешательстве (запрет на помощь противоборствующим сторонам военными контингентами, а также оружием и военными материалами). Англия, Германия, Италия и Советский Союз признали справедливым и целесообразным отказ от вмешательства во внутренние дела другого государства. Был создан специальный международный комитет,

Ф. Франко

контролировавший соблюдение этого принципа европейскими странами в отношении Испании.

Однако вскоре советское руководство убедилось в том, что Италия и Германия при тайном одобрении Англии и Франции оказывают военную помощь генералу Франко (на его стороне воевало до 50 тыс. итальянцев, а также германские танковые, авиационные и зенитные части). В связи с этим был составлен план осуществления помощи республиканскому правительству со стороны СССР.

В октябре 1936 г. советский представитель в Комитете по невмешательству в дела Испании И.М. Майский заявил, что принятое соглашение систематически нарушается. Португалия превратилась в главную базу снабжения мятежников, а законное испанское правительство, по сути, потеряло возможность закупать оружие вне Испании. Предложения Советского Союза относительно блокады Португалии и возвращения республиканскому правительству права приобретать за рубежом оружие для защиты испанского народа были бойкотированы. В связи с этим СССР перестал считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем остальные участники этого договора. Через иностранные фирмы Советский Союз осуществил широкомасштабную поставку военной техники в обмен на золотой запас испанской республики.

Военные специалисты, прибывшие из СССР в Испанию под видом добровольцев, помогли республиканцам создать регулярную республиканскую армию. Непосредственно в боевых действиях участвовало около 2000 советских летчиков, танкистов, артиллеристов, военных инженеров, связистов и политработников. С осени 1936 г. до конца 1938 г. СССР поставил в Испанию около 500 000 винтовок, 2000 орудий, 650 самолетов и 350 танков. Но германо-итальянские поставки превосходили советские и количественно, и качественно.

СССР не решался открыто пойти на откровенный конфликт с осторожными постановлениями Лиги Наций: советское правительство, только недавно преодолевшее дипломатическую изоляцию, демонстрировало всему миру стремление играть по международным правилам. На позицию

Советского Союза в это время опять наслаивались политико-идеологические разборки между Сталиным и Троцким. В самих районах, воюющих с мятежниками Франко, особенно в Каталонии, были очень сильные и ценны для победы отряды Всемирной объединенной рабочей партии (ВОРП) — испанской секции организованного Л.Д. Троцким IV Интернационала. ВОРП поддерживали испанские анархисты, также не спешащие признавать особую роль местных и приезжих коммунистов.

Коминтерн активно организовывал интернациональные бригады: на стороне республиканцев в Испании воевало свыше 50 тыс. французов, итальянцев, немцев, поляков, американцев, англичан. В ноябре 1936 г. Исполнительный комитет Коминтерна обратился к Социалистическому Интернационалу и Амстердамскому Интернационалу профсоюзов с призывом помочь законному испанскому правительству. В Москве проходили митинги солидарности с испанским народом, здесь хорошо помнили, что такое гражданская война. 59 советским интернационалистам за помощь республиканской Испании было присвоено звание Героев Советского Союза.

Москва имела возможность с помощью Коминтерна влиять на состав испанского республиканского правительства. Например, Коминтерн спровоцировал замену председателя правительства Народного фронта.

Предлогом послужили майские события в столице Каталонии — Барселоне. С начала гражданской войны здесь развернулась неофициальная борьба за контроль над стратегически важными объектами региона между социалистами и анархистами, отстаивавшими свои интересы в блоке с рабочей партией марксистского объединения (ПОУМ), стоявшей

Испанские фалангистки со знаменами стран — союзников Франко: Германии, Италии, Португалии

на платформе троцкизма. 14 апреля Коминтерн призвал во имя победы над франкизмом нанести решительный удар по реальным и мнимым испанским троцкистам. Гражданская война теперь уже на «левом фланге» ослабила еще больше позиции республиканцев. Генерал Франко так и не успел сказать при жизни спасибо за это будущему генералиссимусу Сталину. 3 мая противостояние вылилось в перестрелку между вчерашними союзниками по Народному фронту. Внутриполитический кризис затих лишь 7 мая, ПОУМ была вскоре запрещена, а прежний глава республиканского правительства Ларго Кабальеро, обвиненный в неспособности управлять правительством, уступил свой пост Хуану Негрину, ставленнику Москвы.

Хуан Негрин неоднократно приезжал в Советский Союз и был женат на русской. В то же время он обладал способностью производить благоприятное впечатление на западных дипломатов. Х. Негрин стремился очистить испанское общество от паникеров и социально чуждых элементов. По его мнению, единственным шансом для сторонников испанской республики было установление искренних и тесных отношений с СССР.

Многие дети и внуки испанских политэмигрантов стали впоследствии известны всему Союзу: хоккеист В. Харламов, баскетболист Х. Бирюков, писатель Рубен Гальего, внук знаменитой «Пассионарии», одного из лидеров испанской компартии Д. Ибаррури (семья которой отказалась от ее полупарализованного внука, написавшего в инвалидной коляске поразительную мемуарную повесть, своеобразную антитезу роману «Как закалялась сталь» Н. Островского).

Но интернациональным бригадам, ослабленным к тому же попытками устроить над «троцкистами» показательные процессы по образцу «московских» (фактически они провалились, что еще больше разобщило лагерь защитников республики), не удалось сдержать натиск франкистских войск и их итало-немецких союзников — армия мятежников превосходила республиканские войска по численности и качеству боевой подготовки. В 1938 г. правительство Народного фронта было вынуждено прекратить сопротивление. Гражданская война обошлась Испании более чем в миллион по-

Представитель Социалистического рабочего интернационала с бойцами республиканской армии

гибших. Почти полмиллиона испанцев эмигрировали из страны.

Добровольцы из числа русских белогвардейцев сражались на стороне франкистов. Так испанская гражданская война стала продолжением российской. Записавшийся в Добровольческую армию еще подростком и тяжело раненый в боях с «красными», живущий в Париже А.А. Керсновский откликнулся на эти события открытым письмом, получившим скандальную огласку в эмигрантских кругах: «Когда, наконец, мы поумнеем и перестанем расплачиваться за других? С какой стати и почему проливаем потоки слез и чернил во имя какой-то совершенно не нужной, чуждой и безразличной нам Испании? И если бы только слез и чернил!.. Когда, наконец, мы поймем, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци или итальянские фашисты — такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?» [28].

Конфликт на КВЖД

Летом 1929 г. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), расположенная на территории Маньчжурии, оказалась в центре советско-китайского конфликта. КВЖД при-

На плакатах советская авиация громила врага

надлежала СССР и Китаю формально на равных правах, реально — советская сторона постоянно пользовалась преимуществом. Однако после прихода к власти Чан Кайши, энергичного и сильного лидера Гоминьдана, партии национального толка, китайцы предприняли попытку силой добиться равноправия в эксплуатации железной дороги.

10 июля 1929 г. китайцы совершили налет на КВЖД, захватили по всей линии телеграф, а также без объяснения причин опечатали Торговое представительство СССР, от-

деления Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. Председатель правления КВЖД Люй Чжунхан потребовал от управляющего КВЖД А.Е. Емшанова добровольно оставить свой пост. Емшанов отказался подчиниться и был незаконно арестован.

Вскоре начальники служб тяги, движения и практически все советское руководство КВЖД были заменены русскими белогвардейцами. Со времени Гражданской войны зона КВЖД стала местом притяжения антибольшевистских сил. Харбин был одним из ключевых центров русской эмиграции на Дальнем Востоке. Многие белогвардейцы сохранили непримиримую антисоветскую позицию, чем и воспользовались китайцы.

По всей линии КВЖД профессиональные организации рабочих и служащих оказались разгромленными, китайцы произвели обыски и аресты. 60 советских граждан были высланы из Китая.

Маньчжурские войска вдоль советской границы были переведены в полную боевую готовность. Вместе с китайскими подразделениями у границ СССР сосредоточились и белогвардейские отряды, готовые к переброске в тыл советским войскам. В пограничной зоне постоянно вспыхивали мелкие стычки. Советские войска действовали с помощью артобстрелов и авиационных налетов. Решающие бои развернулись за станцию Маньчжурия.

Вооруженное противостояние закончилось в декабре 1929 г. Особая Дальневосточная армия под командованием В.К. Блюхера (хорошо знавшего слабые и сильные стороны китайской армии, где он некоторое время был военным экспертом) уничтожила китайские пограничные гарнизоны в Маньчжурии. Стороны подписали в Хабаровске мирный протокол, восстановив прежний (довоенный) статус в отношениях. Все арестованные советские граждане были освобождены, советские консульства возобновили работу. Китайские власти приступили к разоружению русских белогвардейских отрядов, а их лидеров выслали за пределы Маньчжурии. Однако дипломатические отношения между СССР и Китаем были восстановлены только через три года, после начала японской агрессии.

Японская угроза

С начала 1920-х гг. Япония взяла курс на ускоренную милитаризацию. Многочисленные легальные и тайные организации требовали от императора проведения агрессивной внешней политики на Дальнем Востоке. Державы, имевшие свои интересы в этом регионе (Англия, Китай, СССР, США), были объявлены врагами японской нации.

Летом 1927 г. в Токио состоялась «восточная конференция», где была принята программа экономического проникновения в Китай, а Маньчжурия и Монголия признавались объектами «особой заботы Японии». Завоевание этих стран рассматривалось как первый шаг к установлению мирового господства и созданию «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии».

В сентябре 1931 г. Япония совершила агрессию, направленную против маньчжурского диктатора Чжан Сюэяна, который лишь формально подчинялся центральному правительству Чан Кайши. Маньчжурия была оккупирована Квантунской армией. Было создано марионеточное правительство во главе с последним китайским императором Пу И. Японцы получили удобный военный плацдарм на дальневосточных рубежах Советского Союза и дружественной ему Монгольской Народной Республики.

«Отец народов»
и «Великий кормчий»

В 1932 г. СССР восстановил дипломатические отношения с гоминдановским правительством Чан Кайши. Одновременно Советский Союз поддерживал и армию китайских коммунистов во главе с Мао Дзедунем, который воевал то с Гоминданом, то вместе с ним, но уже — против японцев.

Первоначально японские дипломаты подчеркивали, что Япония стремится к сохранению и улучшению отношений с Советским Союзом. В начале 1932 г. народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Лит-

винов в свою очередь предложил японской стороне подписать пакт о ненападении и нейтралитете. Однако дальнейшие события показали, к чему на самом деле стремилась японская сторона.

Весной 1932 г. в Харбине по обвинению в совершении террористических актов были арестованы 150 советских граждан. И снова объектом нападения была КВЖД. Заявления МИД Японии по поводу того, что интересы СССР на КВЖД не пострадают, оказались фикцией. Япония проявила стремление установить единоличный контроль над КВЖД путем прекращающихся провокаций и бандитских нападений.

Вскоре советское правительство приняло решение продать марионеточному маньчжурскому правительству (государству Маньчжоу-Го) свою половину КВЖД, находившуюся на территории, контролируемой японцами. На переговорах в Токио, состоявшихся в июне 1933 г., советская делегация установила выкупную сумму в размере 250 млн золотых рублей; противоположная сторона предложила в 10 раз меньше. Переговоры были прерваны, японцы произвели арест советских руководителей железной дороги. С января по июль 1934 г. японские самолеты 18 раз нарушали воздушное пространство СССР.

Продажу КВЖД советское руководство рассматривало как возможность уйти от военного столкновения с японскими

войсками. В сентябре 1934 г. Япония и СССР сошлись на выкупной цене в 75 млн золотых рублей, причем 2/3 этой суммы подлежало выплате товарами.

Тем временем отношения между демонстративно вышедшей из Лиги Наций Японией и СССР продолжали ухудшаться. Положение на маньчжурской границе оставалось напряженным. Япония отказывалась от подписания договора о ненападении, а разбойничьи рейды на советские погранзаставы становились все более частыми и ожесточенными. Только в течение 1935 г. произошло 80 пограничных инцидентов. В 1936 г. на советской границе были задержаны 137 японских агентов. Советское правительство предполагало, что Япония готовится к нападению на Монгольскую Народную Республику. В феврале 1936 г. на монгольско-маньчжурской границе состоялось несколько кровопролитных столкновений. В японской прессе активно пропагандировались идеи вторжения на территорию СССР.

Ввиду возникшей угрозы СССР и МНР решили письменно закрепить узы тесной дружбы. 12 марта 1936 г. стороны подписали протокол, предусматривавший оказание военной помощи в случае нападения на территорию СССР или Монголии со стороны третьего государства.

*Здание вокзала станции Гродецкой, КВЖД
(современная фотография)*

*Лидер Гоминьдана —
Чан Кайши*

Заключению советско-китайского соглашения о военном сотрудничестве препятствовала вражда между Гоминьданом (правлящей партией) и Компартией Китая (КПК). КПК была официально запрещена и вела против Гоминьдана партизанскую войну. Москва требовала от Чан Кайши, чтобы он стремился к примирению и сотрудничеству с коммунистами. Переговоры о военном сотрудничестве прервала китайско-японская война, начавшаяся в апреле 1937 г. В ходе крупномасштабной операции японцы захватили основные промышленные и сельскохозяйственные районы Китая.

В ноябре 1937 г. в Брюсселе состоялась Международная конференция по вопросу японской агрессии на Дальнем Востоке. Ее участники проголосовали за отказ от применения против Японии коллективных санкций. Однако западные дипломаты предлагали СССР в одиночку выступить в защиту Китая и с помощью силы заставить Японию прекратить захватническую политику.

В августе 1937 г. СССР и Китай заключили пакт о ненападении, а с весны 1938 г. Советский Союз стал в кредит поставлять Пекину военную технику (самолеты, артиллерию, грузовики), оружие и боеприпасы. Этого вооружения хватило бы на снаряжение 60 дивизий. Кроме того, в Китае действовало свыше 3,5 тыс. советских военных специалистов (в 1,5 раза больше, чем во время гражданской войны в Испании). В общей сложности советские инструкторы обучили около 100 тыс. китайских военнослужащих. 12 советским летчикам, воевавшим в Китае против японцев, было присвоено звание Героев Советского Союза.

Чан Кайши наконец пришел к выводу, что ни одна страна в мире, кроме СССР, не сможет помочь китайскому народу. В июле 1938 г. он запретил любые антисоветские высказывания в китайских средствах массовой информации. Географические карты, на которых советский Дальний Восток был за-

Чан Кайши наконец пришел к выводу, что ни одна страна в мире, кроме СССР, не сможет помочь китайскому народу. В июле 1938 г. он запретил любые антисоветские высказывания в китайских средствах массовой информации. Географические карты, на которых советский Дальний Восток был за-

крашен как китайская территория, уничтожались. О культурном превосходстве китайской цивилизации над «северными дикарями» Чан Кайши решил временно забыть.

В конце 20-х гг. в СССР на учебу прибыл сын Чан Кайши, который попал в Москве под обаяние советского «коммунизма». В итоге он отрекся от отца, женился на русской комсомолке и начал на Урале карьеру по партийной линии. Наследник главы Гоминьдана был председателем колхоза, редактором газеты «Уральский рабочий» и, наконец, заместителем директора Челябинского тракторного завода. Он был арестован, но личное послание отца к И.В. Сталину спасло жизнь и сыну, и его жене. Именно этот неудачливый советский функционер сменил затем Чан Кайши на посту главы китайского правительства на острове Тайвань.

Военные поставки Советского Союза были жизненно важны для китайского сопротивления. В середине 30-х гг. в китайской армии числилось не больше 1000 артиллерийских орудий, 200 боевых самолетов и 50 танков, парк зенитной артиллерии отсутствовал. Существовала серьезная проблема с запасами топлива, боеприпасов, запчастей. На вооружении пехотинцев находилось оружие нескольких исторических эпох. В среднем на одного солдата в месяц производилось только четыре патрона. По сути, китайские солдаты воевали с помощью штык-ножа. К началу Великой Отечественной войны Советский Союз предоставил Китаю около 1200 самолетов, 1500 тыс. артиллерийских орудий, 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок.

Советские военные специалисты во главе с военным атташе М.И. Дратвиным обучали китайские войска основам современного боя, офицеров Генштаба — принципам планирования военных операций, организации разведки и общих органов управления войсками. В целом советские инструкторы обучили около 100 тыс. китайских военнослужащих. Одной из проблем китайской армии было слабое взаимодействие авиации и наземных родов войск. Связь между частями, маскировка аэродромов, противовоздушная оборона также находились на очень низком уровне. Китайское командование рассчитывало на помощь советских специалистов в устранении этих недостатков.

Китайцы стремились заключить с СССР договор о сотрудничестве генеральных штабов, чтобы усилить совместное противостояние Японии. Чан Кайши считал, что Япония в скором времени обязательно нападет на Советский Союз, и предлагал Сталину нанести превентивный удар.

Японские дипломаты выражали недовольство по поводу советской помощи Китаю, однако Москва заявляла, что действует в полном соответствии с международным правом. 20 мая 1938 г. советские бомбардировщики пролетели над японскими городами, забросав их миллионами листовок антивоенного содержания.

Столкновение японских и советских войск могло принести выгоду лишь Китаю. Поэтому неудивительно, что китайская разведка намеренно дезинформировала японское командование, выпустив весной 1938 г. «утку» — сведения о подготовке Советским Союзом агрессии в Маньчжурию.

«И летели наземь самураи...»

Две сопки у озера Хасан (где сходились границы СССР, Кореи и Маньчжоу-Го) и территория в районе реки Халхин-Гол (на границе Монголии и Маньчжоу-Го) считались спорными пограничными зонами. В 1938–1939 гг. они послужили причиной столкновения двух военных систем — японской и советской.

12 июля 1938 г. советские пограничники на сопке Заозерная (Чангуфэнь) приступили к строительству укрепленного района, выдвинувшись на 3 м в глубь маньчжурской территории. Советское правительство сознательно решилось на эту акцию с целью вызвать Японию на спонтанные боевые действия, чтобы в ходе локального конфликта продемонстрировать боевую мощь Красной Армии.

15 июля японский МИД направил в Москву ноту протеста по поводу нарушения маньчжурской границы. В связи с этим Народный комиссариат иностранных дел СССР заявил, что советские войска не нарушали неприкосновенности границ Маньчжурии.

22 июля командующий Дальневосточным округом маршал В.К. Блюхер получил из Москвы директиву о приведении

войск в полную боевую готовность. 29 июля японский отряд с боем занял соседнюю с Заозерной сопку Безымянная, нарушив советскую границу. Рота красноармейцев пошла в контратаку и отбила свою территорию. Но 31 июля советские пограничные посты на высотах Заозерная и Безымянная были вынуждены отступить перед превосходящими силами японского ударного корпуса.

Советский сатирический плакат о событиях на озере Хасан

2 августа части Особой Дальневосточной армии атаковали японские позиции на захваченных высотах. К тому времени противник успел оборудовать огневые позиции и подготовиться к защите. Наступление Красной Армии оказалось не очень удачным. Войска продвигались вперед в узком коридоре между озером и корейской границей, которую они не имели права нарушить. Сопки были оплетены заграждениями из колючей проволоки, советские солдаты наступали плотными колоннами и гибли под перекрестным огнем японцев. Красная Армия, выполняя приказ, действовала только на своей территории, что значительно снижало возможность тактического маневрирования.

С 6 по 10 августа высоты несколько раз переходили из рук в руки. Особенно кровопролитные бои развернулись за обладание гребнем сопки Заозерная. К концу 10 августа ни красноармейцам, ни японцам не удалось закрепиться на господствующей высоте. В результате гребень Заозерной оказался неширокой (5-метровой) нейтральной полосой, разделявшей японские и советские позиции. 11 августа было заключено перемирие, основные силы враждующих армий стали отходить на позиции, расположенные не ближе 80 м от гребня Заозерной. Японцы ушли с Безымянной и Пулеметной сопки.

В боях у озера Хасан и реки Халхин-Гол было убито 792 красноармейца и ранено 2752. Японские потери составили соответственно 525 и 913 человек. Разница в потерях объясняется тем, что боевая подготовка советских войск, штабов и

командного состава фронта оказалась на относительно низком уровне. Необходимого взаимодействия между подразделениями достичь не удалось. Кроме того, снабжение красноармейских частей было плохо организовано: советские коммуникации на Дальнем Востоке (дороги, мосты, связь) оказались не подготовленными к войне. Характерно, что каждая из сторон конфликта заявляла в газетах о своей победе.

Монгольско-китайская граница в районе реки Халхин-Гол до 1939 г. ни разу не демаркировалась: ни для СССР, ни для Японии заброшенные пограничные земли интереса не представляли. В мае 1939 г. монгольские патрули добрались до местечка Номонган на восточном берегу Халхин-Гола. Расценив этот факт как нарушение границы, командование Квантунской армии приняло решение передислоцировать в район реки Халхин-Гол несколько боевых соединений. Японцы стремились силой отодвинуть границу к реке Халхин-Гол, полагая, что Красная Армия и монгольские вооруженные силы не смогут организовать достойный отпор.

Район реки Халхин-Гол был удален от ближайшей советской железнодорожной станции на 750 км, и главная трудность для командования Красной Армии заключалась в организации снабжения войск боеприпасами, топливом и продовольствием.

В начале июля японцы захватили плоскогорье Баин-Цаган на западном берегу Халхин-Гола. Танковая бригада по приказу Г.К. Жукова контратаковала японские позиции.

Г.К. Жуков оттачивал талант военачальника в боях с японцами

Японцы вывели из строя около половины советских танков, но все же были вынуждены уйти с монгольской территории. Они использовали танки лишь как прикрытие для пехоты и не имели шансов выстоять против советских боевых машин, значительно превосходивших японские по техническим параметрам.

20 августа 1939 г. советские войска перешли в наступление на японские позиции, расположенные на восточном берегу Халхин-

Гола. Части 6-й японской армии были окружены и уничтожены. Японцы сопротивлялись до последнего. Не получив приказа оставить позиции, они практически полностью были истреблены.

23 августа советские танковые клинья сомкнулись у Номонгана. Японские войска, не обладая резервами бронетехники, не могли организовать адекватный отпор действиям Красной Армии. С 24 по 30 августа японцы держали оборону. Каждая сопка была превращена в укрепленную позицию. Японские солдаты сражались яростно — они до самого последнего момента верили, что подкрепления на подходе. Между тем кольцо вокруг них неуклонно сужалось.

Советские артиллеристы, опасаясь попасть по своим, были вынуждены под огнем неприятеля осуществлять артобстрелы по прямой наводке. Затем пехотинцы в штыковой атаке штурмовали японские окопы. Советская авиация полностью господствовала в воздухе. Японские летчики заметно уступали по численности и мастерству советским пилотам. 30 августа был захвачен последний оплот японского сопротивления — сопка Ремизова.

Потери советских и монгольских войск на Халхин-Голе с мая по сентябрь 1939 г. составили 6831 человек убитыми и 15 251 — ранеными. Всего в боевых действиях участвовало около 5 тыс. монгольских и около 120 тыс. советских воинов, а с японской стороны — 76 тыс. солдат. На тот момент это было самое тяжелое поражение Страны восходящего солнца за всю ее военную историю. Россия взяла своеобразный реванш за поражения царизма в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Вопрос о территориях у Халхин-Гола был окончательно урегулирован лишь в мае 1942 г., когда стороны заключили соглашение о демаркации границы в спорном районе. Она прошла по линии фактического контроля, т. е. проблемный регион полностью вошел в состав Монголии.

В 1940 г. Советский Союз готовился к отражению германской агрессии и не мог идти на полномасштабный конфликт с Японией. Страна восходящего солнца пребывала в сомнении: император Хирохито опасался вести войну на два фронта (в 1940 г. японцы оккупировали Северный Индокитай и готовились к продолжению экспансии на юге полуострова).

Однако Япония не отказывалась от возможности молниеносной кампании по аннексии советского Дальнего Востока, «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи» [29].

Однако 13 апреля 1941 г. Япония и СССР подписали договор о нейтралитете сроком на пять лет. Чан Кайши был разочарован, в китайских средствах массовой информации началась кампания по обличению Советов и коммунистов Мао Дзедуна.

Карта Европы начинает перекраиваться

Угроза нападения Германии остро ощущалась советским руководством. Адольф Гитлер стремился взять реванш за поражение Германии в Первой мировой войне, вернуть утраченные территории и восстановить военный потенциал. Антибольшевистская риторика национал-социалистов вводила в заблуждение западных политиков. Весной 1935 г. М.Н. Тухачевский в статье, опубликованной в «Правде», предупреждал, что антисоветское острие внешней политики Гитлера — лишь ширма, под которой скрываются его истинные планы, направленные против Франции, Австрии, Польши и Чехословакии.

Гражданская война в Испании отвлекла внимание Европы от усиленной милитаризации Германии. В ноябре 1936 г. Германия и Япония подписали «Антикоминтерновский пакт», к которому через год присоединилась и Италия. Таким образом, был сформирован военно-политический блок «Ось Берлин — Рим — Токио», направленный против Советского Союза.

Новое правительство Великобритании во главе с Н. Чемберленом взяло курс на «умиротворение Германии». Премьер-министр был согласен предоставить Гитлеру карт-бланш на «мирное» и постепенное установление контроля над государствами Восточной Европы при условии, что Германия будет согласовывать внешнюю политику с Англией. Великобритания рассчитывала, что ей удастся избежать столкновения с возрождающимся Третьим рейхом, направив германскую агрессию в другое русло.

В феврале 1938 г. Гитлер предъявил австрийскому правительству ряд ультимативных требований, выполнение кото-

рых превращало Австрию в одну из рядовых земель рейха. 20 февраля он публично заявил о намерении включить в состав Германии Австрию и западные области Чехословакии, в которых проживали около 10 млн немцев. Западные внешнеполитические партнеры Советского Союза по «коллективной безопасности» делали вид, что ничего не происходит.

12 марта германские войска пересекли австрийскую границу, а через день Австрия вошла в состав германского рейха. Некогда независимое государство при молчаливом одобрении Англии и Франции исчезло с карты Европы.

Советское руководство было возмущено и обеспокоено легкой победой германской дипломатии. Правительствам Великобритании, Франции, США и Чехословакии была направлена нота, в которой предлагались реальные шаги по созданию единого антифашистского фронта. Соединенные Штаты Америки на нее не ответили, Англия и Франция отклонили советские предложения о возможности согласованных действий против агрессора.

В конце марта 1938 г. советская военная делегация подтвердила начальнику чехословацкого Генштаба готовность СССР в случае нападения на Чехословакию оказать ей военную помощь, возможно и без согласования с Францией. Стало очевидно, что расчленение Чехословакии, присоединение к Третьему рейху Судетской области приведет к безоговорочному доминированию Германии в Центральной Европе.

Советские дипломаты, не имея возможности эффективно противостоять немецким геополитическим планам, были вынуждены прибегнуть к блефу. В августе 1938 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов сообщил германскому послу в Москве В. фон Шуленбургу, что Чехословакия готова яростно отстаивать национальный суверенитет, а Франция в случае агрессии на Чехословакию решительно выступит

*Советский народ верил:
Красная Армия непобедима*

в ее защиту. Из этого следовало, что Англия не оставит Францию без поддержки, а СССР собирается честно выполнить свои международные обязательства.

Мюнхенский сговор

Подготовка Мюнхенского сговора осуществлялась по «плану Z», разработанному правительством Великобритании — премьер-министром Н. Чемберленом, министром финансов Дж. Саймоном и министром иностранных дел лордом Э. Галифаксом. В соответствии с этим планом нацистская Германия вначале должна была создать вокруг Чехословакии напряженную обстановку.

В сентябре 1938 г. Гитлер заявил о своем намерении провести плебисцит (референдум) по вопросу о присоединении к Германии округов Чехословакии, где преобладало немецкое население. Англия и Франция согласились поддержать притязания Гитлера на присоединение чешских областей, в которых более 50 % проживающих составляли немцы.

Затем по «плану-Z» Н. Чемберлен должен был под лозунгами «спасения мира» оказать нажим на правительство чехословацкого президента Э. Бенеша, «благополучно» разрешить конфликтную ситуацию в пользу Германии и остановить человечество в одном лишь шаге перед пропастью глобальной войны.

19 сентября 1939 г. Англия и Франция предъявили Чехословакии ультиматум, в котором настойчиво склоняли ее согласиться на требования Гитлера. Однако чешское правительство отклонило эти предложения. 21 сентября западные державы повторили ультиматум. 22 сентября в Чехословакии началась всеобщая забастовка против отвода войск с германской границы. Люди требовали объявить всеобщую мобилизацию и помешать вторжению немецких войск в Судетскую область.

Англия, Франция и Германия гарантировали правительству Э. Бенеша неприкосновенность новых территориальных границ страны. Однако в результате разделения Чехословакия лишалась половины своей тяжелой промышленности, теряла 20 % территории и 25 % населения, граница с Герма-

Немецкий танк довоенного выпуска

нией проходила бы в 40 км от Праги. Поэтому чешские дипломаты протестовали против подробных решений.

Английский посол в Чехии сообщил, что Англия перестанет интересоваться судьбой чешского правительства, если оно будет упорствовать. Англия и Франция продолжали осуществлять задуманный «нажим»: было заявлено, что если в случае военного конфликта с Германией «чехи объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции (официальному союзнику Чехословакии!) будет очень трудно оставаться в стороне» [25]. Президент Э. Бенеш прекратил сопротивляться, несмотря на то что вооруженные силы Германии на тот момент были не в состоянии легко и быстро разгромить хорошо укомплектованную и дисциплинированную чешскую армию.

29 сентября 1938 г. премьер-министр Франции Э. Даладьё, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен, итальянский диктатор Б. Муссолини и А. Гитлер подписали в Мюнхене договор, по которому судетские (индустриально развитые) округа Чехословакии перешли к Германии. Великобритания, Германия, Италия и Франция выступили гарантами защиты неприкосновенности новых границ расчлененного государства. Всего через шесть месяцев, в марте 1939 г., немецкие войска вошли в Прагу, а сама Чехия была разделена на Богемию, попавшую под протекторат Третьего рейха, Моравию, непосредственно вошедшую в состав рейха, и Слова-

Плакатные советские самолеты выглядели непобедимыми

кию, превратившуюся в спутника Германии.

Н. Чемберлен, возвратившись в Англию после Мюнхенской конференции, пообещал соотечественникам, что «отныне мир обеспечен на целое поколение». Он процитировал строки из драмы В. Шекспира «Генрих IV»: «Из крапивы опасностей мы извлечем цветы спасения» [30]. Он не знал или предпочел умолчать, что затем шекспировский герой пророчески продолжает: «Затея, за которую ты взялся, опасна. Друзья, которых ты перечислил, ненадежны, самый момент выбран неудачно. И весь твой заговор слишком легкомыслен,

чтобы перевесить столь серьезные затруднения» [30].

30 сентября 1938 г. Гитлер, сдержав обещания, данные на Мюнхенском сговоре, заключил с Великобританией пакт о ненападении с обязательством «никогда не воевать друг с другом». В декабре 1938 г. аналогичная декларация была подписана с Францией. Официально германская политика казалась ориентированной исключительно против большевизма, против СССР.

9 октября 1938 г. 10 коммунистических партий европейских стран, США и Канады опубликовали воззвание к народам мира с предупреждением о том, что Мюнхенский сговор стал лишь поощрением для набирающего силу фашизма. У. Черчилль впоследствии вспоминал, что уничтожение сильной Чехии привело к колоссальным изменениям стратегической обстановки в Центральной и Восточной Европе. Сорок чешских дивизий, нависавшие над восточным фронтом Германии, были расформированы, оборонительные укрепления потеряны, арсеналы и склады оказались в распоряжении Гитлера. Разработанная французами структура оборонительных союзов была дискредитирована.

СССР предпринял попытку убедить западноевропейские страны в необходимости создания системы коллективной безопасности, которая могла бы эффективно противодейст-

вовать германской агрессии. Глава советского правительства В.М. Молотов официально заявлял, что Советский Союз готов принять участие в совместном отпоре Германии даже в том случае, если его интересы не будут задеты прямо.

Западные СМИ неоднократно критиковали собственные правительства за политику сговора с Германией, указывая, что это не единственная возможность избежать войны.

Действительно, Франция и Великобритания, осуществляя политику умиротворения Германии, уничтожали доверие слабых стран к Лиге Наций и концепции коллективной безопасности. Становилось все более очевидным, что развитие международных отношений неминуемо движется к крупномасштабным действиям Германии против европейских стран, к новой войне.

За этот бурный и противоречивый период изменились и настроения народных масс в Советском Союзе. Если в 1927 г. М.И. Калинин утверждал, что «война будет не завтра» [4], то в конце 30-х советские люди смотрели фильмы и пели песню с рефреном «Если завтра война...».

ЗА МИРОВОЙ ВОЙНОЙ — ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

После Мюнхенского сговора, фактически открывавшего для Третьего рейха путь на Восток, Германия начала открыто готовиться к войне с Польшей. Но планы фюрера шли гораздо дальше. 11 августа 1939 г. Гитлер сказал: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза» [29]. Все страны так или иначе готовились к войне. Но лишь для гитлеровской Германии эта война была смыслом жизни. И залогом будущей гибели.

Европа на пороге войны

В апреле 1939 г. Гитлер подписал «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.». Вторжение в Польшу рассматривалось руководством Третьего рейха как подготовительный этап перед основными сражениями с Францией и Англией. Английские и французские лидеры начинали понемногу понимать, что они вскормили зверя, который в скором времени намеревается сожрать своих покровителей. Перед Лондоном и Парижем встала проблема определения дальнейшей политики. На совещании французского и английского генштабов выяснилось, что союзники не готовы к осуществлению масштабных боевых операций на европейском театре военных действий.

Советский Союз предлагал Англии и Франции заключить договор о взаимопомощи в случае агрессии третьих стран. Кроме того, подразумевалось, что три державы станут гарантами суверенитета государств, расположенных между Балтийским и Черным морями (т. е. буферных стран между Гер-

Советская политика в Европе в начале Второй мировой войны (с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.)

манией и СССР). Советские дипломаты настаивали на немедленном заключении военной конвенции, предусматривающей конкретные условия оказания военной помощи.

Западноевропейские политики предложили, по сути, издательскую формулировку проекта соглашения, по которому СССР должен был оказать помощь Англии и Франции, если бы они подверглись нападению со стороны Германии. При этом Лондон и Париж отказывались брать на себя какие-либо серьезные обязательства перед Советским Союзом. Подобный договор не мог не провоцировать Германию на активные наступательные действия именно на восточном направлении.

СССР был согласен выступить в роли противовеса фашистской агрессии в обмен на восстановление международного влияния до уровня, сопоставимого с Российской империей. Сталин предполагал, что в союзе с Англией и Францией он сможет мирным путем (через заключение союзов) вовлечь в сферу своего влияния Прибалтийские государства, Польшу, Чехословакию и, возможно, Румынию. Однако западные державы не были настроены на подобный формат блока с СССР, где Советы могли бы играть первую скрипку.

Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен откровенно заявлял, что любые переговоры с Москвой имеют лишь одну цель — помешать сближению Германии и СССР. Западные страны вплоть до 23 августа 1939 г. (до подписания Германией и СССР пакта о ненападении) надеялись столкнуть две тоталитарные державы. Кроме того, Лондон и Париж опасались усиления политического влияния Советского Союза в соседних с ним странах.

Известный своими антикоммунистическими взглядами один из организаторов иностранной интервенции в России в годы Гражданской войны, мудрый политик и патриот своей страны У. Черчилль придерживался другой точки зрения: «Россия представляет собой колеблющийся противовес на весах мира. Трудно даже измерить поддержку, которая может поступать из Советской России... наша задача: максимум возможного сотрудничества... Никто не может сказать, что не существует солидной общности интересов между западными демократами и Советской Россией. Величайшей глупостью, которую мы могли бы совершить, являлось бы отчуждение в отношении этого нашего естественного союзника» [31].

Летом 1939 г. в Москве состоялись переговоры по вопросу создания системы коллективной безопасности. Западные военные представители не обладали полномочиями подписывать какие-либо конвенции. Начальник Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошников заявил, что СССР готов выставить против агрессора 136 дивизий, 10 тыс. танков, 5,5 тыс. самолетов и 5 тыс. артиллерийских орудий.

Б.М. Шапошников

Главная проблема заключалась в том, что Польша наотрез отказывалась принимать какую-либо помощь со стороны «проклятых» большевиков, даже в условиях немецкой угрозы. Прибалтийские страны и Румыния также негативно отнеслись к возможному введению советских войск на их территорию, пусть и с целью защиты от Германии.

Советская сторона ставила конкретные условия пропуска своих дивизий через польский и румынский коридоры. Английские и французские военные делегации ограничивались рассуждениями о возможности сторон принять участие в отражении вероятного нападения фашистов. Они предлагали свести советскую помощь только к поставкам военных материалов.

Советский Союз, стремясь не допустить вовлечения своих западных соседей в фарватер немецкой политики, предложил определение «косвенная агрессия». Лондон, разумеется, не мог согласиться с такой формулировкой: СССР не должен был самостоятельно определять факт проявления агрессии. Англия скорее была готова согласиться на превращение Румынии, Венгрии, Польши, Турции, Прибалтийских стран в сателлитов Германии.

Англо-французский военно-политический блок рассматривал СССР лишь как разменную монету в отношениях с Берлином. Лондон и Париж отказывали Советскому Союзу в возможности иметь на западных границах мирных соседей. Западные страны были против заключения военных союзов СССР с Румынией и Польшей — ведь это укрепляло междуна-

родное положение Страны Советов и усиливало ее внешне-политическое влияние.

Советско-германское сближение

Несмотря на призывы СССР к созданию системы коллективной безопасности, на Западе продолжали преобладать настроения, озвученные английским премьер-министром Болдуином: «Если кто-то в Европе и будет драться, я предпочитаю, чтобы это были большевики и нацисты» [31].

В начале 1939 г. стало ясно, что проблему «польского коридора», отделявшего Восточную Пруссию от остальной Германии, Гитлер намерен решать силовыми методами. («Коридор» появился в результате «перекройки» карты Европы победителями в Первой мировой войне.) Действительно, Великобритания и Франция выступили против «нового Мюнхена» (т. е. выхода из кризиса путем многосторонних переговоров). Н. Чемберлен официально заявил, что отказывается от политики самоизоляции и умиротворения Германии, и поклялся защитить Польшу от любой внешнеполитической угрозы. Аналогичные устные гарантии получили Греция, Румыния и Турция.

На западной границе СССР назревала угроза военного конфликта без каких-либо перспектив для Советского Союза повлиять на его исход. Англия и Франция, стремясь предотвратить неуправляемую экспансию Германии, были вынуждены брать курс на сближение с СССР. Однако их дипломатические миссии старались использовать Советский Союз лишь в качестве «пугала» для Гитлера и одновременно стремились не допустить усиления советского влияния на страны восточно-европейского региона. СССР отказали даже в возможности ввести войска на территорию соседней страны для оказания помощи в отражении агрессии.

*Встреча на учениях:
советские и немецкие
офицеры*

Неуступчивость Польши относительно заключения воен-

ного союза с СССР против Германии сделала невозможным успех англо-франко-советских переговоров. Польша, зажата между двумя сильными и враждующими странами, искала спасения у западных союзников. Американский историк У. Ширер писал по поводу польской политики, что можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно.

Французский министр иностранных дел Ж. Боннэ (тот самый, который подписал с И. Риббентропом 6 декабря 1938 г. договор о ненападении) в августе 1939 г. интересовался у польского коллеги, каким образом Польша собирается «без помощи русских организовать вооруженное сопротивление германской агрессии» [31]. Юзеф Бек ответил, что поляки принципиально отказываются от военного союза с СССР. Польские политики больше всего на свете опасались «коммунизации» страны и считали (в свете последующих событий — не без оснований), что в случае появления на польской территории советских военных контингентов впоследствии их будет очень сложно заставить уйти обратно.

После уничтожения Польши вермахтом СССР оказался бы лицом к лицу с враждебной Германией, официально объявлявшей о своем стремлении к походу на Восток. Советские дипломаты искали союза с западными странами, чтобы избежать опасного и для СССР падения польского государства, но их попытки были безуспешными.

Пакт Молотова — Риббентропа

Опасаясь «нового Мюнхена» (полудобровольного военного союза Германии, Польши и Румынии, который приблизил бы военную угрозу непосредственно к границам СССР), И.В. Сталин решил сдвинуться с Германией с целью добиться хоть каких-либо гарантий. Немцы, понимавшие, что агрессия против Польши вызовет отпор со стороны Англии и Франции, были заинтересованы в том, чтобы Советский Союз сохранял нейтральную позицию.

3 мая 1939 г. наркома иностранных дел М. Литвинова, сторонника политики коллективной безопасности, сместили

с должности и впоследствии отправили послом в США. Наркомат перешел в ведение председателя СНК С.М. Молотова, который сразу же провел зачистку НКВД от «людей Литвинова». Уход сторонника сближения с западными державами (и — немаловажно — еврея) был сигналом для руководства нацистской и антисемитской Германии. Германский посол В. фон Шуленбург получил полномочия встретиться с Молотовым и сообщить о готовности фюрера изменить свое отношение к СССР.

Инициатива заключения пакта исходила со стороны Германии. При этом в сложившейся внешнеполитической ситуации у Советского Союза не существовало реальной альтернативы пакту. Международная обстановка диктовала необходимость принятия быстрых и прагматичных решений, нарушавших нормы международного права.

В августе 1939 г. в Москве еще по инерции прошли советско-британско-французские переговоры о возможности заключения оборонительного пакта, но состав переговорщиков и формат встречи позволял определить ее скорее как очередную консультацию. Немецкие предложения оказались более конкретными и выгодными для СССР. Были приняты в расчет притязания советской стороны на земли Западной Белоруссии и Западной Украины, вошедшие в состав Польши в 1920 г. по итогам советско-польской войны. Литва и Польша (кроме областей восточнее так называемой «линии Керзона») переходили в германскую сферу влияния, а Бессарабия, Северная Буковина, Финляндия, Эстония, Латвия, Западная Украина и Западная Белоруссия объявлялись сферой интересов

СССР. Кроме того, Германия отказывалась от территориальных претензий на Украину. В советских архивах текст секретных договоренностей так и не смогли найти. В период перестройки канцлер ФРГ Г. Коль вручил М.С. Горбачеву копию этого документа. Для СССР это оказалось очередным «ящиком Пандоры».

14 августа о своей готовности прибыть в Москву сообщил

Село в Западной Украине

рейхсминистр иностранных дел И. Риббентроп. 19 августа правительство Третьего рейха подписало долго обсуждавшийся торговый договор с Советским Союзом, предусматривавший кредит нашей стране в 200 млн марок под очень низкий процент. К тому же Германия обещала воздействовать на Японию, чтобы обеспечить безопасность дальневосточных границ СССР.

Наделенный особыми полномочиями и подгоняемый лично фюрером Риббентроп прибыл в Москву вечером 23 августа 1939 г. Ночью договор был подписан, а утром уже опубликован. Темпы — невиданные в истории мировой дипломатии.

Дольше всего советским дипломатам пришлось искать нацистские флаги. Риббентропа встретили в Москве полотнища со свастикой, которые нашлись лишь в одном месте — в реквизиторском цеху «Мосфильма». Эти флаги использовались при съемках многочисленных советских фильмов с обличением античеловеческой сущности фашизма. Вплоть до начала Великой Отечественной войны подобные картины по распоряжению Кремля не снимались.

Пакт стал возможным вследствие «смены вех» в советской внешней политике. Точкой отсчета стала речь И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 г. В ней вождь критиковал провокаторов войны, «привыкших загребать жар чужими руками». Он весьма точно определил суть внешнеполитической стратегии, которой придерживались Великобритания и Франция.

СССР и Германия подписали договор о ненападении сроком на десять лет (пакт Молотова — Риббентропа) с прилагающимся секретным протоколом о разделе сфер влияния в Европе. О существовании протокола не подозревали ни СНК, ни ЦК ВКП(б), ни Верховный Совет СССР. Советский Союз и Германия обязались воздерживаться от насилия, агрессивных действий и нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами. (Парадоксальным выглядело заключение подобного договора между государствами, которые пока не имели общих границ.)

Пакт позволил хотя бы временно оттянуть начало войны и укрепить стратегическое положение СССР. Как заявлял В.М. Молотов, «главное значение советско-германского дого-

Руководители советской и немецкой делегаций подписывают договор о ненападении

вора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой. Тем самым поле возможных военных столкновений в Европе суживается. Если даже и не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен... Он должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепления наших позиций» [5]. СССР получил от Германии официальное признание своих интересов в Восточной Европе.

Политика Англии и Франции по умиротворению Германии и превращению ее в партнера-союзника с целью противостояния СССР провалилась. Однако даже после заключения пакта о ненападении для руководства СССР было ясно, что после покорения Европы следующим объектом удара со стороны Германии будет Советский Союз.

Противостояние сторонников Гитлера (Германии, Италии, Японии) и союзников по антигитлеровской коалиции (Великобритании, США, СССР) сложилось в принципе случайно. История предлагала множество альтернатив, современники событий не исключали возможности добровольного союза Германии, Англии и Франции с целью организации совместного вторжения в Советский Союз. Западные политики, в свою очередь, опасались создания союза «тоталитарных» держав (Германии и СССР).

Главным стержнем внешнеполитической деятельности европейских лидеров было стремление оградить свои страны от военных конфликтов. Н. Чемберлен и Э. Даладье прилагали титанические усилия для того, чтобы подтолкнуть Германию к «великому походу» на Восток, к битвам за жизненные пространства в лесах Белоруссии и степях Украины. И.В. Сталин, в свою очередь, рассчитывал расколоть капиталистические страны на два враждующих блока с целью не допустить объединения их сил против СССР.

Рассуждения о моральности или аморальности тех или иных внешнеполитических акций не имеют смысла так же, как спор о том, кто больше виноват в разжигании Второй мировой войны. Пакт Молотова — Риббентропа представлял собой соглашение того же типа, что и Мюнхенский сговор, открывавший Гитлеру путь на Восток. Но ровно через восемь дней после его подписания нацистские войска вторглись в Польшу.

В 1939–1941 гг. советские лидеры исходили из вероятности войны с Германией, однако не исключали и других вариантов развития событий. Версальско-вашингтонская система международных отношений не признавала СССР в качестве активного субъекта геополитической игры. Нарушение равновесия европейской внешнеполитической системы было выгодно как Германии, так и Советскому Союзу. СССР не собирался сдавать позиций и планировал бороться за возвращение в разряд мировых держав. Кроме того, лозунг борьбы «за светлое будущее всего человечества» оправдывал любые внешнеполитические акции СССР.

При всей неоднозначности существующих и возможных оценок пакт Молотова — Риббентропа был успехом советской дипломатии. В 1939 г. СССР остался вне прямого столкновения с западными державами, сцепившимися в мировой схватке. Западные демократии не смогли навязать СССР односторонних обязательств, а угроза со стороны Германии была на время ослаблена. Кроме того, Германия предложила посреднические услуги в урегулировании советско-японских отношений. В самой Японии заключение советско-германского договора вызвало правительственный кризис и разочарование в Германии как союзнике против СССР. Пакт о ненападении, а также поражение в районе реки Халхин-Гол

вынудили японских лидеров отказаться от идеи захвата советского Дальнего Востока.

В первый период Второй мировой войны СССР формально сохранял нейтралитет, однако, принимая во внимание совместный с немцами раздел Польши, присоединение Прибалтики и Бессарабии, войну против Финляндии, можно согласиться с тем, что большевики поддерживали партнерские отношения с нацистами. Сталин избавил Германию от угрозы войны на два фронта и тем самым позволил войскам вермахта свободно маневрировать на Западе.

Немецкий геополитик К. Хаусхофер цинично и верно прокомментировал заключение договора с СССР: «Советы будут реалистами и позаботятся о том, чтобы соблюдались их собственные интересы. Они по крайней мере обладают тонким слухом, чтобы понимать данное геополитическое преимущество и при этом отбросить идеологические предубеждения, и при заключении любого пакта с теми, кто достаточно умен, всегда учитывать собственные выгоды» [32].

Заклучив с Германией пакт о ненападении, СССР расколол антисоветский фронт на Западе, где в 1930-е гг. была сильна идея «крестового похода» против большевистской России как враждебной цивилизации. Главная ударная роль в этом походе отводилась гитлеровской Германии. Накануне Мюнхенского сговора Англия и Франция предупреждали Чехословакию, что, приняв помощь русских, она станет врагом всего Запада. Советская Россия (как православная Византия в 1204 г. и Новгородская Русь в середине XIII в.) могла стать объектом агрессии очередных «крестоносцев», на пряжках ремней которых было выбито: «С нами Бог».

Начало Второй мировой войны: четвертый раздел Польши

31 августа 1939 г. Гитлер подписал директиву № 1, санкционировавшую нападение на Польшу. Оно должно было состояться 1 сентября в 5 ч утра. Вечером 31 августа произошла германская военная провокация в Гляйвице: немцы обвинили поляков в совершении акта агрессии против Третьего рейха.

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В соответствии с планом «Вайс» пять немецких армий из Восточной Пруссии, Померании и Силезии вторглись на польскую территорию. После двухдневных бесплодных переговоров с Гитлером Англия и Франция объявили войну Германии, но не оказали польскому правительству реальной помощи.

3 сентября Москва санкционировала начало подготовки к польской военной кампании. 6 сентября в Ленинградском, Московском, Калининском, Белорусском и Киевском военных округах началась скрытая мобилизация под видом больших учебных сборов. Советские военные части должны были сосредоточиться на польской границе к 11 сентября. На базе Белорусского и Украинского военных округов сформировалось два фронта, их возглавили командармы М.П. Ковалев и С.К. Тимошенко.

7 сентября И.В. Сталин в беседе с руководством Коминтерна прокомментировал факт начала войны в Европе следующим образом: «война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира... Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались...» [33].

Цинизм в осуществлении внешней политики являлся широко распространенным явлением и среди демократических политиков. В июне 1941 г. сенатор Гарри Трумэн в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!» [33].

15 сентября после двух недель боев польское государство и армия находились на грани катастрофы. Английские дипломаты заявляли, что несмотря на предоставленные 25 августа военные гарантии Великобритания не в состоянии оказать Польше никакой помощи, кроме поставки 10 тыс. винтовок и 20 млн патронов к ним. Британские военно-воздушные силы «бомбили» германские города миллионами пацифист-

ских листовок, взывая к немецкой нравственности. Франция, обладая на Западном фронте превосходством в сухопутных войсках над Германией, ограничилась локальной операцией в Саарской области, проникнув до 8 км в глубь германской территории. Немецкие части без боя отступили на основные позиции.

Германия стремилась непосредственно втянуть СССР в войну с Польшей (а следовательно, и с западными державами), но И.В. Сталин осторожно выжидал падения польского правительства. В этом был расчет на нормы международного права (действующие до сих пор), рассматривающего оккупацию части территории государства, уже покинутого его законно избранным правительством, как «невольную». Действия подобного рода уже не подпадают под категорию преступлений против человечества, а их организаторы не являются безоговорочными военными преступниками.

17 сентября германские войска взяли Варшаву в кольцо. В тот же день советские войска вступили на территорию Польши. Польскому послу в СССР было объявлено, что «война выявила несостоятельность польского государства... польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни... Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей... Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Советское правительство больше не может соблюдать нейтралитет» [34] (а значит, обя-

Советский агитплакат: человек-знамя И.В. Сталин

зано выполнить свой долг и защитить единокровных украинцев и белорусов, проживающих в восточных областях Польши).

Советское руководство заявило, что намерено «принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить новой жизнью» [34]. И.В. Сталин выполнил свое обещание: в 1944 г. советские войска освободили поляков; польское государство действительно возродилось в новой социалистической форме.

В приказе № 1 военного совета Белорусского фронта говорилось, что белорусский, украинский и польский народы «истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековечными врагами помещиками и капиталистами... Армии Белорусского фронта 17 сентября 1939 года переходят в наступление с задачей содействовать восставшим рабочим и крестьянам в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией» [34]. Откровенно пропагандистский характер приказа должен был оправдать участие Советского Союза в агрессии против Польши.

Свыше полумиллиона советских солдат в составе Белорусского и Украинского фронтов перешли польскую границу. К польским военным и чиновникам, не оказывавшим сопротивления, войска Красной Армии проявляли лояльное отношение, советская авиация не бомбила населенные пункты. Советские войска не открывали огня первыми.

Главнокомандующий польскими войсками Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ: «С Советами в бой не вступать, с немцами продолжать борьбу». Основные силы польских частей, расположенных в Восточной Польше, без боя сдавались в плен (450 тыс. солдат и около 20 тыс. офицеров). Большая часть польских солдат (около 350 тыс.) после окончания кампании была освобождена, остальные оказались в лагерях НКВД.

Серьезные военные столкновения произошли только под Гродно и в районе Вильно. Гарнизон Вильно и регулярные

польские войска эвакуировались в Литву, сопротивление большевикам оказали лишь виленская патриотическая молодежь и отдельные группы польских офицеров, игнорировавших приказ об отступлении.

Гарнизон в Гродно также распустили, но с советскими войсками сражались горожане, записавшиеся в ополчение. На улицах возводились баррикады, заготавливались бутылки с зажигательной смесью, организовывались санитарные пункты. 20 сентября полсотни советских танков легко подавили оборону в районе южных предместий и несколько бронемашин прорвались в центр города. Однако они не имели поддержки пехоты и оказались уничтоженными. Вечером прибывший 119-й стрелковый полк и 27-я танковая бригада захватили южную часть Гродно, вскоре начался артиллерийский обстрел северной половины города.

21 сентября советские части предприняли неудачную атаку центра города и отошли на исходные позиции. Поляки оказывали ожесточенное, но безнадежное сопротивление. К Гродно подходили новые свежие силы Красной Армии, город неминуемо должен был пасть. В ночь на 22 сентября польские ополченцы покинули Гродно. В ходе боев за город погибли 57 советских бойцов и 644 польских. Всего советские войска во время польской кампании потеряли 996 человек.

В занятых советскими войсками городах организацией временного управления занимались специальные оперативные группы. Чекисты брали под контроль пункты связи, хранилища денег и ценностей, архивы и типографии, препятствовали диверсиям, саботажу и грабежам. Временное управление осуществляли представители Красной Армии и местного населения. Для борьбы с «контрреволюционными и классово чуждыми элементами» создавались отряды рабочей гвардии. На предприятиях возникали советы рабочих, в сельской местности — советы крестьян. Наравне с польской валютой (злотыми) вводилось обращение советских рублей.

Украинцы и белорусы приветствовали приход красноармейцев, поскольку считали их освободителями от польского гнета. В значительной степени это объяснялось тем, что с 1929 г. польское правительство проводило широкие кампании по «ополячиванию» населения: украинские и белорусские школы и православные церкви закрывались, в регион хлынул поток

польских колонистов. Украинцы, белорусы и евреи организовывали повстанческие отряды и нападали на польские части. Польские знамена превращались в красные (от них отрывали белую полосу), колонны Красной Армии засыпались цветами.

В Западной Белоруссии и Западной Украине провели выборы (всеобщие, равные, прямые и тайные) в Народные собрания. На итог выборов не мог не повлиять тот факт, что к 12 млн местных жителей добавились 2 млн советских солдат, числившихся в составе вошедших на эти территории советских войск. Кроме того, велась мощная агитационная работа: только в Западной Белоруссии действовали 4000 пропагандистов, 250 лекторов, 12 автоагитколонн. Правом выдвижения депутатов пользовались временные комитеты, советы рабочих, крестьянские комитеты и собрания рабочей гвардии; альтернативных кандидатур не было (т. е. выборы проводились по советскому образцу).

После выборов на присоединенных территориях провозгласили советскую власть, и Народные собрания обратились в Москву с просьбой принять их в «дружную семью советских народов». Вскоре начала осуществляться насильственная украинизация этих областей. Поляков увольняли из правительственных учреждений, количество польских школ сокращалось. Свыше 100 тыс. польских «осадников-колонистов» выслали в Сибирь на постоянное проживание.

В результате польской кампании граница СССР продвинулась на запад на 300 км, а население страны увеличилось на 12 млн человек, из них 7 млн составляли украинцы, 3 млн — белорусы, 2 млн — поляки. СССР возвратил исконно русские земли, потерянные во время распада Российской империи. Западные украинцы и белорусы воссоединились с русским народом в рамках единой государственности. В. Кожин полагал, что в 1939–1940 гг. СССР восстановил геополитическую границу,

Советский плакат, пропагандирующий братскую помощь западным украинцам и белорусам

которая существовала тысячу лет назад, и вернул территории, составляющие периферию российской цивилизации. Вместе с тем часть местного населения выступила против советских социально-экономических преобразований, принудительной коллективизации и присоединения к СССР. Степан Бандера, впоследствии убитый советскими спецслужбами в ФРГ в 1959 г., создал организацию украинских националистов (ОУН), объединив в ее рядах всех недовольных советской властью. С ОУН поспешили наладить контакты абвер и IV управление гестапо. Уже тогда гитлеровское командование искало соратников для возможной войны с новым союзником — СССР.

В беседе с лидерами Коминтерна И.В. Сталин сказал, что уничтожение Польши в создавшихся условиях означает, что одним буржуазным фашистским государством стало меньше, а социалистическая система распространилась на новые территории и их население.

Распространение «социалистической системы» обернулось форсированной коллективизацией на воссоединенных территориях. Так, на Западной Украине, где население никогда особо не жаловало «москалей» и «коммуны», только за 8 месяцев были созданы 155 колхозов и 31 совхоз. Сопrotивление подавлялось арестами, расстрелами и ссылками классово чуждых представителей духовенства, интеллигенции, зажиточного крестьянства. Особенно пострадало польское население. Около 10 % поляков депортировали в Казахстан, на Север, в Сибирь. Смертность среди депортантов достигала 16 %. Одним из символов сталинского террора стал массовый расстрел польских военнослужащих под Катынь.

31 октября 1939 г. В.М. Молотов заявил на заседании сессии Верховного Совета СССР, что оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны германской армии, а затем и СССР, чтобы уничтожить уродливое детище Версальского договора. Нарком считал, что идеологию нацизма можно признавать или отрицать, но ее нельзя уничтожить силой; поэтому бессмысленно вести войну против гитлеризма, прикрываясь фальшивым флагом войны за демократию. Впоследствии немецкие самолеты разбрасывали над Парижем листовки с речью Молотова.

17 сентября 1939 г. в ставке Гитлера обсуждалось направление следующего удара войск Третьего рейха. «Кандидатуру» СССР «приберегли» до момента сокрушения англо-французских войск в Европе, которые вели свою «странную войну». 28 сентября 1939 г. был подписан советско-германский «Договор о дружбе и границе», который урегулировал границу между двумя государствами и юридически закрепил четвертый раздел Польши. Соглашение сопровождали три протокола: один доверительный (о переселении в Германию немцев, проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии) и два секретных. По первому секретному приложению Литва входила в сферу интересов СССР, в обмен Германии отходила территория Люблинского и часть Варшавского воеводств. Во втором секретном протоколе Германия и СССР договорились запретить на своей (присоединенной в результате раздела Польши) территории антисоветскую и антифашистскую агитацию среди поляков.

Советско-германская граница в Польше прошла по так называемой «линии Керзона». Британская дипломатия, пусть и 19-летней давности, как бы незримо присутствовала в отношениях между СССР и Третьим рейхом. Официально теперь две страны могли считаться не только соседями, но и союзниками. «Фюрер немецкой нации» поздравил в декабре 1939 г. «вождя советского народа» с 60-летним юбилеем. В Советском Союзе работникам НКВД официально запретили называть арестованных фашистами. Договор от 28 сентября развязал руки (и открыл простор для дивизий) обеим сторонам в осуществлении их ближайших военно-политических задач.

А. Гитлер

«Незнаменитая война»

Финляндия не случайно попала в сферу советских интересов. Начиная с середины 1930-х гг. в этой стране неуклонно усиливались прогерманские настроения, военное сотрудничество с Германией встречало поддержку в финском обществе. Финский президент П. Свинхувуд публично заявлял, что Россия — это единственный и постоянный враг Финляндии. В конце 1930-х гг. финны серьезно занялись укреплением «линии Маннергейма» и, кроме того, в нарушение международной конвенции приступили к тайной ремилитаризации Аландских островов. Ленинград — крупнейший промышленный центр Советского Союза — находился в опасной близости от финской границы.

Обострению советско-финских отношений способствовала, как ни странно, лексика отечественных газет, очень часто применительно к северному соседу упоминавших «свиное рыло, прущееся в советский огород» [35]. Финский президент, чью фамилию можно было перевести как «свиноголовый», справедливо (или не очень) подобные выражения воспринимал на свой счет. МИД Финляндии даже заявил официальный протест НКВД СССР.

С осени 1938 г. Советский Союз упорно добивался от Хельсинки обмена территорий, мотивируя это необходимостью обеспечения «сферы безопасности» в северо-западном регионе. Москва просила Финляндию сдать в аренду порт Ханко под обустройство военной базы, которая во взаимодействии с военно-морской базой в Палдиске закрывала бы вход в Финский залив. Чтобы обеспечить оборону морских подступов к Мурманску, советские дипломаты предлагали обменять часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий и ряд островов Финского залива (Тогланд, Сескар, Лавенсари, Торсари, Лойвисто) на советские территории в Восточной Карелии. Общая площадь земли, которую СССР уступал финнам, оказалась в два раза больше той, которую он получал взамен. Однако Советский Союз претендовал на ключевые в стратегическом отношении регионы, предлагая отдать обширную, но плохо обжитую область Карелии. В то же время изменение границы не затрагивало оборонительную систему «линии Маннергейма».

12 октября 1939 г. финские дипломаты отказались подписывать с СССР пакт о взаимопомощи. 17 октября маршала К. Маннергейма, в прошлом генерал-лейтенанта царской армии, назначили главнокомандующим финским войском. Советско-финские переговоры окончательно зашли в тупик и были прекращены. На советско-финляндской границе стали сосредотачиваться войска Красной Армии.

26 ноября во время финских учебных стрельб у селения Майнила (в районе границы) пострадало несколько советских солдат и офицеров. До сих пор никто не знает, что именно там произошло, от совместного расследования инцидента советская сторона отказалась. Москва обвинила Финляндию в преднамеренной агрессии и потребовала отвести финские войска на расстояние 25 км от Ленинграда. Финское правительство отказалось выполнить это условие. В ответ СССР денонсировал (расторг) договор с Финляндией о ненападении. 30 ноября войска Ленинградского военного округа перешли границу и вступили в бои с вооруженными силами Финляндии.

1 декабря в финской деревне Териоки было сформировано народное правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР) во главе с О.В. Куусиненом, одним из руководителей Исполкома Коминтерна. ФДР и СССР заключили договор о взаимопомощи. В Советском Союзе на базе 106-й стрелковой дивизии создавалась финляндская народная армия. Марионеточное правительство Куусинена служило средством дипломатического давления Москвы на Хельсинки. Лига Наций потребовала от СССР прекратить войну и вывести войска, но советское руководство ответило отказом. Было объявлено, что СССР признает правительство Финляндии только в лице кабинета О. Куусинена, и что вообще «предыдущее» правительство уже покинуло Хельсинки. Тем самым Сталин, как и в сентябре 1939 г., ставил СССР в положение «невольного оккупанта». Однако в реальности признан-

*Бойцы Красной Армии
воевали в легких
буденновках*

Солдаты финской армии

ное мировым сообществом правительство страны никуда из Хельсинки не отлучалось. В итоге СССР исключили из Лиги Наций.

Советские войска вышли к укрепленной «линии Маннергейма» (трех полосам железобетонных и гранитных оборонительных сооружений общей глубиной в 90 км) и завязли в упорных боях. Естественные препятствия ландшафта, густая сеть озер и лесов затрудняли наступление. Красная Армия задействовала в операции 240 тыс. человек, более 1900 орудий, 1130 танков и 967 самолетов.

500 тыс. финских солдат, 900 артиллерийских орудий и 270 боевых самолетов два месяца отражали натиск Красной Армии. Финны хорошо подготовились для ведения боевых действий в условиях суровой зимы. Кроме того, широкие массы трудящихся Финляндии вовсе не приветствовали войска Красной Армии, как об этом заявлялось в «Обращении ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу». Финны считали советских солдат завоевателями и защищали свое отечество с отвагой и упорством. В Финляндию прибывали отряды добровольцев из Англии, Италии, Норвегии, США, Франции и Швеции. Эти страны снабжали финскую армию и оружием.

В январе 1940 г. Англия и Франция разработали план войны против СССР, который предусматривал военные действия в Финляндии и непосредственное вторжение на Кавказ и Украину, захват северных и дальневосточных портов, бомбардировку нефтяных промыслов Баку. Всего планировалось задействовать до ста дивизий и вовлечь в антисоветскую коалицию Югославию, Румынию, Грецию и Турцию. Французские газеты называли Советский Союз «врагом номер один». Германия, с которой Франция и Англия вели так называемую «странную войну», была поставлена в списке противников на второе место.

1 февраля после тщательной подготовки, сконцентрировав громадные ресурсы (свыше 750 тыс. солдат в составе 50 стрелковых дивизий, 10 тыс. орудий и минометов, 3 тыс.

танков и самолетов), армии Северо-Западного фронта под командованием С.К. Тимошенко перешли в наступление. К 11 февраля советские войска подавили сопротивление финнов на всей глубине «линии Маннергейма». Затем экспедиционный корпус Красной Армии совершил широкий обходный маневр и по льду Финского залива вышел на финскую территорию западнее Выборга.

При прорыве «линии Маннергейма» в феврале–марте 1940 г. советские войска потеряли 53,5 тыс. человек убитыми, 16,2 тыс. пропавшими без вести, 163,8 тыс. ранеными, 5 тыс. пленными. 12 тыс. бойцов оказались обмороженными, традиционное буденовское командование заменило на теплые ушанки далеко не сразу. Потери белофиннов оказались меньшими, но войну они проиграли. Даже американским военным экспертам пришлось признать: «Операция Красной Армии в Финляндии была проведена в высшей степени профессионально и грамотно. Нам есть чему поучиться у русских» [35].

12 марта при посредничестве Швеции состоялось подписание советско-финляндского мирного договора. Граница в Карелии отодвинулась от Ленинграда на 120 км. СССР получил ряд островов в Финском заливе, полуострова Средний и Рыбачий в Баренцевом море, а также (на правах аренды на 30 лет) полуостров Ханко с перспективой создания на нем военно-морской базы. Слабая подготовка Красной Армии, выявившаяся в ходе финской кампании, дала Гитлеру повод назвать Советский Союз «колоссом на глиняных ногах». Вину за просчеты в тактике и стратегии (большие потери, тактическая неповоротливость, слабость командования) возложили на наркома обороны К.Е. Ворошилова. В мае 1940 г. Ворошилова освободили от обязанностей, новым наркомом стал принесший победу в «зимней войне» С.К. Тимошенко.

Зверь пожирает Европу

В апреле 1940 г. Германия в соответствии с планом «Везерюбунг» приступила к захвату Дании и Норвегии. «Странная война» закончилась. Войска вермахта планомерно захватывали одну европейскую страну за другой.

10 мая 1940 г. Германия перешла в наступление на Западном фронте. Войска вермахта через территории Голландии, Бельгии и Люксембурга вторглись во Францию в обход укрепленной оборонительной «линии Мажино», смяли французскую оборону в районе Седана и 20 мая достигли Ла-Манша. 22 июня в Компьенском лесу (где хранилась мемориальная плита с надписью «Здесь 11 ноября 1918 года была побеждена преступная гордость Германской империи»), в вагончике командующего французскими войсками маршала Ф. Фоша был подписан акт о капитуляции Франции. Германия оккупировала северные промышленные районы этой страны, а на юге, в местечке Виши, сформировалось правительство маршала А. Петена. 16 июля после отказа правительства У. Черчилля заключить почетный мир с Германией Гитлер объявил о начале подготовки к десантной операции в Великобританию под кодовым названием «Морской Лев». В течение десяти месяцев продолжалась воздушная битва за Англию. Предпринятые немцами массированные бомбардировки не смогли сломить британскую ПВО.

Тем временем советско-германские экономические связи крепились день ото дня. Если в 1939 г. в Германию шло лишь 10 % советского экспорта, то в 1940 г. — уже свыше 50 %.

Советский народ готовился к войне

Советский Союз обменивал стратегические материалы и сырье (1 млн т зерна, 900 тыс. т нефти, 500 тыс. т фосфатов и железной руды, 100 тыс. т хлопка) на германскую технику (металлорежущие станки, минометы, опытные образцы боевых самолетов) и технологии (производство особо прочной стали, оптической аппаратуры). Для Германии особое значение имела возможность транзита товаров через советскую территорию на Ближний и Дальний Восток. В апреле — декабре 1940 г. через СССР прошло 59 % германского импорта и 49 % экспорта.

Внешнеполитическое партнерство с Германией имело и негативные стороны: СССР понес колоссальный моральный ущерб в глазах мировой общественности. Потенциальные союзники СССР против Германии — Англия и США — осудили агрессивные внешнеполитические акции советского руководства. 27 сентября 1940 г. окончательно оформился военно-политический союз Германии, Италии и Японии, направленный, по убеждению И.В. Сталина, против СССР. Впоследствии к этому союзу присоединились Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия и Хорватия.

В ноябре 1940 г. В.М. Молотов отправился для переговоров в Берлин. Гитлер рассчитывал осложнить возможный контакт СССР и Великобритании и в преддверии войны усыпить бдительность советского руководства. И.В. Сталин планировал укреплять стратегическое положение СССР и для этого максимально отдалять столкновение с Германией.

Во время переговоров в Берлине Гитлер констатировал, что советско-германское соглашение оказалось обоюдно выгодным. Нацистский лидер уверял В.М. Молотова, что интересы и жизненные пространства Германии и СССР не противоречат друг другу и могут быть урегулированы на много лет вперед. Немцы якобы убеждены, что с Англией будет покончено, как только позволят метеорологические условия, и в любом случае англичане отныне не должны влиять на европейские дела.

Французский лидер А. Петен покорен воле Берлина. Фюрер заявил, что Германия заинтересована в возвращении старых африканских колоний, а Балканы привлекательны для нее в качестве сырьевой базы. Объявлялось, что германские войска уйдут из Румынии, как только Англия будет повержена. Будущее Азии он оставлял за Японией, поскольку США в соответствии с доктриной Монро увязли в проблемах американских континентов.

Гитлер предлагал СССР стать фактически четвертым членом континентального союза, принять участие в разделе Британской империи и перенести центр тяжести советских интересов в сторону Персидского залива. Однако он уклонился от разъяснения германской позиции по вопросам, особенно волновавшим Сталина (цель присутствия немецких дивизий в Финляндии, сохранение независимости Бол-

гари, возможность размещения в районе Босфора и Дарданелл советских военно-морских баз).

В действительности Третий рейх и не собирался допускать СССР к переделу мира. Однако Советский Союз был вынужден поддерживать партнерские отношения с Германией, поскольку полное перевооружение Красной Армии планировалось закончить лишь к концу 1942 г.

Германия упорно стремилась к первенству в Европе. За день до начала Великой Отечественной войны рейхсleiter Альфред Розенберг, глава внешнеполитического отдела НСДАП, произнес речь, в которой заявил, что наивно полагать, будто агрессия Германии против СССР имеет цель освободить «бедных русских» от большевизма. Война решит не только временную «большевистскую проблему», но и позволит «оградить и продвинуть далеко на Восток сущность Европы» [36].

Вхождение Прибалтийских республик в состав СССР

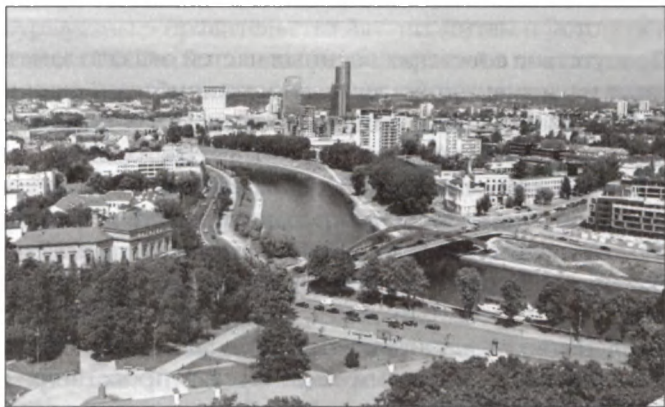
Претворяя в жизнь секретные приложения пакта Молотова — Риббентропа, СССР активно приступил к советизации Латвии, Литвы и Эстонии. Советские дипломаты не скрывали, что Германия отдала Прибалтику в сферу влияния Советского Союза. На изданных в Германии в апреле 1940 г. картах Латвия, Литва и Эстония изображались в составе СССР. В сентябре 1939 г. Кремль проводил с руководством Прибалтийских стран переговоры о заключении договоров о взаимопомощи, настолько секретные, что о них не проинформировали даже послов СССР в этих странах. Во внешнеполитической ловушке руководство этих «независимых» республик во многом оказалось по собственной воле. Слабые авторитарные режимы встретились с реальной угрозой очень сильных авторитарных режимов. После советско-германского пакта, поражения Франции и ухода с континента Англии надежд на сохранение независимости у Прибалтийских государств больше не было.

18 сентября 1940 г. из порта Таллин совершила побег польская подлодка «Орел», подлежащая в соответствии с между-

народным правом интернированию. СССР заявил, что эстонское правительство находится в тайном союзе с польской военщиной и нарушает нейтралитет. Эстонцев обвинили в том, что они не в состоянии «поддерживать порядок в своей стране и тем самым ставят под угрозу безопасность Советского Союза» [34]. 24 сентября для заключения торгового соглашения в Москву прибыл эстонский министр иностранных дел К. Сельгер. На переговорах В.М. Молотов дал понять эстонской стороне, что Советский Союз уже 20 лет заперт в Финском заливе и не имеет свободного выхода в Балтийское море, а также вынужден заботиться о своей безопасности. Вопрос ставился категорично: если Эстония не намерена заключить с СССР пакт о взаимопомощи, то советское руководство для гарантирования безопасности своей страны будет искать другие пути, более крутые и более сложные.

Словно в подтверждение советских аргументов вечером 27 сентября, в день подписания советско-германского «Договора о дружбе и границе», в Нарвском заливе был торпедирован пароход «Металлист», все члены экипажа (пять человек) пропали без вести (вероятно, утонули). Существует версия, что нападение на пароход осуществила советская подводная лодка.

28 сентября советские дипломаты, угрожая применением военной силы, вынудили эстонцев заключить пакт о взаимопомощи. 5 октября подобный пакт подписала Латвия, а 10 ок-

Столица нынешней Литвы Вильнюс (в 1940 г. — Вильно)

тября — Литва. Стороны обязались оказывать друг другу помощь в случае нападения или угрозы нападения со стороны любой европейской державы. Предполагалось, что соблюдение пакта о взаимопомощи никоим образом не ограничит государственный суверенитет договаривающихся сторон. По условиям договоров СССР получил право разместить в Прибалтике военные контингенты (по 25 тыс. человек в каждой из республик, тогда как, например, эстонская кадровая армия насчитывала всего 15 тыс. человек) и создать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Сааремаа и Хийумаа, а также в городах Палдиски, Лиепая, Вентспилс.

Кроме того, СССР и Прибалтийские страны подписали экономические соглашения, по которым Советский Союз поставлял им сырье (железо, нефть, хлопок). Торговые связи балтийских государств переориентировались на тесный контакт с советской экономикой. Литва получила в качестве жеста доброй воли от Советского Союза будущую столицу — город Вильно (Вильнюс) с населением 400 тыс. человек, из которых собственно литовцев было всего 25 % (остальную часть населения составляли поляки, белорусы и евреи).

После распада СССР Литва официально денонсировала пакт Молотова — Риббентропа. Но в соответствии с международным правом это должно вести и к изъятию у снова независимой Литвы территории Вильно, на которую официально претендуют партии крайних польских националистов.

Присутствие советских военных частей оказало заметное влияние на активизацию деятельности прибалтийских коммунистических партий. Выйдя из подполья, они быстро набирали политический вес и поддержку со стороны населения. Повседневным явлением стали митинги и забастовки, направленные на защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого населения. Однако Москва запретила советским солдатам и офицерам вмешиваться в политические дела Прибалтийских республик. Настроения военнослужащих относительно возможной «советизации» Эстонии, Латвии и Литвы пресекались, а коммунистическая пропаганда «вне территории военной части» объявлялась антисоветской провокацией. Советское руководство стремилось макси-

мально ограничить контакты бойцов с местным населением. Договоры о взаимопомощи позволили Сталину вовлечь в орбиту Москвы страны Прибалтики, но оказывать влияние на их внутренние дела пока не было необходимости.

29 сентября эстонский президент К. Пятс (тот самый, по воле которого в 1920 г. в лагерях погибло 10 тыс. русских белогвардейцев) сообщил по радио, что Советский Союз готов оказать Эстонии поддержку в экономической и военной сфере, а в условиях напряженного международного положения в Европе договор о взаимопомощи с СССР является гарантией защиты Эстонии.

В середине июня 1940 г. советское руководство, обвинив литовское правительство в провокационных действиях против советских солдат, предъявило Прибалтийским государствам ультиматум. Москва настаивала, чтобы в Латвии, Литве и Эстонии были сформированы правительства, способные честно соблюдать договоры о взаимопомощи. И.В. Сталин потребовал разместить советские воинские контингенты в ключевых центрах, что позволяло установить контроль над Прибалтикой.

«Буржуазные» правительства Латвии, Литвы и Эстонии под давлением СССР и массовых демонстраций в столицах ушли в отставку. Чрезвычайные уполномоченные представители советского правительства — А.А. Жданов, А.Я. Вышинский и В.Г. Деканозов — проконтролировали организацию и проведение новых выборов. Из Прибалтики депортировали около 80 тыс. представителей военной и политической элиты, а также журналистов и предпринимателей. Левые силы («союзы трудового народа») набрали на выборах 90 % голосов.

21–24 июля народные правительства Прибалтийских стран провозгласили установление советской власти, национализировали землю и основные средства производства, а также выразили желание войти в состав Советского Союза. В июне 1941 г. из Прибалтики выслали около 26 тыс. быв-

И.В. Сталин

ших помещиков, фабрикантов и иных «классово чуждых элементов».

Госсекретарь США С. Уэллес в беседе с советским послом сказал, что «свободное желание» балтийских народов жить под советским протекторатом ничем не отличается от германской оккупации государств Западной Европы. Американцы никогда де-юре не признавали вхождение Прибалтийских республик в состав СССР, что в дальнейшем, уже в условиях «перестройки», наложит отпечаток на стремление Латвии, Литвы и Эстонии выйти из состава Советского Союза.

Советский Союз грубо нарушил суверенитет Прибалтийских республик, и с этой точки зрения политика Сталина заслуживает осуждения. Однако не следует забывать, что Гитлер планировал полностью ассимилировать прибалтийские народы, а не только лишить их государственности. Прибалтийский немец, идеолог Третьего рейха, А. Розенберг считал, что после захвата балтийских республик потребуется «обеспечить отток значительных слоев интеллигенции в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян... чтобы через одно-два поколения присоединить эту страну, уже полностью онемеченную, к коренным землям Германии» [33].

Полудобровольное присоединение к Советскому Союзу трех Прибалтийских республик диктовалось соображениями национальной геополитической безопасности. После сокрушения Франции военный потенциал Германии необыкновенно усилился, и ни одна европейская держава больше не могла соперничать с Третьим рейхом. В условиях нарастания угрозы нападения Германии на СССР лидеры Прибалтийских стран продемонстрировали отчетливое стремление к заключению военного союза с Германией. В случае переориентации внешней политики Эстонии, Латвии и Литвы на Берлин Советский Союз оказался бы в чрезвычайно сложном стратегическом положении.

Образование Молдавской ССР

В конце марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР встал вопрос о возвращении Бессарабии, захваченной Румы-

нией в период распада Российской империи. Вскоре Политбюро приняло решение о подготовке военной кампании против Румынии. В апреле началось сосредоточение советских войск на румынской границе. Румынское правительство объявило о всеобщей мобилизации и активно, но безуспешно искало поддержки у Берлина. Гитлер, заявлял, что Германию не интересует проблема Бессарабии, и в этом пункте оставался верен секретным соглашениям с Советским Союзом. Коронный совет Румынии 27 голосами против 11 согласился принять советский ультиматум.

28 июня после дипломатических переговоров с Румынией советские войска заняли Бессарабию и Северную Буковину. (Входившая ранее в состав Австро-Венгерской империи Северная Буковина никогда не принадлежала России, однако ее населяли украинцы.)

В начале августа 1940 г. к СССР присоединилась республика Молдавия (с населением около 4 млн человек), образованная из Бессарабии и Северной Буковины без предварительных выборов и референдумов. Классовые чистки проходили и здесь: от 69 до 89 тыс. «бывших» были арестованы, депортированы, уничтожены.

Гитлер проявлял недовольство тем обстоятельством, что советские войска оказались в недопустимой близости от румынских нефтеносных районов, столь необходимых германской экономике. В скором времени немецкие дипломаты заключили с румынским лидером, генералом Й. Антонеску, военный союз, по условиям которого войска вермахта вводились в Румынию для защиты ее границы с СССР.

Ухудшение отношений с Германией

Несмотря на то что к концу 1940 г. Гитлеру удалось подчинить почти всю континентальную Европу, Германия постепенно утрачивала военную инициативу. Война расширялась и затягивалась, воздушная «битва за Англию» не принесла никаких результатов. Великобритания неумолимо наращивала мощь своих военно-морских и военно-воздушных сил. После прихода к власти правительства У. Черчилля компромисс с британской короной оказался невозможным. На Востоке

*Враг не дремлет,
но и стражи советских
границ — тоже*

наращивал силы СССР, а на Западе занимали выжидательную позицию Соединенные Штаты Америки. С целью сокрушения Англии немецкий Генштаб планировал перенести военные действия к нефтеносным районам Ближнего Востока, но сначала требовалось устранить Советский Союз.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву плана войны на Востоке под кодовым названием «Барбаросса». В частности, план предусматривал следующее: «Германские вооруженные силы должны быть готовы раз-

бить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война с Англией... Основные силы русских сухопутных сил, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвигания танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено... Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск... Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции...» [5].

Решающее значение в успешном осуществлении плана «Барбаросса» придавалось секретности намерений немцев. Однако уже через 11 дней в Москве стало известно о том, что Германия начала подготовку к вторжению в СССР. Советское руководство приняло некоторые превентивные меры, направленные на усиление обороны страны.

25 марта к Тройственному пакту присоединилась Югославия. В ночь на 27 марта в Белграде произошел военный переворот. Королем был провозглашен несовершеннолетний Петр II, правительство возглавил командующий югославскими ВВС генерал Д. Симович. Он предложил СССР заключить

договор о взаимопомощи. И.В. Сталин, учитывая, что германская агрессия против Югославии неизбежна, согласился лишь на договор о дружбе и ненападении. Такое соглашение было подписано 5 апреля. А 6 апреля гитлеровские войска вторглись в Югославию, но Москва не выразила по этому поводу официального протеста. Советская общественность испытала недоумение и разочарование в связи с тем, что советское руководство не смогло предотвратить разгром Югославии войсками «нашего друга» Гитлера.

Более того, 13 апреля Сталин подчеркнуто дружественно обращался с послом Германии в СССР В. фон Шуленбургом во время проводов Мацуоки, министра иностранных дел Японии (между СССР и Японией был заключен пакт о ненападении, что расценивалось как успех советской дипломатии).

В то же время сталинское руководство постепенно, косвенным образом возрождало антифашистские мотивы в официальной пропаганде. Сталин лично дал указание пропустить через цензуру роман И. Эренбурга «Падение Парижа». В процессе политической подготовки советских офицеров политруки стали применять исторические аналогии, связанные с неоднократными победами русских над немцами.

Был снова выпущен в кинопрокат фильм С.М. Эйзенштейна «Александр Невский», где возникали параллели между агрессией «псов-рыцарей» на русские земли рубежа 30–40-х гг. XIII в. и угрозой «фашистских собак» рубежа 30–40-х гг. уже XX в. Заключительная фраза, вложенная в уста воителя, вождя и святого: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет», — оказалась в какой-то степени пророческой.

Существовал ли другой вариант?

Поражения советских войск летом 1941 г. в советских учебниках истории традиционно объяснялись внезапностью нападения Германии на СССР. В период перестройки некоторые историки и общественные деятели были склонны обвинять И.В. Сталина в совершении внешнеполитического просчета, который позволил армии вермахта в считанные недели захватить огромные территории Европейской части СССР. Сталин якобы доверился Гитлеру и не ожидал нападе-

ния, а потому не принимал всерьез многочисленных агентурных сведений.

В 1990-е гг. бывший разведчик ГРУ Владимир Резун (псевдоним Виктор Суворов) по «идейным» мотивам бежавший из СССР в Англию, выдвинул версию, что Советский Союз намеревался сам напасть на Германию, а затем поработить весь мир. Книга Резуна «Ледокол» вызвала в то время большой общественный резонанс.

Официальная коммунистическая версия истории начала Великой Отечественной войны и две антисоветские (утверждающие каждая «свою правду») представляются противоречивыми. К тому же каждая из них интерпретирует события однобоко, тогда как они требуют объективного освещения.

После гибели Российской империи ее преемница Советская Россия потеряла статус великой державы. Вернуть стране былое могущество партия большевиков рассчитывала путем осуществления всемирной пролетарской революции. Москва официально заявляла, что выступает за сохранение мира и готова сотрудничать с капиталистическими странами. Однако при этом она предупреждала: если советское государство подвергнется нападению, враг будет разгромлен, а боевые действия перенесены на его территорию.

Объединение континентальной Европы вокруг нацистской Германии и советско-финляндская война свидетельствовали об утопичности надежд на восстание мирового пролетариата. И.В. Сталин все еще публично заявлял, что будущая война «будет самой опасной для буржуазии, потому что будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника... многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям...» [37]. Однако приближенный к власти писатель Вс. Вишневский прагматично полагал, что, действуя под антифашистскими лозунгами, можно распространить политическое влияние СССР на Польшу, Чехословакию, Румынию, установить контроль над черноморскими проливами и выйти в Средиземное море.

5 мая на праздничном вечере в Кремле, посвященном чествованию выпускников военных академий, И.В. Сталин произнес свою знаменитую речь, которую многие расценили

как программное заявление о начале подготовки нападения на Германию. Он заявил, что процесс перевооружения Красной Армии завершился: 1/3 дивизий — механизированы, запущено серийное производство самолетов и танков нового поколения; советские военнослужащие получили боевой опыт в финской кампании.

Хотя Гитлер одержал ряд военных побед на Западе, Сталин полагал, что нацистские лозунги завоевательной войны рано или поздно приведут Германию к катастрофе. Кроме того, имел значение тот факт, что немцы уверились в непобедимом превосходстве своей военной техники, но именно в силу этого стали уязвимы. «Непобедимых армий нет!» — провозгласил И.В. Сталин. Лейтмотивом выступления стала мысль о том, что столкновение вермахта и Красной Армии неизбежно.

В выступлении Сталина прозвучало утверждение, что СССР и США, не участвующие в европейской междоусобице и обладающие колоссальной ресурсной базой, через несколько лет станут единственными мировыми державами. Союз СССР и США будет представлять величайшую военную и экономическую силу.

После торжественной части начался банкет, во время которого один из присутствовавших (участники событий называют разные фамилии) предложил тост за мирную сталинскую внешнюю политику. Однако И.В. Сталин уточнил, что СССР проводил мирную политику, пока перевооружал армию. Теперь же следует перейти от обороны к наступлению, перестроить воспитание, пропаганду, агитацию, печать в наступательном духе — ведь современная армия должна быть наступательной. Сталин призвал «выпить за войну, за наступление, за победу над Германией» [38].

Однако очевидно, что в 1941 г. СССР не собирался первым нападать на Германию и советизировать европейские государства. Превентивный удар против Германии, имевшей в своем распоряжении практически весь военно-технический потенциал Европы, был объективно невозможен.

На тот момент Советский Союз не мог воевать с Третьим рейхом один на один, без поддержки атлантических союзников. К тому же возрастала угроза японской агрессии на Дальнем Востоке. В 1940 г. советское руководство считало, что не-

обходимо готовиться к войне на два фронта: «на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке — против Японии».

В то же время Генштаб РККА действительно разрабатывал план вторжения в Европу, но только после отражения агрессии сил вермахта в пограничных сражениях. Боевая подготовка Красной Армии в предвоенные годы предусматривала главным образом наступательные, а не оборонительные операции.

Накануне

Весной 1941 г. Европа обсуждала возможные варианты германского нападения на СССР. Советские дипломаты и военные атташе передавали в Москву множество слухов об агрессивных планах Берлина. Главное разведывательное управление (ГРУ) Красной Армии указывало в докладах, что Германия постепенно увеличивает число дивизий на восточной границе. Однако советская разведка отмечала, что большинство агентурных данных о возможности войны с Германией исходят от англо-американских источников (это означало, что не исключена дезинформация в провокационных целях).

Советское правительство располагало сведениями о предполагаемой дате агрессии (в период с 15 мая по 15 июня), о трех главных направлениях ударов, были известны даже фамилии трех командующих немецкими группами армий. Однако И.В. Сталин и его окружение полагали, что Германия нападет на СССР только после капитуляции Англии. Вождь не хотел верить в иное развитие событий. А.И. Микоян вспоминал, как Сталин прокомментировал предупреждение Черчилля о скором начале войны: «Черчиллю выгодно, чтобы мы поскорее влезли в войну, а нам выгодно подольше быть в стороне от этой войны» [39].

Немцы блестяще разыграли дипломатическую партию. Сосредоточение свыше 250 дивизий на советской границе было невозможно замаскировать. Поэтому Берлин приложил максимум усилий, убеждая Москву в необходимости урегулировать советско-германские отношения во время встречи на высшем уровне. В контексте скорой предполагаемой

встречи Сталина и Гитлера увеличение германских военных контингентов на Востоке выглядело как средство давления на советское руководство. Москва стремилась оттянуть столкновение с Германией хотя бы до 1942 г.

В условиях дезинформационной психологической войны советскому руководству было чрезвычайно трудно принять верное решение. Министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс отмечал в дневнике: «Что касается России, то нам удалось натянуть пелену всевозможных слухов. Большое количество газетных уток мешает понять, где правда, где ложь» [39].

Советская стратегическая разведка подчинялась непосредственно И.В. Сталину, и все важные донесения передавались ему лично. Выводы аналитических аппаратов НКВД и ГРУ подстраивались под генеральную линию (т. е. подразумевали, что Германия нападет на СССР лишь после разгрома Англии, а значит, слухи о возможной войне в 1941 г. следует рассматривать как дезинформацию). Ряд донесений, не соответствовавших сталинским прогнозам, дезавуировались руководителями разведывательных ведомств. Л.П. Берия неоднократно заявлял, что необходимо «стереть в лагерную пыль» неугодных информаторов. Ему же принадлежит и словословие в адрес Сталина: «Я и мои люди твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет» [40].

18 апреля английский посол С. Криппс заявил, что в Великобритании есть политики, которые в случае затягивания военных действий будут настаивать на заключении мира с Германией. Криппс также напомнил, что сохранение территориальной неприкосновенности Советского Союза не входит в сферу национальных интересов Великобритании.

13 мая советская разведка сообщила, что 10 мая состоялся полет в Англию Рудольфа Гесса, вто-

Военный нарком требовал от армии полной боевой готовности

рого человека в НСДАП, рейхсминистра без портфеля, члена имперского совета обороны. 14 мая Сталин получил информацию, касавшуюся визита Р. Гесса в Британию. Германский самолет приземлился возле поместья лорда Гамильтона. Гесс был сразу же арестован, однако стало известно, что он привез предложения о мире. Немцы в связи с этим сообщили, что Гесс сошел с ума.

Авантюра Рудольфа Гесса лишь усилила подозрения Сталина в отношении двойной игры Лондона. Английская разведка активно нагнетала напряженность между Германией и СССР. Британские агенты распространяли в США слухи о планах Сталина нанести превентивный удар по Южной Польше. За месяц до вторжения на территорию СССР немецкие спецслужбы обрушили на советское руководство лавину дезинформации.

22 мая 1941 г. германские войска на побережье Ла-Манша переводились на «особое положение». Сами немецкие солдаты были убеждены, что вскоре состоится наступление на Западе (десант в Англию), а на Востоке дивизии выполняют лишь оборонительные функции, защищая Третий рейх от нападения большевиков.

В ночь на 13 июня германские спецслужбы провели хитроумную операцию по дезинформации советского руководства. Агенты намеренно секретно конфисковали тираж газеты «Народный наблюдатель» со статьей Й. Геббельса под названием «Крит как пример». Статья посвящалась десантной операции в Англии, в планировании которой Геббельс предлагал использовать опыт, полученный во время захвата Крита.

С весны 1941 г. среди населения все активнее распространялись слухи о скорой войне. Москвичи убеждали друг друга, что с первомайского парада войска прямиком направятся в Ленинград, Минск и на германскую границу. 4 мая 1941 г. Политбюро утвердило И.В. Сталина на должность Председателя СНК, сохранив за ним и пост Первого секретаря ЦК ВКП(б). А.А. Жданова, возглавлявшего Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), назначили заместителем Сталина по Секретариату, а В.М. Молотова — заместителем по СНК.

В мае 1941 г. Генштаб окончательно завершил работу над «Планом обороны государственной границы», согласно которому военные части приграничных округов должны были

упорной обороной в укрепрайонах задержать наступление врага на то время, пока главные силы Красной Армии будут производить мобилизацию и оперативное развертывание. Основу плана составляла предложенная «врагом народа» М.Н. Тухачевским идея «ответного удара» (а не идея стратегической обороны). Вот только линия укреплений на старой (до сентября 1939 г.) границе, не уступающая по своей мощи «линии Маннергейма» по решению И.В. Сталина была демонтирована (остатки сооружений решили передать колхозам под силосные ямы). А сооружение новой линии запаздывало. На неукрепленные новые рубежи перевели и армейские склады (которые позже попадут в руки гитлеровцев).

В первый эшелон прикрытия входило около 60 дивизий. В конце апреля 1941 г. под видом учений в западных военных округах призвали 800 тыс. резервистов. В середине мая здесь дислоцировались 66 дивизий, представлявших собой второй эшелон обороны. 12 июня советское руководство приняло решение пополнить армии прикрытия 63 дивизиями.

16 июня под видом учений войска второго эшелона покинули места дислокации и в полном соответствии с Планом обороны начали осуществлять развертывание и сосредоточение сил на Днестре (под общим командованием С.М. Буденного).

Сталин опасался спровоцировать Гитлера на вторжение, и войска прикрытия получили приказ начать непосредственную подготовку к обороне только вечером 21 июня. Во-первых, вождь по-прежнему считал, что угроза нападения Германии нагнетается со стороны Великобритании, а сам Гитлер пока не собирается ее осуществить. Во-вторых, руководство СССР было уверено, что перед нападением немцы предъявят ультиматум, а значит, будет время подготовиться к обороне.

Но Сталин переоценил боеспособность наших войск, поскольку ориентировался только на количественные показатели. Действитель-

С.М. Буденный

но, Германия выставила 31 тыс. орудий и минометов против 37 тыс. советских орудий, 3300 танков и 250 самоходных орудий против 9 тыс. советских легких танков, 4 тыс. боевых самолетов против 8 тыс. советских.

Добившись количественного превосходства, советские лидеры не смогли преодолеть качественное отставание Красной Армии. Войска были плохо подготовлены к реалиям современной войны (в том числе это касалось штабов и комсостава). Взаимодействие частей, радиосвязь, разведка, тактика, управление находились на низком уровне.

В середине июня начался массовый выход германских войск к советской границе. Советское руководство было крайне обеспокоено. 18 июня В.М. Молотов безуспешно пытался связаться с Гитлером по телефону. 19 июня нарком обороны С.К. Тимошенко отдал приказ замаскировать аэродромы и воинские части в приграничных областях. В час дня 21 июня 1941 г. войска вермахта, дислоцировавшиеся на восточной границе, получили кодовый сигнал «Дортмунд». Германские генералы отдали открытый приказ о подготовке к вторжению в Советский Союз.

Вечером 21 июня советские войска Западного военного округа получили приказ прийти в состояние полной боевой готовности, но было уже поздно. Война началась 22 июня в четыре часа утра. Только через два часа посол фон Шуленбург передал Молотову дипломатическую ноту об объявлении войны. История сохранила ответную реплику наркома: «Чем мы это заслужили?».

22 июня 1941 г. Советский Союз окончательно перестал быть одним из участников мирового геополитического раздела. Начиналась Великая Отечественная война, справедливая и святая битва народов страны за свою подлинную независимость, за само существование.

Заключение

Грандиозные стройки и страшные репрессии, трудовой героизм миллионов и режим власти одного человека — никогда еще «зияющие высоты» прекрасного нового мира не были столь обманчиво близки, как в предвоенные годы. Несомненный массовый энтузиазм снизу и очередная кадровая революция сверху — это столкновение обещало и триумф, и трагедию. И то, и другое имело для страны долгие, очень долгие последствия...

Сталину и его команде удалось совершить то, на чем надорвалась Российская империя, — форсированную модернизацию промышленно-хозяйственной системы. Из периферийной страны 20-х гг. с колоссальным, но непроявленным потенциалом и глобальными идеологическими и геополитическими амбициями СССР в 30-е гг. превратился в одного из главных претендентов на мировое лидерство с тем же, но уже четко вырисовывающимся потенциалом и еще большими амбициями. Мировой кризис капиталистической системы помог появиться на свет двум самым непримиримым оппонентам сложившейся мировой межвоенной системы — сталинскому Советскому Союзу и гитлеровской Германии. Сами по себе несомненные успехи индустриализации не означали упрочения в стране социалистического строя. Социализм, а тем более коммунизм — это общество без эксплуатации. Но замена многочисленных помещиков и капиталистов на одного суперэксплуататора в лице государственной машины не приближала идеалы светлого общества без классов и без принуждения, обернувшись тотальным принуждением в социальной, политической и духовной жизни, сверхэксплуатацией рабочих, фактическим разграблением села. Поддержка режима Сталина массами совсем не означает, что этот режим был общенародным. Его надклассовость оборачивалась унижением и умалением пролетариата, крестьянства и трудовой интеллигенции.

22 июня 1941 г. — эта дата показала, чего стоила на деле сталинская авторитарная командно-бюрократическая система. 9 мая 1945 г. — эта дата показала настоящего героя и движущую силу эпохи — великий советский народ.

Советские лидеры в 1930–1941 гг.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), маршал Советского Союза (1935), нарком обороны СССР (с 1934 г.), заместитель председателя СНК СССР (с 1940 г.), член Политбюро (Президиума) ЦК (1926–1960)

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины (1925–1928), секретарь ЦК ВКП(б) (1928–1939), 1-й секретарь МК ВКП(б) (1930–1935), нарком путей сообщения (1935–1944), заместитель председателя СНК СССР (с 1938 г.)

Киров Сергей Миронович (1886–1934), Костриков, 1-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР (с 1921 г.), 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) (с 1926 г.), секретарь ЦК ВКП(б) (1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930 г.)

Микоян Анастас Иванович (1895–1978), нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли СССР (1926–1946) заместитель председателя СНК СССР (с 1937 г.), член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1935–1966

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986), Скрябин, председатель СНК СССР (1930–1941) и СТО СССР (1930–1937), нарком иностранных дел (с 1939 г.), член президиума ЦК КПСС (1926–1957)

Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937), «Серго», председатель ВСНХ (с 1930 г.), нарком тяжелой промышленности СССР (с 1932 г.)

Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953), Джугашвили, глава советского государства, генеральный секретарь ЦК партии (1922–1953), инициатор массовой коллективизации и форсированной индустриализации

Список литературы

А. Цитируемая

1. *Шафаревич ИР.* Зачем России Запад? — М., 2005.
2. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. — М., 2001.
3. *Бордюгов ГА, Козлов ВА.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992.
4. *Верт Н.* История Советского государства. — М., 1992.
5. Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945). — М., 1996.
6. *Иванов ЮМ.* Положение рабочих в России в 20-х — начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5.
7. *Жуков ГК.* Воспоминания и размышления. — М., 2002.
8. *Кацва ЛА.* История России: советский период 1917–1941 гг. — М., 2002.
9. *Боффа Д.* История Советского Союза. — М., 1990.
10. *Сталин ИВ.* Сочинения. Т. 12–13. М., 1951.
11. *Борев Ю.* XX век в преданиях и анекдотах. Кн. 1–2. — Харьков; Ростов н/Д, 1996.
12. *Хоскинг Д.* История Советского Союза (1917–1991). — Смоленск, 2000.
13. *Конквест Р.* Большой террор. — Рига, 1991.
14. *Сталин ИВ.* Вопросы ленинизма. — М., 1948.
15. *Роговин ВЗ.* Сталинский неонэп. — М., 1995.
16. *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск, 1993.
17. *Медведев Р.* Они окружали Сталина. — М., 1990.
18. *Зеленин ИЕ.* Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7.
19. *Горелов ММ, Доженко ЕН.* История отечества: люди, идеи решения. — М., 1991.
20. *Дорофеев В.* Сталинизм: народная монархия. — М., 2006.
21. *Медведев РА.* О Сталине и сталинизме. — М., 1990.
22. *Эренбург ИГ.* Люди, годы, жизнь: В 3-х кн. — М., 2000.
23. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. — М., 1999.
24. *Разгон ЛЭ.* Непридуманное. — М., 2006.
25. *Кара-Мурза СГ.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. — М., 2005.

26. *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. — М., 1991.
27. *Соколов Б.В.* Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. — М., 2004.
28. *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). — М., 2001.
29. Новейшая отечественная история. 20 век. — М., 2004.
30. *Грамыко А.А.* Памятное: В 2 тт. — М., 1988.
31. *Уткин А.И.* Уинстон Черчилль. — М., 2002.
32. *Дугин А.Г.* Консервативная революция. — М., 2004.
33. *Кожин В.В.* Россия. Век XX. 1901–1939. — М., 1999.
34. *Бешанов В.* Красный блицкриг. — М., 2006.
35. *Стечкин В.* Кому еще кусок России, или Кто получит от мертвого осла уши? — М., 2005.
36. *Кожин В.В.* Великая война России. — М., 2006.
37. Россия XX в. Документы. 1941. Кн. 2. — М., 1998.
38. *Невежин В.А.* Москва, Кремль. 5 мая 1941 г. // Военно-исторический журнал. — 2001. — № 5.
39. *Волков В.К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна — лето 1941 г.) // Вопросы истории. 2003. № 6.
40. *Безыменский Л.А.* Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996. № 9.

Б. Используемая

- Дмитриевский С.* Сталин. Предтеча национальной революции. — М., 2003.
- Кирилина А.А.* Неизвестный Киров. Мифы и реальность. — СПб., 2001.
- Лиходеев В., Джавланов А.* Номенклатура: эволюция отбора. — М., 1993.
- Пайтс Р.* Россия при большевиках. — М., 1997.
- Хлевнюк О.* 1937 год: Сталин, НКВД и советское общество. — М., 1992.

В. Дополнительная

- Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. — М., 2007.
- Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. — М., 1988.
- Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. — М., 2003.

Содержание

Предисловие	3
ГЛАВА 1.	
БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА?	4
Команда «Кризис!» дана для всех	5
Три пути	7
Кризис хлебозаготовок	11
Настроения в среде рабочих	15
Выбор Сталина	22
Первый пятилетний план	24
Итоги и уроки	27
ГЛАВА 2.	
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ	30
Подготовка к преобразованиям	31
Великий перелом	33
«Головокружение от успехов»	37
Добро должно быть без кулаков	39
Новое наступление	43
Великий голод	48
Уроки коллективизации	50
ГЛАВА 3.	
«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ...»	52
Отказ от штурмовщины	53
Стахановское движение	54
Итоги второй пятилетки	58
Признание «личного» интереса	61
Колхозная жизнь	64
Итоги сталинской модернизации	71
ГЛАВА 4.	
СТАЛИНИЗМ: РЕЖИМ И ЕГО «ГЕРОИ»	76
Загадка Сталина	77
Сталинский наклон	80
За Родину! Против Сталина	84

Большой террор: начало	89
Палачи и жертвы	92
ГУЛАГ на службе «великих строек»	98
Конституция 1936 г.: слово и дело	102
Партия и Большой террор	109
Сущность Большого террора	115

ГЛАВА 5.

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ

СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Создание мифа	119
Советское образование	124
Гонения на гуманитариев	128
Техника и естествознание	131
Ужесточение цензуры	135
Культура и национальный вопрос	139
«Одемянивание» литературы	139
Конец многообразия в искусстве	140
Борьба за упрощение форм	142
Судьбы писателей	144
Всесилие Главлита	147
Кино эпохи сталинизма	151
Потери в области культуры	153
Власть и художественная интеллигенция	154

ГЛАВА 6.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В 1930-е гг.

Советская дипломатия: смена вех	161
Капиталистическое окружение: от блокады к торговле	163
СССР и Веймарская республика	165
СССР и США	169
СССР и Коминтерн	171
Война в Испании	173
Конфликт на КВЖД	177
Японская угроза	179
«И летели наземь самураи...»	184
Карта Европы начинает перекраиваться	188
Мюнхенский сговор	190

ГЛАВА 7.**ЗА МИРОВОЙ ВОЙНОЙ — ОТЕЧЕСТВЕННАЯ**194

Европа на пороге войны	195
Советско-германское сближение	198
Пакт Молотова — Риббентропа	199
Начало Второй мировой войны: четвертый раздел Польши	204
«Незнаменитая война»	212
Зверь пожирает Европу	215
Вхождение Прибалтийских республик в состав СССР	218
Образование Молдавской ССР	222
Ухудшение отношений с Германией	223
Существовал ли другой вариант?	225
Накануне	228
Заключение	233
Приложение	234
Список литературы	235

Серия «История России»
Ванюков Дмитрий Александрович
Суслов Иван Владимирович
Годы репрессий

Выпускающий редактор *Фатиева И.Ю.*
Технический редактор *Камышова С.В.*
Корректоры *Антошина В.Н., Дудкина Н.А.*
Художник *Шмырева И.М.*
Серийное оформление обложки:
дизайнер *Печерина Г.В.*
Компьютерная верстка *Бочкарев А.Ю.*

ООО ТД «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.09.2007 г.
Формат издания 84 x 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура FrizQuadrata.
Печ. л. 7,5. Тираж 20 000 экз. Тип. заказ № 4717189

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф».
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ

Первый пятилетний план и великий голод, стахановское движение и Большой террор... Из нищеты, периферийной страны 1920-х годов с колоссальным, но далеко не использованным потенциалом и огромными идеологическими и геополитическими амбициями СССР уже в 1930-е годы превратился в одного из главных претендентов на мировое лидерство. Какое влияние на развитие нашей страны оказал кризис мировой капиталистической системы, получивший название Великой депрессии? Почему в 1927 году в стране разразился кризис хлебозаготовок? Каковы итоги сталинской модернизации промышленности? В чем причины массовых репрессий? Что такое Мюнхенский договор? Об экономическом развитии страны, коллективизации сельского хозяйства и ее последствиях, об опустошительном смерче арестов и убийств, кошмарах ГУЛАГа и о том, в каком состоянии страна оказалась накануне Великой Отечественной войны, читайте в этой книге.

ISBN 978-5-486-01763-6

9 785486 017636

ГОДЫ РЕПРЕССИЙ